

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Свой среди медведей

Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника

Александр Берзан

**Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника.
Свой среди медведей**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берзан А. П.

Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника. Свой среди медведей / А. П. Берзан — «Издательство «Перо», 2022 — (Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника)

ISBN 978-5-00204-601-0

Дальний Восток России. Неохватная по площади территория. Неторопливое, вековое течение дикой, лесной жизни... На восточных окраинах континента, в просторах Тихого океана затерялась цепь Курильских островов. Каждый из островов имеет своё лицо. Но среди них есть настоящий бриллиант — остров Кунашир. Он существенно отличается даже от соседних с ним островов. Кунашир! Пёстрая смесь юга и севера... Первым годам работы и жизни научного сотрудника заповедника в экзотических лесах Кунашира были посвящены две книги серии. Постепенно, в течение четырёх лет полевых работ, научные интересы автора смещались в сторону изучения жизни медведей. И в этом нет ничего странного — почти каждый день он находился среди этих зверей. Всё знать о медведях! Всё! Досконально! И автор способен разобраться в особенностях жизни кунаширских медведей лучше других. Почему? Потому, что он — ботаник. А медведи — преимущественно растительноядные животные. Потому, что он вырос совсем рядом — в сахалинских лесах. И в кунаширском лесу, для него, нет тайн. Потому, что он по десять месяцев в году живёт в этом лесу. В отличие от наезжающих на Кунашир в короткие командировки, «учёных из цивилизации». Книга «Свой среди медведей» — это пятый год работы автора в лесах Кунашира. Очередной год жизни среди медведей... Каждый вечер, научный сотрудник заповедника устало садился за стол лесного кордона и открывал свой полевой дневник. При свете свечи, он старательно заносил в толстую тетрадь все события такого длинного, рабочего, лесного дня... Вот откуда берутся те мельчайшие штрихи в описаниях встреч с медведями, птицами и растениями, которыми так изобилует книга. Книга документальна. В ней нет ни слова выдумки. Краеведы, натуралисты, туристы, любители приключений! Вы,

что-нибудь, понимаете в лесной жизни? Три книги автора «Кунашир. Дневники научного сотрудника заповедника» — это редкая возможность для цивилизованного человека с головой нырнуть под полог такого многоликого, многослойного, такого необычного кунаширского леса. Я очень благодарен Алексею Капустьяну. Без него, этих книг не было бы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00204-601-0

© Берзан А. П., 2022

© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Свой среди медведей	7
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Берзан
Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника

© Берзан А.П., 2022

* * *

Свой среди медведей

Вот и опять – весна на дворе! В последней декаде марта, на острове установились прочные, весенние насты. Этот шершавый как акулья кожа, ледяной панцирь легко выдерживает вес человека... Михаил Дыхан, с вертолѐта, видел в перелесках бассейна Филатовки след медведя. Это было двадцать седьмого марта.

– Так! Медведи начали подниматься из берлог! – понимаю я, – Пора и нам, в лес.

Да, мы и так уж, торопимся! Мы – это я и мой младший брат Игорь. Он работает в отделе биологии СахКНИИ. Цель его командировки на Кунашир – выяснить распространение европейской норки. Европейскую норку называют русской. Русская норка! Это звучит...

Мы работаем с братом, в паре. Первым делом, по прочному насту, мы обследуем ручей Отрадный, в пяти километрах севернее Южно-Курильска. В декабре, я видел много набродов норки по заснеженным берегам этого ручья. Белая книга пороши показывала мне, как норка здесь кормилась, вытаскивая кетин через лунки, на лёд ручья... Но, сейчас – март. Ручей спит, под полутораметровым слоем снега.

Присев у торчащих из наста веток ольхи, я фотографирую покрытые крупной щѐткой инея почки деревца. Ручей – где-то далеко подо мной. Его, даже, не слышно. Ти-ши-на. Кругом стоит абсолютная тишина дикой природы.

– Красиво! – улыбаюсь я, прищурившись в видоискатель своего фотоаппарата.

Этот куст ольхи стоит прямо над погребѐнным глубоко под снегом, ручьѐм.

– Получается, что это – самые верхние ветки этого куста! – отрываюсь я от глазка фотоаппарата, – Надо же! Всё – под снегом! И ручей. Да и весь распадок...

Игорь не отвлекается. Он тщательно обследует каждую отдушину в насте, над ручьѐм. Но, пока, всё тщетно...

В среднем течении, в насте над ручьѐм появляются проталины. Мы, каждый раз заглядываем в эти метровые, снежные колодцы. Там, в воде ручья, во все стороны разбегается рыбная мелочь.

– Смотри! – улыбаясь, кивает брат в колодец, – А, мальмы – полно!

– Ну! – весело соглашаюсь я...

Протралив ручей до самых верховьев, мы выбираемся влево, на плоскогорье и садимся на торчащие из наста пеньки. Вокруг нас стоит по-зимнему заснеженный, молодой березняк.

– Фууу...

– Перекур...

Наши ружья лежат у нас на коленях. Мы переводим дух. И наслаждаемся окружающей “природой и погодой”...

Отражающееся от поверхности изумительно белого снега, яркое солнце выжимает из моих глаз слѐзы. На небе – ни облачка. Бездонная синева над головой! Я бросаю беспокойный взгляд на часы: “Уже почти двенадцать! Солнце... так жарко пригревает!”.

– Да! – понимает Игорь, мой намѐк, – Нужно торопиться обратно. Скоро – вместо наста, будет мокрый кисель.

Затушив окурок о наст у чѐрного носка своего болотника, Игорь поднимается со своего пенька и окидывает взглядом окружающий березняк: “Да-аа! За сегодня – ни одной зацепки! Никаких признаков присутствия норки!”.

– Но, была же она, здесь! – оправдываюсь я, – В декабре!

– Проходная, могла быть... – рассуждает брат, – Держалась здесь, пока рыбы было полно. А, как стало мало – так и свалила.

Мы оба молчим...

– Ну, что? Теперь домой? – интересуюсь я.

Сейчас мы работаем на Игоря, поэтому ему виднее, куда крутить.

– Да! – кивает тот, – Конечно.

Мы раскатываем голенища своих болотников. Торопливо, уже по колено проваливаясь в набрякший водой наст, бредём напрямую через пихтарники, в сторону побережья...

Четвёртое апреля. Южно-Курильск. Сегодня, у нас – выезд на полевые, в заповедник. Опять мешки, картонные коробки с булками хлеба, пакетами гречки и риса... Ведь, мы собираемся не на одну неделю.

Стоит промозглый туман серого рассвета. Сыпит мелкий дождик. Температура едва перешагнула через ноль и расквашенный снег не держит, совершенно.

– Мерзкая погода! – замечает Игорь.

– Ну! Почему у нас, каждый заезд – по такой погоде? – бурчу я, – Каждый год – именно так! Как только соберёмся в лес – так, обязательно дождь! И грязищи – по колено...

Зябко передёргивая плечами, мы лезем под мокрый брезент кузова заповедного грузовика Зил-157. Сегодня, наш путь – только до Филатовки. Мы задержимся на этом кордоне на пару дней. Чтобы обследовать тамошние ручьи.

Всё! Поехали!..

Террасы морского побережья уже, практически, свободны от снега. Зато, глянь чуть к лесу и перед глазами – настоящая зима!..

Мы почти доехали! Перед нами устье Филатовки. Дорога, с морского побережья, сворачивает влево, вверх по речке. До кордона заповедника остаётся метров семьсот...

По долине Филатовки – последние проталины заканчиваются на уровне кордона! Дальше стоит полная зима! И вправо, и влево – белое покрывало сплошных снегов. Правда, теперь оно изрядно посерело, под моросью... Откуда я, это знаю? Нешадно трясясь на колдобинах, я умудряюсь смотреть на “природу и погоду” из кузова машины, чуть отогнув край мокрого, тяжёлого брезента...

Филатовский кордон. Утро. Давление, на барографе, упало ещё ниже. Дождь шёл всю ночь. К утру, его перебило на снег! И сейчас я стою перед окном и смотрю как по старым, тёмным сугробам ветер гонит позёмку нового, белого снега.

– Вуууууу, Уууууууууууу... – в огромных кронах раскинувшихся над кордоном старых берёз, громко завывает метель...

Сидеть в доме и глядеть в окно, для нас с Игорем – не интересно. Мы уже вдоволь насиделись и наждались в посёлке. И мы решаем прогуляться вверх по ручью, что течёт мимо кордона. Это ручей Балышева. В сенях кордона, мы заранее поднимаем воротники, надеваем на руки перчатки и раскатываем голенища своих болотников.

Всё! Мы выходим на высокое крыльцо кордона. Я плотно, чтобы не отжало ветром, закрываю за собой дверь. И сразу слышу многоголосый, костяной перестук над головой.

– Дзинь-дзинь! Тук-тук-тук! Дзинь-дзинь-дзинь!

Я поднимаю лицо на звук и хмыкаю: “Хм! Это веточки берёзы! Обледенели и бьются друг о друга!”

– Ну! – кивает на это Игорь, – Ветер, смотри, какой!

Резкие порывы холодного, сырого ветра коротко обдают наши лица. Мы втягиваем головы в плечи и сворачиваем за угол дома...

Вот и ручей. Не задерживаясь, один за другим, мы торопливо спрыгиваем с отвесного снежного берега, прямо в ручей. Здесь тихо и даже, уютно. Если слово “уютно” подходит к снежной траншее в рост человека, с мелким ручьём вместо днища!

– Вуууууууууууу...

Метель многогласно воеет в кронах деревьев, над нашими головами. С борта на борт, она перебрасывает через нас белые струи позёмки. Снежная крупа, белой мукой, густо посыпает наши лыжные шапочки и плечи...

– Ничего! – я прислушиваюсь к своим ощущениям, – Работать вполне можно!

– Ну! – отзывается брат, – Лишь бы ветер не мешал.

Я поправляю на плече, ремень своего ружья и шлёпаю болотниками по мелкой водичке ручья, следом за Игорем. Он – уже весь в работе. Шаг за шагом, он внимательно осматривает припорошенную белым снежком гальку миниатюрных заберегов и всевозможные ниши в снежных бортах траншеи. Ищет, в основном, он. Я – только помогаю. Хотя и очень стараюсь...

Часто, из чёрных выворотней в снежной стенке траншеи, поодиночке выпархивают чёрные, маленькие птички.

– Хм! – кивает на очередную птичку, Игорь, – Крапивник!

– Ну! Поразлетались! – отзываюсь я, – Видишь? Ручьи, у нас, не замерзают всю зиму! И крапивник остаётся зимовать!

– Ну... А, что им? – коротко дёргает плечом между делом, брат, – Морозов, сильных, не бывает. Ручейников – полно! Что, им, ещё нужно? Для счастья...

– Саш! Давай, ты смотри по этому борту траншеи, а я буду – по этому! – через минуту, задаёт мне фронт работ, Игорь и мы углубляемся в поиски...

Поверхность снежка, перед моим лицом, часто прочерчивают мышинные строчки!

– Мышей сколько! – думаю я, прицениваясь к следам – Тьма!

Но, почти в каждом выворотне, мне встречаются такие же как мышинные, только – гораздо более крупные следы, с извилистым, “змеиным” поволоком посередине. Это крысы. Их скачки я легко распознаю. Не только по размеру отпечатков лапок и длине прыжков, но и по этому характерному следу от голого хвоста. На Кунашире – крысы и зимой обитают в дикой природе, без привязки к человеческому жилью. Чему всегда удивляются приезжающие к нам в командировки “мышатники” – специалисты по мышевидным грызунам. Крысы в дикой природе – это одна из особенностей нашего острова. Как я понимаю – на материке, такого чуда, нет...

Шаг за шагом, я тщательно осматриваю каждую неровность своего борта траншеи... Но, следов норки нет.

– Саш! – зовёт Игорь, – Смотри!

На уровне наших голов, по накрытому толстым снежным одеялом стволу берёзы, горизонтально лежащему через снежную траншею нашего ручья, прошла лисица!

– О! Лисица! – восторгаюсь я, – Совсем свежий след!

– Ага! – соглашается брат, – Улизнула перед нашим носом! Такие вот, снежные мосты через ручьи – излюбленные места зимних переправ лисиц и соболей!

Игорь лезет по снежной стенке ручьевого траншеи, наверх...

– Самец! – довольно улыбается он мне сверху, перегнувшись через снежный край, – Лисовин! По мочевой точке видно!.. Горячий след! Это мы его, сейчас, подшумели...

Игорь спрыгивает ко мне, в траншею...

– Джак! Джак! – через пяток минут громко закричала, выше нас по ручью и понеслась прочь, оляпка.

– Копия крапивника! – прищуриваюсь я, на птичку.

– Крапивник, увеличенный до размеров сойки! – поправляет меня, Игорь.

Но, на этом, сходство этих птичек и заканчивается. Оляпка – водная птичка. От ручьёв и берегов рек она не отдаляется. Даже полёт, у неё – такой же прямолинейный и тяжёлый, как у морских уток типа каменушек.

– Джак! Джак!

Тревожно “джакая”, оляпка срывается с торчащего из ручья небольшого валуна. Мельтеша своими короткими крылышками, она тяжело несётся над самой водичкой, вверх по ручью. Мы проходим по траншее вперёд, метров пятьдесят.

– Джек! Джек! – и снова оляпка, с тревожным джаканьем, срывается вверх по ручью...

На этот раз я вижу, что до того как взлететь, птичка спокойно плавала на поверхности миниатюрной заводилы! Как заправская утка...

– Ха! – я удивлённо хмыкаю, – Она плавала! Оказывается, оляпка плавает!

– Конечно, плавает! – смеётся на это, брат, – Она питается ручейниками, ковыряет их с камней под водой! Она ж не может просто утонуть в этой воде, если оступится!

Наконец-то, нам сопутствует удача!

– Саш! – улыбаясь до ушей, оборачивается ко мне Игорь, – Иди, смотри!

Я торопливо шлёпаю по мелкой воде, к нему...

Я пристально смотрю на два следочка на лёгкой “муке” свежего снежка, по галечке берега маленького завальчика.

– Ах! – ахаю я, – Норка!

Это перескок норки!

– Ну, – кивает Игорь, – Смотри! Они чуть меньше соболиных и не сдвинутые вперёд-назад, относительно друг друга! Ровная двойка!

– Я вижу! – нетерпеливо отзываюсь я, поедая следы глазами.

Всего два, чётких отпечатка! Но – это норка! Это, бесспорно, норка...

С километр дальше, Игорь находит ещё два таких же перескока норок.

– Судя по размерам следов – это разные зверьки! – прикидывает брат, – Вот и хорошо! Значит, норка есть! И – не одна!

Всё! Мы разворачиваемся в этой узкой, снежной траншее ручья, в обратную сторону. Мы шагаем на кордон. На сегодня – это самый рациональный вариант передвижения...

– Заметил? – уже недалеко от кордона, кивает себе под ноги, Игорь, – Воды стало больше!

– Ну! – на ходу киваю я, – Заметил... Прибывает!

А вот, по медвежьим делам – у меня, сегодня, совершенно пусто.

– Ну, что ж! – думаю я, шлёпая болотниками прямо по ручью, следом за Игорем, – Отрицательный результат – это тоже результат...

Филатовский кордон. Шестое апреля. Разыгравшееся ненастье, быстро проходит! Уже к утру устанавливается хорошая погода. Поднявшись рано утром, Игорь уходит осмотреть речку Филатовку, которая течёт по лесам параллельно ручью Балышева. Собственно, ручей Балышева – это её главный, левый приток.

По Филатовке – следы норки встречали многие! Но Игорь хочет убедиться в этом сам. Пока мы будем собирать пожитки, пока на печке сварится каша и пока мы, наконец, надумаем выходить в дорогу... Я думаю, что в его распоряжении имеется добрая тройка часов.

За суетой сборов, быстро пролетает время! К полудню стучает входная дверь, и в помещение кордона входит довольный Игорь.

– Ну, ты прямо как чувствовал! – оборачиваемся мы от стола, расставляя миски с дымящейся рисовой кашей, – Вовремя успел!

– Ну? Как там, у тебя?

Сняв с плеча ружьё, брат садится за стол.

– Хорошо!.. Норка везде, по Филатовке, живёт! – сообщает он, подхватывая со стола ложку, – Следы, часто встречаются!

– Так, мы ж тебе и говорим! – спокойно бросает на это, рассудительный Архангельский, – Что живёт!

– Ну... – улыбается ему, Игорь, – Вот и я, своими глазами, это увидел!

Не теряя времени, мы торопливо едим...

Андрей Архангельский подводит к высокому крыльцу кордона уже осёдланную лошадь, и мы помогаем ему навесить на её седло вьючные сумы.

Вскоре, наш маленький караван вытягивается по вездеходной дороге, на Медвежий перевал, в сторону Саратовской...

– Как здорово шагать налегке! – тихо радуюсь я, про себя, – Весь наш груз несут лошади! На нас – только ружья...

Три часа бодрого хода – и мы подходим к Саратовскому кордону. Бревенчатый домик с острой, высокой, крытой чёрным рубероидом крышей, всё-также стоит у дальнего края небольшой, белоснежной сейчас, лесной поляны. Увязавшиеся с нами с Филатовского кордона, лайки, заранее извещают лесника о приближении нашего каравана. Сейчас, на Саратовском кордоне обитает Сергей Олевохин.

– Что-то вы долго! – встречает он нас, на крыльце, – В девять сказали, что будете – и всё нет и нет!

Это, в утренний сеанс связи, Архангельский сообщил Сергею по радиции, о нашем караване.

Первым делом – разгрузка лошадей и чай, с дороги.

– Серёг! Ты, следов медведей ещё не встречал? – начинаю я, подсаживаясь к заставленному кружками маленькому столу, у окна.

– Ну, почему не встречал? – усмехается Олевохин, своей блуждающей ухмылкой, – Встречали!

– Когда, это было? – загораюсь я, – Какого числа?

– Так... Когда ж, это было? – задумывается Сергей, – Это было, когда ко мне Вовка Петровский приходил! Мы с ним проехали на Буране, в сторону Тятинки. И там – видели след. Медведь по снегу прошёл. Ещё – проваливался, сильно очень... Это было двадцать третьего марта! Это и был, первый в этом году, след!

– Ого! – вытягивается, у меня, лицо, – Почти две недели назад!

Я торопливо пишу в свой полевой дневничок, самую суть. Мне важны голые факты. А главное, в рассказе лесника – это дата и место...

– Игорь! – пристаёт лесник к моему брату, ему интересен новый человек, – Тебя, каким ветром, сюда занесло? Ты-то, кто, сам?

– В Южно-Сахалинске, у Воронова в лаборатории работаю, – отвечает тот, – Вот, в командировку приехал. Нужно выяснить, как тут, с норкой дела обстоят.

– Понятно... А что, здесь норка есть?! – озадачивается городской человек Олевохин, он абсолютно далёк от лесных дел.

– Должна быть! – пожимает плечами брат.

– Русская норка... – вздыхает Игорь, – Она же стремительно исчезает! Везде, по материку!

– Хм! – хмыкает в ответ, на всё скептический, Олевохин, – Чего так?

– Её всюду выдавливает сбегающая из звероферм, американская норка! Эта норка более крупная. И отлично приживается в нашей природе. Ситуация, сложилась – критическая! Все специалисты сходятся во мнении, и наш Геннадий Воронов, кстати – тоже, что единственная возможность спасения русского вида – это создание резервации нашего зверька на крупном острове, где нет “американки”. Для этого был выбран самый южный из крупных Курильских островов – Кунашир.

– А! Знаю! – вспоминает Сергей, – Где-то под Тятей выпускали!

– Ну... – кивает брат, – В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. Первую партию русских норок выпустили в низовьях речки Тятинка, у подножий вулкана Тятя. Для охраны этого места, здесь и был организован заказник...

– Это ж сколько зверьков... Откуда столько норок набрали?

– Их вырастили в вольерах Новосибирского академгородка!

– Вот это, даа! – тянет Сергей, – Я и про заказник слышал.

– Хм! – вспыхивает Игорь, – Заказник! Всего год спустя!.. Представляешь? Год спустя была выиграна борьба за организацию на Кунашире заповедника! И “норочий” заказник был реорганизован в природный заповедник “Курильский”.

– Зачем?! – недоумевает Олевохин, – Так всё сложно!

– Да тут норка ни при чём! – тоже горячится Игорь, – Это ботаники! Для ботаников Сахалина и Владивостока, Кунашир – это настоящий ботанический сад, это “снежные субтропики”! И операции по спасению русской норки пришёл крантец! Выпуск на Кунашир следующих партий норки пришлось прекратить.

– Почему?

– Хм! Одним из главных условий природного заповедника, – разъясняет брат, – Является запрет на занесение в его природу новых видов растений и животных.

– Капец... – вздыхает лесник, – И что, теперь?

– Ну... – задумывается Игорь, – С момента выпуска зверьков первой партии уже прошло семь лет! К Воронову с Кунашира поступает самая противоречивая информация о судьбе норок. Ваш Теплов сообщает, что норки здесь обычны. Другие же охотники – что не видели ни одного следочка! Наши тянули-тянули резину – и вот! Наконец, направили меня. Проверить наличие норки непосредственно в местах выпуска...

Я уже не слушаю. За столом кордона можно засидеться надолго. Каких только дебатов здесь не бывает! У меня – своих дел, много...

Ночью подморозило. Звёзды, ярким бисером, полыхают на небе.

– Упппппппп! Упппппппп! – поёт сычик в ватной тишине Саратовского кордона, за бугром, под которым стоит деревянной сарайчик с Бураном.

Его песенка умиляет меня своей тихой мелодичностью. Колыбельная...

Саратовский кордон. Мы с Игорем поднимаемся очень рано. Кругом – ещё сумерки, граница между ночью и утром.

– Какая-то птица, пела всю ночь! – рассказывает мне Игорь, – В моём углу – такие щели! Всю улицу слышно! Упппппппп!

– Ага! – улыбаюсь я, – Это мохноногий сыч. Дыхан мне его показывал, одной летней ночью.

К первым лучам солнца, мы с братом уже уходим с кордона. В нашей спешке есть прямой резон: к обеду солнце растопит наст! Чем мы, раньше начнём работать – тем больше успеем сделать.

Для начала, мы решаем пройти по левой стороне, вверх по речке, подрезая речную долину Саратовской со стороны Тятиной.

– Визь! Визь! Визь! Визь!

– Звик! Звик! Звик!

Прочная корка льдистого, шершавого наста лишь коротко взвизгивает под каблуками наших болотников. Над головой – бездонная ширь синего, безоблачного неба.

– Да-ааа! Как по асфальту! – радуюсь я, – Даже осторожничать не надо.

– Ну! – тоже радуется, Игорь, – Такой наст и машину выдержит!

Мы торопливо шагаем вдоль кромки хвойников. Так – мы не пропустим ни один след, прошедших через речную долину, медведей. Попутно, нас интересует и всякая другая живность – лисица, соболь...

Однако пройти, сегодня, нам удаётся не больше километра.

– Всё завалено снегом! – говорит Игорь, – Пока – нам здесь делать нечего!

– Ну!.. – соглашаюсь я, – Кругом – ещё стоит настоящая зима!

Интересно, но сама речка ото льда – полностью свободна! Это важно для Игоря, с его “норочьими делами”. Мы сворачиваем к речке и не спеша, внимательно осматривая каждую мелочь, шагаем по её берегам обратно, к устью...

Саратовский кордон. Ночь. Мы выходим из кордона. Игорь – покурить и послушать, я – просто послушать. Мы надолго замираем на высоком крыльце, прислушиваясь к настороженной тишине ночного леса.

– Тихо всё, – приглушённо говорит брат, – Аж в ушах звенит.

– Ну... – киваю я, – Филины не ухают! Странно это...

Саратовский кордон. Восьмое апреля. Утро. Мы начинаем свою работу с устья Саратовской...

За пару километров речки, Игорь находит пять перескоков норок!

– Ура! – радуется он, – Вот! На Саратовке есть норка!

– Здорово! – радуюсь я, за него, – О том, что здесь есть норка, из наших, “заповедниковских” – ещё никто не говорил!

Я, за Игоря, так рад...

А, ещё – мы видели уток! На сегодняшнем отрезке речки, мы подняли двенадцать больших крохалей!

Выше по речке – нам, пока, делать нечего. Там сплошь идут метровые стенки снега, вертикально обрывающиеся прямо в воду. По водичке, вдоль этого снежного берега – никак не пройти!

Мы отходим от речки. Здесь всё покрывает сплошная снежная целина. Мы шагаем по насту... Подворачиваем ближе к правому борту речной долины...

Обращённые на юг и восток, крутые и высокие склоны сопки, что стоят с западной стороны долины Саратовской, всегда раньше других открываются проталинами. Чем и привлекают к себе медведей со всей округи. По насту, мы виляем по просторным полянам речной долины, между массивами хвойников. Всё выше и выше по речной долине...

И выкручиваем к подножьям далёкой, безлесной сопки. Она стоит в развилке речки и её третьего, правого притока “Угловой”. Показавшееся на востоке, низкое солнце, косыми лучами освещает кроны пихт и елей, сверкающий искрами, льдистый наст...

На обширных полянах, нам часто встречаются следы мышкующих лисиц. Сейчас, очень легко узнавать давность следа! Вот! Эта лисица пробежала совсем недавно – её лапки всего лишь крошили щётку льдинок на поверхности наста. А, вот эта лисичка – она мышковала вчера, ближе к полудню. Её лапки оставили, в уже размягчённом настe, чёткие и глубокие отпечатки. А вот этот след – был оставлен к вечеру! Здесь лисица прошла, сантиметров на восемь проваливаясь в кисель набрякшего водой, за день, наста. И сейчас, после ночи, отпечатки её лапок – это стаканчики из толстого и прозрачного льда...

Цепочка лисьих следов, перед чёрными носками моих болотников, прерывается узкой, глубокой лункой. Тут вчера после полудня, лисица, стремительно орудуя передними лапами, выкопала из-под толщи размягчённого наста, полёвку! Почему я говорю не “пыталась выкопать”, а “выкопала”? Потому, что рядом с лункой лежат, в камень замёрзшие за ночь, желудок и кишки мышки. Это обычное подтверждение удачной, лисьей охоты. Так, эти рыжие бестии, делают всегда.

Время от времени, я вижу, как в стороне, Игорь поднимает палочками с наста очередной экскремент лисицы. Он осторожно заворачивает его в полоску кальки, привязывает бирку и вкладывает в матерчатый мешочек. Такие маленькие мешочки используют геологи СахКНИИ, при сборе образцов минералов или почв...

– Это тоже важное дело! – понимаю я, – Брат разберёт эти экскременты у себя в лаборатории и напишет научную статью о весеннем питании наших, Кунаширских лисиц. Какие из кормов – рыба, птицы, грызуны или насекомые, составляют основу их рациона.

Вокруг необыкновенно красиво. Меняя объективы, я часто фотографирую. То – веточки ольхи, мерцающие в лучах солнца льдистой щёткой изморози; то – голубые переливы снежных сугробов, искрящихся под лучами низкого, восходящего солнца; то – зелёные плети лишайников, седыми бородами свисающие с ветвей мощного тиса... Ну, и конечно – пейзажи. Пейзажи, пейзажи, пейзажи! Свежая, нетронутая природа сейчас, ранней весной, радует душу, как никогда...

– Визь! Визь! Визь! Визь!

– Звук! Звук! Звук!

По голому, покрытому настом склону, мы напрямую поднимаемся на вершину сопки. Как, это – легко, сейчас! И как трудно это, будет сделать летом...

С вершины открывается шикарный обзор, в сторону долины речки Саратовская и вулкана Тятя. Мы успокаиваем дыхание после затяжного подъёма. Стоим и словно красочную картину, рассматриваем лежащую под нашими ногами, панораму.

– Да-ааа!

– Красиво!..

– Сашка! – отрывает меня от лирики, Игорь, – Берлога!

Брат стоит под вершиной сопки, всего метра на два ниже её уровня. Здесь – крутой и уже чистый от снега, бамбуковый склон. Вернее сказать – по этому крутому склону, снег, лавиной соскользнул по бамбуку. И оголился вход...

Я подхожу к Игорю. И приседаю на корточки, перед провалом медвежьей норы.

– Хм! Смотри! Медведь начал копать – и упёрся в скальник!

– Ну. Каменные плитки валом лежат.

– Он понял, что нору берлоги он сделать не может. В глубь сопки копать не стал, а повернул по слою почвы и сразу сделал спальную камеру.

– Ну... Смотри – какая!

Мы оба засовываем в лаз головы.

– Смотри! Потолком служит – всего лишь дернина бамбука!

– Ну!.. Толстая, сантиметров десять!

– Как из проволоки! Она – фиг прорвётся! Крепкая!

– Ага... Давай мерить!

Я достаю рулетку и дневничок.

– Так! Пиши! Размеры лаза: высота шестьдесят, ширина – шестьдесят пять...

Я лезу вовнутрь...

– Длина до дальней стенки спальной камеры – два метра шестьдесят семь!.. Её ширина – сто тринадцать!.. Высота восемьдесят три!

Через пять минут, мы оставляем берлогу в покое и разворачиваемся лицом к вершине сопки...

Противоположный склон сопки, практически до самой вершины, покрыт смешанным лесом. На краевых к вершине деревьях, на одном с вершиной уровне, нашим глазам открывается огромное, сложенное из толстых сучьев, гнездо!

– О! – изумляется Игорь.

– Гнездо! – стою я, тоже задрал лицо вверх.

– Гнездо орлана-белохвоста!

– Смотри, где устроились!

– Ну... Пустует, пока.

– Ага! Не видно никого... Наверно, ещё рано.

Это гнездо – наше открытие! Оно никому не известно! Три года, орнитологи заповедника пытались выяснить, где находится гнездо орланов в бассейне Саратовской. И всё – безуспешно. Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет. Ведь, увидеть его можно только в непосредственной близости.

– А гнездо, всё-же, есть! – радуюсь я, – И – вот оно!

Я вытаскиваю из кармана свой дневничок и вношу в него данные о гнезде...

– Саш! А, гнездо – прямо, стандарт! – прищуривается Игорь, на гнездо, – Я, такие – уже встречал! Орланы находят толстое дерево, к вершине которого, своей вершиной прислонилось зависшее, другое дерево. И в месте стыка этих двух деревьев, собирают себе гнездо, из толстых сучьев.

– Точно! – соглашаюсь я, – Гнездо орланов, что на Тятинке, в завале – тоже построено в развилке, образованной зависшей, сухой пихтой, которая упёрлась в толстенную берёзу.

– Ну, вот!.. Всё записал?

– Ага!

– Тогда, что? Пошли дальше?

– Пошли!

И мы шагаем по насту, дальше. Начинаем скатываться с вершины сопки по другому её склону – в сторону Перевального, к западному борту Саратовской долины...

И, ещё на склоне своей сопки, выходим на след медведя!

– О! Медведь! Наконец-то! – радуюсь я.

– Сегодняшний след! – отмечает Игорь.

Когтистые медвежьи следы чётко печатаются по плотному снегу. Я вытаскиваю рулетку и замеряю ширину передней лапы...

– Двенадцать сантиметров!

– Ясно, – кивает брат, – Молодой, мелкий.

– Ну.

И без рулетки – мы видим, что это молодой зверь, практически, подросток.

– Надо его потропить! – предлагаю я, – Посмотрим, что он, в это время года, жрёт.

Мы шагаем по медвежьим следам, на белом снегу...

По склону сопки, след ведёт нас вниз, в пойму ручейка. Там, впереди, под пихтами, темнеет проталинка! Сойдя с наста в миниатюрное блюдце болотинки, медведь шлёпает своими широкими лапами прямо по покрытому водой, ковру зелёного мха. Я шлёпаю следом, своими чёрными болотниками...

То тут, то там, из зелёного ковра мокрой дернины вертикально вверх торчат тугие, острые рулончики листьев лизихитона. Медвежий подросток сразу начинает кормиться... На нескольких метрах его набродов, я насчитываю восемь покопок. Лунки доверху заполнены мутной жижей. Рядом с каждой валяется скушенный рулончик листьев лизихитона.

Я решаю лишний раз подстраховаться. Я снимаю с плеча ружьё и отдаю его брату: “Игорь, поддержи ружьё?! Я проверю, как он ест корневище. Лишняя проверка не помешает”. Я закатываю рукав и погружаю руку в ледяную жижу. Отыскав кончиками пальцев, на дне лунки, уходящее в почву корневище растения, я подрезаю верхнюю его часть кончиком лезвия своего тесака...

И вот, в грязных руках, я держу то, что осталось. Оказывается, обкопав росток лизихитона, медведь скусил его на уровне корневой шейки, оставив толстое корневище этого болотного растения в почве, совершенно не тронутым.

Я поднимаю лежащий рядом с лункой, тёмно-зелёный листовый рулончик и пытаюсь составить вместе обе части растения. Между ними не хватает фрагмента, сантиметра четыре длиной.

– Это, как раз то, что наш медведь съел! – прикидываю я, – Понятно!

Пока ещё не совсем окоченели мои мокрые руки, я торопливо погружаю их в жижу соседней лунки...

Здесь медведь вообще не добрался до корневища! Листовой рулончик скушен высоко над корневой шейкой.

– Хм! Подтверждается то, что мы и так знаем – он ест плотное основание ростка между листовым рулончиком и корневищем!

– Ага, – кивает Игорь, – Рыхлые ткани листовых пластинок не трогает.

Двух лунок вполне хватает для моих рук. Они, буквально скрючиваются, в ледяной жиже. Я торопливо отмываю их и свой тесак, от грязи, в чистой воде. Нож – скорее вгоняю в ножны, на непослушные пальцы – кое-как натягиваю перчатки.

– Так! Теперь давай пройдем по следу дальше.

От овражка болотинки, медведь напрямик направляется на склон Саратовского борта. Мы шагаем по его следам...

Здесь уже пошли первые, небольшие проталинки! На первой же из них, медведь сразу делает покопку. По опыту прошлого года я знаю, что такая вот, маленькая, узкая лунка, на прогреваемом солнцем склоне с плодородной почвой – это симплокарпус. Чтобы убедиться в своей правоте, я подношу к носу оставшуюся от растения, малюсенькую, прозрачную плёночку, наподобие луковичной чешуйки...

– Фу! – морщусь я нос от едкого запаха и бросаю прочь плёночку, – Какие сомнения?! Конечно, симплокарпус!

Я поднимаюсь с колен. Медвежьих следов, без снега – не видно. Но, продвижение медведя дальше, по проталинке, я уверенно прослеживаю по цепочке покопочек симплокарпуса.

– Одна симплокарпус! Вторая симплокарпус, третья симплокарпус... – шагаю я, от одной лунки к другой, – Четвёртая – тоже симплокарпус... На этой проталинке – шесть покопок симплокарпуса!

Медвежий след ведёт нас на более крупную проталину, узкой полосой протянувшуюся вертикально по склону. Я петляю по этой проталине, следом за медведем...

– Здесь нашёл восемь покопок! – говорю я.

– Прибавь ещё пять, – приглушенно говорит мне, подошедший сверху, Игорь.

Он осматривал верхнюю часть проталины, не охваченную мной...

Теперь, след подростка ведёт нас поперёк склона Борта, горизонтально в середине его высоты. Это – довольно высоко, отсюда хорошо просматривается вся долина Саратовской, с её пойменными ивняками и ольховниками, обширными массивами хвойников по междуречьям...

Мы бредём по склону, рядом с медвежьим следом. Здесь лежит сплошной снег...

Выбираемся на очередной, вертикальный гребешок. И натякаемся на лёжку нашего подопечного! Медвежий след с лёжки уходит дальше.

– Свежий! – бросив взгляд на отпечатки когтистых лап, загорается Игорь, – От нас пошёл.

Мы торопливо проходим десяток шагов дальше – и нам открывается следующая, вертикальная складка склона. Хорошо видимая на снежной целине, цепочка медвежьих следов, уходит прежним курсом дальше, режет склон поперёк.

– Вон, он! Вон, он! – в горячке, тычет рукой вперёд, Игорь.

Проследив цепочку следов до конца, я тоже вижу чёрного медведя! Он торопливо шагает по режущему глаза своей белизной, снегу. Время от времени, бросая короткий взгляд через плечо назад, подросток уходит прочь. Он уже приближается к следующему, вертикальному гребешку Борта. Мы стоим и улыбаемся ему вслед...

– А, медведик – молодец! – прикидываю я, – Метров на сто пятьдесят нас не подпустил!

– Ага! – улыбается Игорь, – И нигде не бежал! Посмотри! На всём протяжении от лёжки – шагом шёл.

– Ну! – соглашаюсь я, – Значит, нас подхватил ещё издали. Снялся с запасом...

Мы разворачиваемся и делаем пяток шагов к медвежьей лёжке... Она сделана на вертикальном гребешке. Снег, здесь, уже сошёл. Солнце жарко пригревает уже подсохшую почву и слой прошлогодней листвы.

– Самый солнцепёк! – оценивает Игорь.

– Но, подстилку, он – всё-равно, сделал! – замечаю я.

Видимо, с земли тянет холодом, одних лучей солнца медведю показалось мало. В облюбованную под лёжку ямочку на бугре, он сгреб охапку прошлогодней соломы вейника, растущего поблизости. И устроился на этом матрасике.

– Хм! – хмыкает Игорь, глядя с лёжки в обратную сторону, на наш след, – Конечно, заметит! С неё, на белом, снежном склоне, мы – как на ладони!

– Значит, молодец! – отзываюсь я, замеряя размеры лёжки своей рулеткой, – Осторожный! И лёжку хорошую сделал – с подстилкой! Молодец, одним словом...

Теперь – наше внимание переключается на помёты. Рядом с лёжкой лежит медвежий помёт. Только, это – не кучка, это – колбаска. Только, эта колбаска – прямая, крепкая и очень уж толстая, семь – восемь сантиметров в диаметре. Мы с братом недоумённо стоим над ней...

– Как палка! Ничего себе, калибр! – наконец, открывает рот Игорь, – Для такого небольшого.

– Игорь! Это пробка! – догадываюсь я.

– Хм! – с сомнением, хмыкает брат, – Никогда не видел.

– Точно говорю, пробка!.. Хотя, я тоже её никогда не видел.

Я рад нашей находке – несказанно!

Дело в том, что осенью, несколько недель перед залеганием в берлогу, медведь практически ничего не ест. Не потому, что сознательно очищает желудок перед зимней спячкой, а потому – что есть нечего. Долгие зимние месяцы он дремлет в берлоге и не испражняется. Остатки переваренной в желудке и в кишечнике пищи, накапливаются на выходе, в прямой кишке. За долгие месяцы зимы, из этой каловой массы в организм медведя всасывается вся влага и к весне, эта масса превращается в плотный, каловый камень. Весной, в течение первых же суток после выхода из берлоги, медведь освобождается от этой пробки...

Пока, ещё – мне не доводилось сталкиваться с подобным. И вот – такая удача!

– Как же её забрать с собой?! – озадачиваюсь я.

Я беру крепкий сук и переламываю плотную “палку” пробки примерно пополам. Оба отрезка пробки вкладываю в полиэтиленовый пакетик – эта штука требует более тщательного анализа, чем простой помёт.

– Такая ценность! Я её на кордоне разберу! – говорю я брату, – Без всякой спешки... Я ни разу не видел, чтобы в медвежьих статьях кто-нибудь делал подробный анализ содержимого медвежьей пробки!

Всё! Медвежья лёжка измерена, схемка её расположения зарисована. Мы стоим и думаем, что делать дальше.

– Давай, ещё немного пройдем за нашим медведиком? – предлагаю я.

– Давай! – соглашается Игорь, – Хотя бы, до следующего гребешка!

И мы трогаемся вперёд по медвежьему следу, поперёк склона. Наст размягчился под солнечными лучами и уже не держит нас. Игорь борется со снежной массой шагах в пяти впереди меня...

Проваливаясь на всю длину болотников через каждый шаг, мы с трудом выгребаем по чохлому, молодому березняку на следующий, вертикальный гребень. Это – метров триста тяжёлой борьбы со снегом...

Этот гребешок уже покрылся узкими проталинами, протянувшимися вертикально по склону. Чуть только лицо Игоря оказывается на уровне гребня, он тычет пальцем перед собой: “О! Лёжка!”.

– Ох, ты! – радуюсь я, добравшись до него.

– Смотри, как вывел! – хмыкает Игорь, – По такому длинному склону – и прямо на неё!

След нашего подростка проходит через эту медвежью лёжку и не задерживаясь, уходит дальше.

– Хм! Он, просто, о ней знал! – прикидываю я, – Значит, эта лёжка – его!

– Ну! – кивает брат, – Получается, что так.

Эта медвежья лёжка расположена на гребешке, точно так, как только что описанная нами, сегодняшняя. Но здесь, мы ничего не можем понять – столько медвежьих следов на снегу пона-мешано. Осторожно переступая ногами, чтобы не затоптать следы, мы начинаем распутывать этот клубок...

Оказывается, вчера, как и сегодня, наш подросток выбрал для своей лёжки гребешок на открытом склоне Саратовского борта. На бугорке, он сделал себе лёжку. Отличный обзор вправо, влево и вниз обеспечивал ему спокойный отдых...

Однако, счастье омрачил матёрый медведь! Не ведая о подростке, крупный медведь пере-валил через гребень Борта с запада, со стороны сопок хребта Докучаева. Он спокойно спу-скался вниз по склону. И вышел на лёжку подростка, прямо сверху!

– Саш! Смотри, как близко этот слоняра подошёл к нашему медведю сверху! – тычет пальцем в когтистые, снежные следы, Игорь, – Наш – с лёжки подорвал, как ошпаренный!

– Даааа... – тяну я, внимательно глядя себе под ноги, на медвежьи следы.

О том, что матёрый медведь подошёл к нашему подростку, практически вплотную – крас-норечиво говорят шальные прыжки, сорвавшегося с неё вбок по склону, подростка. Я вытас-киваю из кармана рулетку и приседаю у чёткого отпечатка когтистой передней лапы...

– Шестнадцать сантиметров!

– Крупный!

– Ну... Смотри! Матёрый шёл вчера, по уже подтаявшему снегу – значит, ближе к вечеру.

– Значит, эта лёжка нашего подростка – его вчерашняя днёвка.

– Выходит, что так! – соглашаюсь я.

Заинтересованный вспугнутым им молодым медведем, матёрый медведь подвернул к его лёжке. Спокойно шагнув со своего курса вправо, он вышел на лёжку подростка.

– Саш! Он шагнул всего три шага! – изумляется Игорь.

– Ну, – киваю я, – Получается, что он оказался от спящего на своей лёжке нашего под-ростка – в трёх шагах.

– Всего в трёх шагах! Может, хотел задавить?

– Нет! – возражаю я, – По следам получается, что первым подорвался, с лёжки – подро-сток! А, матёрый – шёл спокойно, до последнего следа! Смотри – вот! Он, просто завернул на его лёжку. Из интереса...

Следы на снегу показывают нам, как матёрый медведь спокойно обнюхал следы молодого медведя и потоптавшись на его лёжке, продолжил свой путь дальше, вниз по склону. Тропить дальше, горячий след уходящего от нас подростка, для нас – смысла нет, и мы сворачиваем на след матёрого зверя...

Этот медведь валит, всё вниз и вниз. Мы тоже шагаем вниз, рядом с его когтистыми, снежными следами, всё прямо вниз по склону...

На крутом, снежном склоне среди редкого березняка, медвежьи следы подводят нас к странному жёлобу в снегу. Сантиметров двадцать глубиной, он проложен прямо вниз по склону, на добрые тридцать метров! Мы стоим и смотрим на жёлоб.

– Саш! Это что такое? – недоумённо спрашивает Игорь.

– Чёрт его знает! – я недоумённо вздёргиваю вверх плечи.

Я приседаю на корточки и с интересом, трогаю пальцами плотную, снежную стенку жёлоба. Я медленно шагаю вдоль него вниз, осматривая всё вокруг...

Вот и конец жёлоба. Он заканчивается... нормальными, медвежьими следами! И тут, меня осеняет мысль: “Он, тут, ехал!”.

– Он, тут, что – катался?! – недоумеваю я, вслух.

Снежные отпечатки когтистых, медвежьих лап круто поворачивают вверх по склону. Мы шагаем рядом с ними, тоже вверх по склону, читая дальше “белую книгу”...

Поднявшись по склону, медведь, длинными прыжками, бросается вниз! Мы широко шагаем вниз, по снежным следам медвежьих прыжков. Мои четыре шага – один медвежий прыжок...

Снег показывает нам, как, набрав скорость, в прыжке, медведь поджимает свою задницу вперёд и скользит на ней по снегу, чертя новый жёлоб...

– Вот, это, дааа! – недоумённо тянет Игорь, – Он, здесь, на заднице ехал!

– В том-то и дело! – удивлённо соглашаюсь я, – Если б на пузе – на днище жёлоба были бы борозды от локтей и коленок!

В конце жёлоба, внизу, медведь снова разворачивается и лезет вверх по склону...

Вот, это, новость! Я стою и недоумённо смотрю на следы длинных медвежьих прыжков вниз по снежному склону, на прочерченные сверху-вниз, среди заснеженного березняка, длинные и глубокие жёлобы.

– Такой большой медведь, словно мальчишка с рогаткой, катался с горки?! – недоумеваю я, – Ему что – делать нечего было?!

– Может, он детство вспомнил? – улыбается мне брат, – Или мы чего-то не понимаем, в их жизни.

– Да, – соглашаюсь я, – Скорее, не понимаем.

– Помнишь? – вдруг рухает Игорь, – В посёлке! Мы стояли и смотрели на медведя, через речку! На Повороте! Он тоже катался по снегу!

– Точно! – ахаю я, – Это в мае было! Сверху-вниз на заднице съедет. Поднимется – и лезет вверх по склону.

– И опять едет!..

– Хм! Так мы, эти медвежьи катания, видели своими глазами! В детстве! Я восьмой класс заканчивал, а ты – пятый.

Мы стоим и улыбаясь, смотрим на медвежьи борозды в снегу: “Вот это, дааа!”.

– Ну... Привет из детства...

Вволю накатавшись по снегу, медведь продолжает свой путь дальше, вниз. Шагаем вниз по снежному склону и мы...

У подножия Борта снег – более глубокий. И рыхлый! Он плохо держит медвежью тушу.

– Саш! – оборачивается ко мне, на пару шагов идущий впереди, Игорь, – У нашего слона пузо в земле!

– Что?! – удивлённый, я спешу к нему, – Какая земля?!

Игорь стоит около снежного перемёта, горбящегося между молоденькими ёлочками. Здесь, наш медведь “ухнул” в снег на всю длину своих ног и проминая сугроб животом, как трактор протаранил снежную толщу. И вся эта, снежная борозда покрыта сухой крошкой желтоватой глины!

– Ого! Точно, земля! – озадачиваюсь я, перебирая крошки глины пальцами...

И тут же озираюсь вокруг: “Где он землю, здесь, нашёл?!”. Здесь, под склоном, кругом – только ёлочки, в рост человека, придавленные метровым, рассыпчатым снегом! Зима! Проталин нет и в помине...

– Когда кормится, медведь, конечно, ковыряется в земле, – рассуждаю я, – Но, делает это, он – аккуратно! Я – сам наблюдал! Так перемазаться в земле при кормёжке – он, ну никак, не может! Да и земля эта – совсем не болотная грязь...

– Я такую земляную крошку знаю! – вдруг, рухаю я, – В берлогах!.. Игорь! Он только что из берлоги! Вот что это!!!

– Точно! – согласно кивает Игорь, – Берлога!.. Только – не “только что”, а вчера.

Заметив моё недоумение, он спрашивает: “След – вчерашний?”.

– Точно! – киваю я, – У меня – уже всё перемешалось! Тороплюсь, словно иду по горячему следу...

Но след – такой свежий, хорошо сохранившийся!

– Вот бы протропить его в пята, до берлоги! – загораюсь я, – Свежая берлога! О таком и мечтать не приходится!

Мы, оба, разворачиваемся к нависающему над нами во всей своей бесконечности, крутому снежному склону Саратовского борта. След нашего медведя, чётко прослеживается от наших ног, всё выше и выше... по прямой линии, до самого гребня Борта. По мере того, как запрокидываются к небу наши лица, в наших глазах исчезают искорки энтузиазма.

– Ничего себе, штурм! – Игорь с опаской бросает на меня, короткий взгляд, – Да, мы там содохнем! Ну, его к чёрту, а?

– Дааа... Берлогу найти бы! – мечтаю я, не сводя взгляда с гребня Борта, в поднебесье.

И тут же, решительно выдыхаю воздух: “Но, я не сумасшедший!”.

Здравый рассудок сегодня побеждает, и мы шагаем по следу медведя дальше, вдоль подножия Борта. Здесь – массивы хвойного леса. Чёрное море елей и пихт уходит вперёд, до горизонта...

Мы шагаем по следу. Большие, когтистые следы на снегу, перед глазами... На острие одного из языков хвойников, наш медведь прямиком подходит к группе ободранных ранее, медведями, деревьев. Деревья с медвежьими метками! На Кунашире они – не редкость. Сейчас, перед нами – это пять пихт, диаметрами от шестнадцати до двадцати трёх сантиметров. Из года в год, медведи оставляют на стволах этих пихт свой запах, задиры и прочие метки. Проходящий по этому участку леса медведь никогда не пройдёт мимо, чтобы не подойти и не прочитать “визитные карточки” местных медведей...

У ствола пихты, в снегу остались два, промятых до земли, углубления от лап.

– Смотри! – приседает Игорь на корточки, у снежных отпечатков от медвежьих лап, – Он стоял на задних лапах! Спиной к стволу!

– Ага! – соглашаюсь я с ним, – О ствол спиной чесался. Это – он свой запах оставил.

Я прикладываюсь носом к стволу дерева и вдумчиво, медленно тяну воздух. В мой нос проникает терпкий, горьковатый, медвежий дух...

– Так пахнет медведь давностью одни сутки! – стараюсь запомнить я, запах.

Так я делаю всегда. Нужно напоминать себе запахи медведя, в зависимости от давности их нанесения. В нашей лесной жизни, очень важно знать давность медвежьего запаха.

Следы на снегу ведут нас дальше... Подойдя к соседнему стволу и снова поднявшись на дыбы, медведь сделал задыр. Мы стоим у этого ствола и внимательно рассматриваем белую, сочащуюся смолой свежую древесину, на месте сорванного лоскута коры. Я вынимаю из кармана рулетку. Игорь записывает в мой дневничок...

– Так! – диктую я ему, – Пихта. Диаметр ствола восемнадцать сантиметров. Высота задыра двести пятьдесят сантиметров, высота закуса – сто восемьдесят два...

– Хм! – прикидываю я – На этой высоте находится морда нашего медведя, когда он стоит на задних лапах!

– Ага! – кивает Игорь, – Эту метку медведь делает клыками... Саш, смотри – и этот ствол тоже зачёсан!

– Ага. Вижу, – киваю я, – Смотри, волоса сколько, осталось... в трещинах коры и пеньках от сучков!

– Весна, – вздёргивает плечом Игорь, – Линяет.

– Ага! – улыбаюсь я, – Или сильно чешется!

– Да, – улыбается Игорь, – Линять ещё рано.

Всё! Солнце окончательно растопило наст. Дальше – нам становится уже не до тропления. Мы бросаем медвежий след и через каждые два шага проваливаясь в толщу мокрого снега по пояс, напрямую режем массивы Саратовского ельника, в направлении кордона...

Где-то в середине хвойника, мы вываливаемся в уходящую далеко вперёд, траншею какого-то ручейка!

– Фууу! – длинно выдыхаю я воздух, переводя дух.

– Дааа! – кивком соглашается со мной Игорь, вытирая рукавом разгорячённое лицо, – Тяжело!

Дальше – мы шлёпаем болотниками по этой снежной траншее, прямо по воде, вниз по ручью. Нам всё-равно – здесь все ручьи выводят на Саратовскую...

Вот и Саратовская! Однако, здесь нас поджидает новый сюрприз! От речки до кордона, через всю её трёхсотметровую пойму, нам тоже приходится “бить” снежную целину! Мы крадёмся через снежную равнину поймы. Мы шагаем след в след. Игорь идёт первым. Его вес наст ещё выдерживает – он легче меня на добрый десяток килограммов. Я же, даже шагая по его следам, через шаг по пояс обрушиваюсь в толщу мокрого снега!!! В конце-концов, я не выдерживаю и как дикий кабан, в озлоблении тараню эту снежную массу, изначально пробивая её болотниками до земли, уже даже не стараясь удержаться на предательской корке наста...

Весной, дни – долгие. Немного отдохнув и выпив кружку холодного, оставшегося с утра чая, я устраиваюсь у прогретой солнцем, высокой завалинки Саратовского кордона. Игорь сидит рядом, оперевшись спиной на чёрную, покрытую рубероидом, завалинку. Я натягиваю на руки тонкие, резиновые перчатки. Сначала, я орудую рулеткой.

– Так... Диаметр колбаски семь сантиметров! Общая длина... сорок сантиметров!

– Круто! – кивает на это Игорь, – У него была забита вся колба прямой кишки!

– Ну! – соглашаюсь я.

Теперь, я беру в руки две острые палочки...

– Передняя часть пробки, около десяти сантиметров – самая толстая и самая плотная! Ого! Она с трудом поддается моим палкам! – комментирую я, свои действия – Полностью состоит из кусочков скорлупы орешков кедрового стланика.

– Где, сейчас, он нашёл орешки? – удивляется брат, – На вулкане? Вулкан полностью под снегом. Здесь? На вершинах хребта Докучаева? Тут – тоже зима.

– Ну! – кивком соглашаюсь я, – Сейчас – заросли кедрового стланика закрыты снегом! Везде! Сейчас, медведь не мог кормиться орешками! А, значит – он это делал осенью. Это – спрессованные за зиму, остатки его осеннего корма! Так что – гарантированно! Это – пробка! И ни что иное...

Я снова склоняюсь над “объектом”...

– Остальная часть пробки, на восемьдесят процентов, состоит из пятисантиметровых отрезков жёстких стеблей хвоща, дополняемых всё той же скорлупой орешков кедрового стланика. По-просту – это жгут из кусков стеблей хвоща! Толщиной семь сантиметров.

– Что за хвощ? – интересуется Игорь.

– А? – я поднимаю голову, – Хвощ зимующий.

– Ааа! – улыбается Игорь, – Кучеренко пишет, что для дикого кабана, в Приморье, хвощ зимующий является основным и самым калорийным кормом в зимний период! А медведь и кабан – очень близки по питанию. И тот и другой – всеядные!

– Ага! – прикидываю я, – Значит и хвощ, в пробке – тоже, не случайный элемент! Медведь его осенью, по снегу, ел!.. Он же – вечнозелёный. Перед зимой заморозки всю растительность кончили. Кроме этого хвоща, да лизихитона – есть нечего было.

Пока я ковыряю медвежью пробку, Игорь осмысливает вслух, увиденное нами сегодня: “Саш! Послушай... Сегодняшний “слон” обновил метки на деревьях. В трёх местах! Он обозначил своё появление в районе проталин!”.

– Угу! – соглашаюсь я с братом, но голова моя, по-прежнему, занята анализом пробки, – Заметь, ещё, вот что! В пробке, скорлупа – только орешков! Никаких кроющих чешуй и сердцевинок шишек – здесь нет! Значит, точно – медведи шелушат шишки! Я в прошлом году, на вулкане, до этого додумался.

– Шелушат шишки?! – удивляется брат, – Я думал, медведь – такая огромная скотина, что как комбайн, просто жрёт шишки! Массой! Загружает в пасть, как в прорву!

– Хм! Посмотри сам! – предлагаю я, и брат склоняется над моим поддоном...

– Точно... Нет никаких чешуй и сердцевинок... Значит – шелушит!.. Вот, новость!

– Ну! Я, раньше, тоже думал, что жрёт! – киваю я, – Пока помёты не стал ковырять.

– А, ведь, действительно! – думает Игорь, прищулив глаза, – Чешуи кедровых шишек непременно были бы в помёте! В зрелой шишке они – как камень, одревесневшие! Он бы их не переварил!

– Ну! Не переварил бы! – соглашаюсь я...

Мы решаем, завтра – снова выйти к подножиям Саратовского борта, но только слева, со стороны ручья Перевальный...

Саратовский кордон. Утро встречает нас сильнейшим туманом! В этом белом молоке – ничего не видно и за пятьдесят шагов! Но, мы – здесь живём. Нам, какие-либо ориентиры на местности и не нужны. Более серьёзной проблемой, чем туман, нам представляется оттепель. Вокруг тепло и сыро, а это значит, что нет наста...

Наста нет, но есть тяжёлый, плотный снег! Коротенькими шажками, Игорь семенит по этому плотному снегу, выбирая открытые пространства ивняков поймы – здесь снег плотнее, чем под кронами пихт. Вокруг абсолютно безветренно. Вязкая, влажная тишина, ватой залепляет уши. Точно по следам брата, я семеню сзади. Так, мы проходим по пойме Перевального...

Вот! Медвежьи следы! Слева-направо, перед нами, через пойму ручья, со стороны соседнего ручья Вилка, перешли медведица с медвежонком! Я вынимаю из кармана свою рулетку...

– Медведица – тринадцать! У медвежонка... десять.

– Угу, – принимает к сведению, Игорь, – Медвежонок прошлого года – годовик.

Медведи сошли со снега на проталинку поймы и сразу начали кормиться. Я шагаю по следам и считаю поеди...

– Всего три ростка белокопытника скусили! – делюсь я, – Причём, едят только плотные ткани листового черешка! А рыхлую листовую пластинку не трогают, бросают.

– Понятно! – кивает Игорь, – У лизихитона тоже так... Почему так мало? Всего три ростка!

– Не знаю. Сразу дальше пошли.

Мы шагаем по медвежьим следам, дальше...

В ближайшем к пойме колке спелого пихтарника, на след медвежьей семьи выходит след крупного медведя! Мы настораживаемся. Однако, обнюхав следы медведицы и медвежонка, матерый медведь спокойно продолжает свой путь. Его курс – в противоположную сторону, к Вилке.

– Смотри-ка! – раздумываю я, – Обнюхал следы, познакомился... и дальше пошёл.

– Ну! Принял к сведению! – отзывается Игорь.

Крутнувшись у подножия Борта, медведица круто повернула на восток и по прямой, никуда не отклоняясь, повела медвежонка через равнину Саратовских ельников...

Под пологом Саратовского ельника – наста нет, вообще! Под кронами, капающая с ветвей елей, капель намёрзла на поверхности снега плоскими блюдцами льда.

– Тарелки льда, на поверхности снега! – удивляюсь я.

– Ледяные тарелки! – усмехается Игорь, – Никогда такого не видел!

Наши медведи, без проблем, шагают под ельником по снегу, не проваливаясь. Игорь проваливается по колено, через каждый четвёртый – пятый шаг. Ступая по его следам, я “ухаю” на всю длину своих болотников, на каждый второй шаг! Моё продвижение по лесу напоминает бесконечную борьбу оленя, в полынье...

Вот, впереди, среди частокола стволов ельника, выделяется, затёртый медвежьими боками, ствол сигнального дерева! Следы наших медведей проходят вплотную к этому стволу, мимо...

– Хм! – я недоумённо останавливаюсь у ствола со старыми медвежьими метками, – Как шли – так и прошли! Почему медведица внимания не обратила на сигнальное дерево?!

– Ну! – соглашается брат, на цыпочках шагая дальше, – Странно... Значит, мы чего-то не знаем.

– Уф! Блин! – я, в очередной раз, по пояс всаживаюсь в смесь ледяных блюдцев и набрякшего водой, плотного снега...

Вот, впереди – опять ствол дерева с медвежьими метками! И снова, наши медведи равнодушно проходят мимо.

– Никакой реакции! – поражаюсь я, – Что это значит?!

– Саш! – оборачивается ко мне, Игорь, – Может, медвежья семья, имея свободу передвижения по участкам других медведей и не должна реагировать на метки других медведей? Что, если им глубоко наплевать на медвежью иерархию?!

– Ну... не знаю! – пожимаю я плечом, – Чисто логически – пусть, им не интересны другие медведи! Но, о себе, медведицы должны наносить информацию?!

– Ну... если логически – то должны! – соглашается Игорь.

Пройдя на восток через всю равнину Саратовских ельников, медвежья семья пересекает широкую речную пойму Саратовской и выводит нас на её левый край!

– Мы – всего около сотни метров выше поляны Саратовского кордона! – тяжело дыша, я прислоняюсь к стволу толстой берёзы, – Блин! Кто б мог подумать, что, чёрт знает откуда, она приведёт нас обратно, на кордон! Она привела нас домой!!! Ни помётов! Ни покопок! Ни поедей! Ни лёжек!.. Просто приятная прогулка по лесу!!!

Игорь устало опускается рядом: “За всё время, ни разу не легли! Всё идут и идут... И строго по прямой!”

– Ну! – соглашаюсь я, – Интересно, куда они тянут?

Словно услышав моё недовольство, на ближайшей проталине, медвежья семейка решает подкрепиться. С ручкой и дневником, я брожу по следу медведицы и считаю её покопки и поеди. То же самое делает Игорь, раскручивая кормовые наброды медвежонка...

Сойдясь вместе, мы подсчитываем цифры...

– Получается – двадцать пять покопок лизихитона, три покопки симплокарпуса, двадцать три скупа белокопытника, шесть поедей бодяка, – подвожу я итог, – Такое количество поедей – конечно, не обжорство, тем более, на двоих. Но и просто перекусом – это, уже не назовёшь.

– Поели! – радуется Игорь, – Теперь – должны на днёвку упасть!

Однако, медведица, вместо того, чтобы свернуть влево, в массивы хвойников, подворачивает вправо и выводит нас... прямо на бугор лесной поляны Саратовского кордона!

Саратовский кордон! Перед моими глазами – родная лесная поляна, родной, островерхий домик кордона...

Словно две ищейки, упёршись глазами в снежные медвежьи следы у себя под ногами, мы с Игорем, друг за другом, семеним перед фасадом кордона, пересекая его поляну. На высоком крыльце Саратовского кордона, в рядок, сидят его нынешние обитатели. Курят... Лесник кордона Сергей Олевохин, с ведром в руке, шагает на бугор, к сараю с чёрной кучей угля. Он оказывается к нам – ближе всех.

– О! Саня! Это вы, что ли?! – удивлённо останавливается он на полпути, – Что, это, вы тут делаете?

– А, Серёга! – на ходу, я на миг поднимаю на него глаза, – Конечно, мы!.. Мы, тут – работаем! А вы что, тут, делаете?

– Мы? – озадачивается Олевохин и оглядывается на крыльцо, – Мы – тоже работаем!

Сергей, усмехаясь своей всегдашней блуждающей улыбкой, смотрит на нас. Наверняка, в его голове сейчас вертится что-то, типа: “Этих научных – не понять! Бегают по лесу туда – сюда!”. Не отвлекаясь ни секунды на разговоры, мы с братом, друг за другом, ныряем под густые лапы спелого ельника, по медвежьему следу...

Медведица срезает “околокордонный” массив по прямой линии!

– Если она и дальше так пойдёт! – прикидываю я, на ходу, – То – через триста метров, вообще выведет нас на голые террасы побережья!

– Ну... может, ляжет где, поблизости? – отзывается, шагающий первым, Игорь.

Но... лес кончается. Перед нами раскрывается ширь океанского побережья. Мы стоим в полном недоумении.

– Вот, это, дааа! Просторы...

– И что, всё это, значит?!

– Бред! Вот что.

Следы наших медведей напрямую ведут через пустоту безбрежных бамбуковых террас, к океану. Мы шагаем по следам...

Море!.. Развернувшись вдоль побережья влево, медведи, словно заведённые, всё идут и идут по террасам, в сторону Тятиной. Мы всё шагаем и шагаем, следом. Километр, два километра...

Пронизывающий ветер тянет сырость нам навстречу. Замёрзшие и уставшие, мы упорно шагаем по следу... Мне всё кажется, что вот ещё, метров сто – и эта проклятая семейка, наконец, свернёт к лесу, на днёвку...

Но, не тут-то было! Медведи идут всё вперёд и вперёд! На морских террасах уже давно сошёл снег, и медвежьи следы едва угадываются среди старой соломы колосняка и низких зарослей морского шиповника. Нам часто приходится кружить, подрезая след на кое-где ещё сохранившихся перешейках снега, между проталинами...

И вот, наконец, мы вообще теряем его. Сунувшись во все стороны, мы остаёмся стоять среди сплошного ковра низкого бамбука. Ни с чем. Снега! Больше! Нет!

– Всё!

– Хорош!

Я делаю пару шагов вперёд и тяжело опускаюсь на длинную, полугнилую валёжину, лежащую в низком бамбуке морской террасы.

– Фуууу... – я длинно выпускаю воздух.

Болят ноги, целый день крошашие ледовую корку. Сквозь чёрное, резиновое голенище болотника, я трогаю колено и морщусь от боли: “Тоже мне, марафонцы, мать вашу! Рвут целый день куда-то, выпучив глаза!.. Чтоб вы сдохли!.. Все ноги о лёд побил! Сволочи...”

Рядом, сидя на валёжине, дымит папиросой, хмурый Игорь. Говорят, что для курящего человека – нет больше счастья, чем, после тяжёлой работы, затянуться беломориной...

Саратовский кордон. С утра, к нам присоединяется Андрей Анисимов. Уже втроём, мы перебираемся на Тятино. Ну, а с кем ещё, Игорю быть в паре, как не со штатным териологом заповедника?! К обеду, мы уже работаем по долине Тятиной...

Не спеша, мы продвигаемся вверх от устья речки. Игорь с Андреем обследуют мелкие ручейки в Тятинской пойме – их интересует любая информация по европейской норке. Здесь, снега совсем мало!.. С речки, то и дело, поднимаются на крыло утки. Сегодня, в низовьях Тятиной, много больших крохалей.

А у меня – свои, медвежьи дела... Под хвойниками междуречий лежит сплошной снег! И медведи выходят кормиться на уже свободные от снега склоны надпойменных террас и темнеющую обширными проталинами, пойму речки. Тятинская пойма имеет не менее четырёх сотен метров в ширину! Искать поеди медведей на такой широкой пойме – трудно. И я просчитываю, что рациональнее делать это – если двигаться по краю речной долины, подрезая следы медведей на выходе в пойму и собирать сведения о питании зверей, уже тропя конкретный след.

Я так и делаю! Не отдаляясь далеко от Игоря с Андреем, я подрезаю речную долину, по западной её бровке. Я шагаю по надпойменной террасе речки. Она, здесь – метра три в высоту.

А вот и медвежий след! Я вынимаю из кармана свою рулетку и приседаю над когтистыми отпечатками...

– Лапка тринадцать сантиметров! – бубню я, себе под нос, – Молодой. Пошёл в пойму. И совсем недавно.

Я сворачиваю по следу... Прикрываясь от голых ивняков речной поймы пяточками пихтарников, молодой медведь кормился на окраинах поймы. Я считаю его поеди и записываю себе в дневничок...

– Пять покопок лизихитона, три скупа бодяка, три скупа сосюреи...

Медведь подошёл и обнюхал ствол сигнального, медвежьего дерева! По его следам, я тоже подхожу к этому дереву.

– Что мы, тут, имеем?

Свежих меток, этого года, на пихте нет. Только прошлогодние. Я стою у дерева и недоумеваю: “Не понял! Почему медведь не пометил ствол? Ведь, подошёл же, обнюхал! Значит – интересовался! А, метить не стал... Почему?!”. Вопросы, вопросы...

– Ой! Адооонис! – с улыбкой, тяну я.

На самом солнцепёке склона речной террасы, ярко-жёлтым огоньком сверкает цветок адониса. Первый, в этом году, цветок! Как приятно глазу солнечная краса его лепестков! Я подсаживаюсь поближе к цветку и несколько раз нажимаю кнопку своего фотоаппарата.

– Девятое апреля, – записываю я себе, в дневничок, – Первый цветок адониса амурского.

Это – информация в Летопись природы нашего заповедника. Том Летописи выпускается по завершении каждого года.

А, вот – и ещё один, весенний цветок! Среди хаоса вповалку лежащих по земле, коричневых трубок прошлогодних лопухов, стоит пятнадцатисантиметровая гирлянда небесно-голубых, губастых цветков! Это хохлатка сомнительная. И это – тоже, первый цветок в этом году! Я делаю запись в своём полевом дневничке, о хохлатке...

Все трое, с работой, мы подходим к прижиму. Здесь речка прижимается к восточному борту речной долины. Отсюда, по гребню этого высокого борта начинается наша смотровая тропа. Сегодня мы проходим прижим по низу, у самой воды, по нагромождениям скальника. Если стоять лицом вверх по течению – сюда речка приходит с запада и впереди нас раздаётся в ширь закоулков поймы. В этом закутке, под колком пихтарника, по берегам мшистого ручейка разбросаны останки каких-то клеток!

– Мужики! – показывает нам Анисимов, клетки, – Вот что, я вам показать хотел! Это – клетки от первой партии норок!

– Ух, ты! – мы с Игорем с интересом рассматриваем шестигранники сеточной ячеи, распахнутые дверцы клеток...

– Смотри, где выпустили! – прикидывает Игорь, – Километра полтора от устья Тятиной! Удачное место! Хвойный лес, глухой лесной ручей, речка рядом, с её завалами.

– Ну! – соглашаюсь я, – В ручье – мелочи много! Так что, норкам здесь – и корм и укрытие...

– Норок сюда привезли в восемьдесят третьем году, семь лет назад. Михаил Дмитриевич Перовский нам рассказывал, как они их выпускали, – говорит Анисимов.

– Воронов мне тоже рассказывал, – кивает Игорь, – Об этой, норочьей эпопее. Он тоже участвовал.

– Вот так... – стоим мы, перед клетками, – Это – уже история...

Мы возвращаемся к Тятиной... У Игоря и Андрея тонкая работа – метр за метром, они тщательно обследуют береговую линию речки... каждую корягу, каждую нишу. Их задача – выяснить ситуацию по норке здесь, на Тятиной, в местах выпуска. Поэтому, они продвигаются вперёд так медленно. Я успеваю семь раз прошнурковать окрестности по своим, медвежьим делам...

В речке стоит много кунджи! Просто, тёмная масса...

Очередной раз, я появляюсь на метровом берегу речной поймы, над согнутым над галечным берегом речки, братом: “Ну? Как дела?”. Стоящий болотниками по колено в воде, Игорь опирается своими руками на бревно завала и поднимает на меня усталые глаза: “Ну, как... Тридцать гоголей насчитал. Двадцать крякв! Один, даже, канюк пролетал! Норки, вот, только, нет. Чисто всё...”.

– А, как у Андрея?

– Да, также...

Уже давно перевалило за полдень.

– Пора и нам поворачивать к дому! – думаю я.

Игорь с Андреем тихо совещаются и выбираются из воды речки, на стол пойменной равнины.

– Всё! Домой! – говорит Игорь, – В глазах уже рябит.

– Завтра – продолжим обследование речки с этого места, – вторит ему Анисимов, – Завтра.

– Кропотливая работа! – думаю я, – Требуется ежеминутного внимания! Попробуй вот так, постой, согнутым пополам, полдня!

Мы переходим речку по бурному, валунному перекасту и выбираемся на окончание нашей, такой родной, смотровой тропы.

– Всё! Теперь – домой...

Мы неторопливо шагаем по тропе, поглядывая сверху в пойму. С гребня высокого борта речной долины хорошо просматривается всё пространство широченной поймы Тятиной. Сетка веток по-весеннему голого, пойменного ивняка ничуть не мешает нам.

Прямо на тропе, натыкаемся на медвежий помёт! Я останавливаюсь и вытаскиваю из рюкзачка стопку новых полиэтиленовых пакетиков. Я, их – специально для этого накупил в магазине.

– Саня! – оборачивается, уже прошагавший вперёд по тропе шагов тридцать, Анисимов, – Тут – ещё один!

Я забираю оба помёта с собой – мне уже мало знать, что помёт состоит из энного объёма лизихитона и энного объёма листьев осоки. Мне нужен более детальный анализ.

Смотровая тропа закончилась.

– Давайте, вывернем к дому через ольховники Банного ручья! – предлагаю я, – Посмотрим, что делается под лесом.

И мы закручиваем “малый круг” – по ольховникам Банного ручья...

Под ольховниками лежит ровный, метровый слой снега!

– Значит, – прикидываю я, – Основные запасы лизихитона для медведей – по-прежнему, недоступны.

А под хвойниками – вообще стоит нормальная зима!

– Здесь – столько снегу! – я удивлённо смотрю по сторонам, – Теперь мне понятно, почему медведи со всех окрестностей выходят кормиться в пойму Тятинки!

Пока Андрей с Игорем кочегарят печку и варят еду, я, устроившись на большущем бревне перед Тятинским домом, работаю с помётами. Ведёрко, широкий и мелкий противень, пинцет, препоровальная игла, резиновые перчатки и разнокалиберные плоски – вся моя полевая лаборатория. Я зачерпываю две трети оцинкованного ведра чистой воды из глубокой лужи, что разлилась в вездеходных колеях на углу нашего дома. И выворачиваю в него ком медвежьего помёта, из полиэтиленового пакетика.

Нужно быть ботаником, чтобы заранее просчитать, что все кусочки лизихитона всплывут на поверхность воды! Ведь, это растение – типичный гигрофит. Жизнь в воде связана с недостатком кислорода. Лизихитон приспособлен к такой жизни тем, что его ткани имеют огромные межклеточные полости, заполненные воздухом.

Я сдвигаю палкой толщу плавающих на поверхности воды, кусочков лизихитона и выкладываю их на один конец противня. Двумя палочками, я выуживаю клочок зелёных листьев осоки и убираю его на другой конец противня. Теперь, осторожно покачивая ведро, словно старатель свой лоток, я, через край, сливаю воду...

На дне ведра желтеет россыпь косточек! Я вытряхиваю их на противень, отдельной кучкой. Здесь – зубы, позвонки, рёбра...

– Саня! – смеётся Анисимов, проходя мимо меня, с ведрами воды в руках, – Ну, ты, прям, как золотодобытчик!

Я молча улыбаюсь ему в ответ...

Ну, вот и всё! Моя работа тоже сделана.

– Игорь! – зову я, разгибая затёкшую спину, – Иди, помоги?

Из двери тамбура выходит мой брат, на ходу откупоривая флакончик спирта и протягивает мне смоченный спиртом, тампончик ваты. Я тщательно протираю тампоном, сначала резину перчаток, а потом, стянув перчатки – и свои руки.

– Ну, как у тебя? – интересуется, немногословный Игорь, – Нашёл что-нибудь?

– Конечно! – восторгаюсь я.

Я тащу Игоря с Андреем к своему противню: “Вот! Смотрите! Это – рыбные косточки! И в первом помёте, и во втором! При анализе помёта на месте, без воды – они, просто остались бы незамеченными!”

– Смотри, а кости – старые! – Андрей внимательно рассматривает позвонки кеты, – Жёлтые все!

– Конечно! – я восторженно бросаюсь в разъяснения, – Это – кости кеты, пролежавшие на речке с осени! Отсюда важный вывод – медведи, весной, подбирают по берегам речек осенние скелеты кеты.

– С голодухи?

– Я бы не сказал, что они у нас особо голодают! – отрицательно качаю я головой, – Травы, с первых же дней – хоть зажришь.

– Тогда, может, минеральное питание? – напирает на меня, дотошный Анисимов.

– Да, тоже, не очень-то привяжешь, – пожимаю я плечами, – Во всяком случае, то, что весной медведи подбирают оставшиеся с осени кости кеты – теперь, уже доказанный факт! Теперь я могу написать в статье, что и у нас, на Кунашире, прослеживаются следы питания медведей, характерного для северных регионов страны! В научных статьях сообщают, что на

Колыме, ранней весной, медведи бродят по берегам реки и подбирают осенние кости кеты! Там, это – норма...

Тягинский дом. Утро. Я проснулся первым. Я стою на углу дома, гляжу на конус Тяти, прицениваюсь к “природе и погоде”. На мой скрип входной двери, с нар поднимает голову Игорь: “Ну, что там?”

– Безоблачное небо! – отвечаю я, – Сегодня будет солнечный день!

И мы торопимся разжечь нашу печку...

В девять часов – утренний сеанс связи. Через десять минут, мы, своей тройкой, уже вываливаемся из дома. Не задерживаясь, мы проходим по смотровой тропе, к месту вчерашнего окончания работ. Игорь с Андреем опять распределяются по речке, каждый – по своему берегу. У них – снова, поиски следов норки.

Я же, не отрываясь от них далеко, рыскаю по снежной равнине поймы. И по ближайшим окрестностям. За ночь мокрый снег схватился крепкой коркой наста и мне, очень даже приятно, ходить туда, куда вздумается...

Следов медведей пока не видно. Зато, вот! Здесь, вчера мышковала лисица!

– Звик! Звик! Звик! Звик!

Повизгивая каблуками болотников по насту, я подхожу к заиндевевшей за ночь, лунке. Рядом с нею валяется желудок и кишки мышки.

– Хм! Охота была удачной! – констатирую я и мечтаю, – Вот бы, найти лисий экскремент!

У Игоря, ведь, специализация – питание пушных зверей. Он всю зиму анализирует в Вороновской лаборатории, в Южно-Сахалинске, лисьи экскременты. И соболи тоже. У них база – со всей Сахалинской области! Для него ценен каждый лисий экскремент с Кунашира...

Просто так, из любопытства, я заглядываю в лунку. Узкая, сантиметров восемь и глубокая, сантиметров шестьдесят, лунка. На её дне, преспокойно лежит, лисий экскремент!

– О! – радостно хмыкаю я, – Ценная вещь!

Но, радость моя – преждевременна!

– Блин! Вот, сволочь! Изголилась, куда! – через минуту зло матерюсь я, не зная, что и делать, – Попробуй – достань!

– Надо, палками попробовать! – ещё через минуту, приходит мне в голову, мысль, – Ничем другим, туда не влезть!

Я шагаю к ближнему кусту ивы и срезаю два длинных прута... Возвращаюсь к лунке. Присев над ней на корточки, я стараюсь, в этом ледяном кувшине, зажать между концами двух палок “ценный экземпляр”... Ничего не получается! Это – всё-равно, что взять рисовое зёрнышко!

– Блин! Я что, японец?! – злюсь я, согнувшись над лункой, – Не умею я! Палочками!

Долгое время мне ничего не удаётся. Но, минут через тридцать, я побеждаю!

– Ура! Экскремент – мой! – я пляшу вокруг лунки от радости.

– Интересно! – я прекращаю свои индейские пляски и оглядываюсь по сторонам, – Что подумала бы лисица? Увидев мои “ужимки и прыжки” вокруг своего экскремента!

– А! Наплевать! – довольный собой, я заворачиваю лисий экскремент в кальку, привязываю к нему нитку этикетки и вкладываю его в матёрчатый мешочек, к другим, таким же...

Вскоре, я подхватываю медвежий след! Вот и у меня пошла работа! Спустившись на проталину поймы с моей стороны, взрослый зверь пасся на белокопытнике. Я вынимаю из кармана свою рулетку...

– Четырнадцать сантиметров! – бубню я себе под нос, пряча рулетку, – Взрослый.

Сейчас, повсюду из почвы торчат короткие и толстые, зелёные пеньки всходов белокопытника. Каждый из них увенчан, только ещё начинающим разворачиваться, зелёным кончиком листа. Я шагаю по кормовым набродам медведя и считаю поеди...

– Пятьдесят четыре скупа! Это – много!.. Интересно – медведи всегда едят только плотные ткани ростка!

Откушенные медведем, рыхлые, зелёные комки зачаточных листьев белокопытника валяются рядом с пеньками от скушенных черешков...

– О! Помёт!

Взмахом своего тесака, я срубаю ветку с ближайшего куста гортензии. Вторым взмахом, я отрубаю от ветки палку. Третьим взмахом, я делаю из этой палки – две. Это и есть палки – копалки.

– Таак! Сейчас посмотрим...

Основу этого помёта составляют узкие, зелёные листья осоки. Они составляют шестьдесят процентов объёма. Остальные сорок – это симплокарпус.

– Ничего особенного! – дёргаю я, плечом, – Ранней весной, это – обычный корм медведей...

Я шагаю дальше... Впереди и справа от речной долины, уже темнеет кронами пихт и елей, хвойный массив мамашиного языка! Я вижу медвежий след. Это – по снегу, со стороны этого массива, в пойму пришёл матёрый зверь! Я озираюсь по сторонам – на этом уровне от снега свободна лишь равнина речной поймы.

Едва ступив на проталину склона невысокой здесь надпойменной терраски, медведь начал кормиться белокопытником. Я шагаю по его следам и считаю...

– Сто два скупа белокопытника! – вскоре, радуюсь я, за медведя, – Сто два! Вот, это, масштабы!

Но, вот! Мою душу тронул холодок тревоги.

– Что-то я, слишком оторвался от своих! – прикидываю я, – Нужно... быть ближе.

Бросая по сторонам настороженные взгляды, я сваливаю по речной пойме вниз, к брату и Анисимову...

Во второй половине дня, с работой, мы доходим до уровня, где Тятиня начинает делиться на крупные притоки. “Рыборазвод” – как говорят старые сотрудники заповедника. Здесь, в ямах, всегда стоит масса крупной кунджи. А нам – уже пора подумать, что будем есть вечером. Пока мы с Игорем разматываем леску с блёснами на берегу главной ямы, Анисимов куда-то отлучается...

Через полчаса, он появляется на метровом бугре над нами, держа рукой перекинутую через плечо палку, напоминающую черенок лопаты: “Мужики! Ну, как? Поймали что?”

– Вот! – мы киваем на шесть рыбин среднего размера, сантиметров по сорок пять каждая, – Не много, конечно. Но, думаем – хватит.

– Да?! – озадачивается Анисимов, – А я подумал, что вы не поймаете и на вашу долю тоже вытащил.

Он поворачивается к нам спиной. И мы, с изумлением, взираем на трёх рыбин, короткими брёвнами свисающих с крюка, вдоль его спины.

– Ну, ни-че-го, себе! – у меня отваливается челюсть.

– Вот, это, даааа! – тянет следом, Игорь.

– Где ты, таких, нашёл?! – поражаемся мы, совсем не новички в здешней рыбалке, – Как вытащил?!

– Да, очень просто! – улыбается нам с бугра, Анисимов, – Они в завалах стоят. Туда никак не подлезть, кроме как моим крюком.

Тут приходит наш черёд чесать затылки: “А что же с ними делать?! Такая прорва мяса!”

– Давайте, на котлеты перекрутим! – предлагает Андрей и тяжело сбрасывает багор с рыбинами с плеча на снег, к своим ногам.

Автоматически, я сую руку в карман, за рулеткой...

– Восемьдесят восемь сантиметров! – снова удивляюсь я, – Вот, это кунджа! Толстая – как бревно!

– Ну! – вторит мне Игорь, – Как уху варить будем?! Её голова не влезет даже в самую большую кастрюлю!

– Как-нибудь засунем! – смеётся Анисимов, – Разрубим!

Гуськом, друг за другом, мы шлёпаем по мокрому снегу речной поймы, домой. Уставшие, но довольные погодой, природой и нашей сегодняшней добычей...

Вот и наш, Тятинский дом. Усталость, комариным зуммером, звенит в каждой клеточке тела...

Наскоро хлебнув холодного чая и посидев десять минут, с дороги, мы распределяем обязанности – Игорь топит печку, моё дело – пластать рыбу, крутить на мясорубке фарш и жарить котлеты. Анисимов должен потрошить рыбу. Игорь занят печкой, в доме. Анисимов, присев на корточки на углу дома, перед лужей на границе снежного поля, потрошит кунджу. “Пока суть да дело” – я решаю сбегать “по своим делам”. Скворечник туалета стоит шагах в тридцати пяти от угла дома, ближе к лесу. К нему, по голому пустырю, от угла нашего дома, ведёт тропинка. Короткая пробежка...

Едва я успеваю хлопнуть дверцей скворечника, как сзади раздаётся крик Андрея: “Саня! Медведи!”.

– Хм! – я недоумённо хмыкаю, – Что за шутки! Плоские...

– Саня!!! Медведи!!! – голос Анисимова приобретает истерические нотки.

– Ну, Андрей! Задолбал! – через секунду, я уже хлопаю дверцей туалета.

И застываю на первом шаге, проглотив своё возмущение – к тропинке, со стороны Тятинской, на середине расстояния между домом и туалетом, подходит взрослый медведь! Зыркнув через медведя на дом, я сразу понимаю, что путь к бегству отрезан. Я просто стою на месте и смотрю на медведя.

Медведь взрослый, но не крупный. Соломенно-жёлтые бока, чёрный ремень по хребту. Длинные, как у подростка, уши. Чёрная маска на соломенно-жёлтой морде. Длинные ноги, поджарый живот...

Мы одновременно видим друг друга и одновременно замираем...

Для лучшего обзора, не поднимаясь на задние ноги медведь вскидывает свою голову на более высокий уровень, по-лебединому изогнув шею. Просчитывая ситуацию, он поворачивает морду влево, на меня, затем вправо – на дом. Поняв, что “вляпался не туда”, он разворачивается на месте и шагает обратно, грациозно вышагивая по поляне...

Не заставляя себя долго ждать, я бодрой рысцой “строчу” по тропинке от туалета к дому, неотрывно глядя на медведя.

– Блин!!! – пугливой птичкой, летает в моей голове шальная мысль, – Я бегу к медведю!

Я нахожусь ещё на середине тропинки, когда навстречу мне, из-за угла дома выскакивает, на ходу вгоняя патроны в стволы своей вертикалки, видимо оповещённый Анисимовым, Игорь. Через секунду, держа наготове свой широкоплёночный Киев, выпрыгивает из-за угла и сам Андрей. Я добегаю до угла дома!

– Фууу!

– Фууу!

У всех нас вырывается вздох облегчения.

– Я же тебе кричу: “Саня, медведи! Саня, медведи!”, а ты не чухаешься! – набрасывается на меня в горячке, Анисимов.

– А я откуда знал?! – отбиваюсь я, – Такое – только в байках бывает! Я ещё возмутился! Думаю: “Что за плоские шутки?! У Анисимова!”.

– Шутки?! Ничего себе, шутки! – снова взвизгивает Анисимов, – Тут – медведи в упор подходят, я ору, а ты – шутки?!

Со стороны Тятиной, вдоль жёлтым пятном выделяющейся посреди пустыря куртины бамбука, к Тятинскому дому шагает медвежонок! Увидев перед собой кучку возбуждённо жестикулирующих людей, медвежонок зыркает вправо, в сторону хвойника. Далеко! Не увидев поблизости ни одного деревца, на которое можно было бы залезть от опасности, он робко сжимается в своей беспомощности. Ребёнок – он и есть ребёнок. Зверёныш стеснительно тупит взгляд и отвернув от нас свою острую мордочку, стоит и смотрит себе под ноги...

В свою очередь, медведица, не видя скрытого от неё куртиной бамбука медвежонка, спокойно озирается вокруг. Медвежонка нигде нет! Вообще наплевав на нас, она шарит по пустырю глазами... В конце – концов, она вздыбливается на задние ноги и буквально, перегибается через стенку бамбука! И видит там сиротливо стоящего и молча ждущего её, своего медвежонка.

Словно подброшенный сильной пружиной, медвежонок, высоким прыжком прыгает к ней, не разбираясь, прямо на стенку бамбука! Один прыжок! Второй прыжок! Третий! И вот, он уже выскакивает из бамбука, медведице под ноги. Не задерживаясь, он пронесется мимо неё и стремглав мчится дальше, к лесу. Медведица опускается на все лапы. Прикрывая отход медвежонка, она отходит следом, тревожно оглядываясь на нас...

Меня поражает то, что осознавая, что перед нею люди, медведица находит в себе волю сохранять своё лицо! Это удивительно... От нас, только хватанув человеческий запах, удирали медведи втрое больше её! А, эта – всё отходит и отходит, бросая в нашу сторону короткие, тревожные взгляды...

Щёлкая своим фотоаппаратом, Анисимов бросается к медведице, чем заставляет её отступать быстрее, показывать свой испуг.

– Андрей! – кричу я ему, – Андрей! Не надо!

Но Анисимов пребывает в фотографическом азарте.

– Андрей!!! Блин!!! – наконец, зло кричу я Анисимову, и тот возвращается к нам.

Я стою, злой. Мы с братом, при встречах с медведями, всегда стараемся соблюдать уважение сторон. А то, что делает сейчас Анисимов – просто, скотство.

– Ну, что ты делаешь?! – выговариваю я подошедшему Анисимову, – Она – так отходит! Без бросков, без пугания! Медвежонка закрывает! А ты бросаешься, блин, чуть ли не на неё! Со своим проклятым фотоаппаратом!

– Да, ладно, Сань! – примирительно отговаривается Андрей, – Я к ней, прямо уж, так – и не бросался...

Ну, что ж, медвежья семья ушла. Можно расслабиться. Игорь, переломив ружьё, вынимает из стволов патроны...

– Представляете?! – возбуждённо делится впечатлениями, Анисимов, – Чищу я кунджину, а впереди меня, на поле – всё “тресь” да “тресь”, “тресь” да “тресь”. Я голову поднимаю – ба-тюш-ки! Медведи!.. Да, так близко!

За котлетными делами быстро наступают сумерки. Забираясь под потолок, на нары, я делюсь с Игорем планами на завтра: “Нужно будет с утра, по насту, протропить наших медведей! До их ночной лёжки!”

– Ну! – соглашается тот, – На нас они вышли уже вечером. До темноты, у них – всего пара часов была. Близко лечь должны.

– Может, помёт оставят, где? – мечтаю я, – Так, мы рады будем...

Тятинский дом. Одиннадцатое апреля. Ночь простояла хорошая, ясная. Ночью заморозок схватил размокший за день, наст. Утро наступает чистое, безоблачное. Значит, наст продержится не дольше полудня. Эти часы отпущены нам для работы.

Прямо от дома, мы с Игорем становимся на вчерашние следы наших медведей. Я достаю свою рулетку...

– У медведицы двенадцать сантиметров!

– А у медвежонка?

– У него... одиннадцать!

– Да, медвежонок ведь, у медведицы под животом пройдёт – не пригнётся! – изумляется Игорь, – Откуда следы, почти равные?!

– Ну, чёрт его знает, – я не намерен отступать от объективной реальности, – Медведица большая, а лапка у неё женская – маленькая и изящная. А все подростки – маленькие и дохлые. Зато, лапы у них – что ласты! Сорок пятого размера...

– Хм! – Игорь красноречиво хмыкает на мои доводы.

– Звиг! Звиг! Звиг! Звиг! – мы бодро шагаем по насту, не проваливаясь вообще, как по асфальту.

На насте чётко отпечатались следы медведей – они-то здесь шли вчера, по мокрому снегу, проваливались...

– Саш! Помёт!

Я отрываю взгляд от когтистых следов – впереди, на белом насте, чернеет кучка медвежьего помёта! Подходим к ней...

– По “калибру” – это помёт медвежонка, – прикидываю я.

Помёт промёрз за ночь, в камень.

– Саш! А медвежонок – самочка! – улыбается Игорь, – Вон! Мочевая точка!

– Понятно, – киваю я в ответ.

Я забираю помёт с собой, в полиэтиленовом пакетике...

– Хуххх! – вдруг, совсем неожиданно для нас, впереди ухнула медведица!

По чахлому ивняку, в ста шагах за нашим домом, в ольховники Банного ручья бросаются две тёмные фигурки зверей.

– Медведи! Саш! – низко пригнувшись, для лучшей видимости, Игорь всматривается под ветви ивняка.

– Рря!.. Рря!.. Рря!

Тонко, одиночно взрывкая, опять медвежонок мчится впереди мамаша!

– Это – наша семейка! Поднявшись с ночёвки, они, видно, возвращались вдоль границы леса, обратно!

– Ну! А мы – ненароком отрезали их от леса! Вот они и пугнулись.

Ладно, медведи убежали. Мы трогаемся, по их вчерашнему следу, дальше – нам нужна их ночная лёжка. Мы знаем правило – “Где лёжка – там и помёты”.

Мы шагаем по вчерашним следам...

Под ольховниками Банного ручья, вчера вечером, наши медведи кормились, перед ночью. Здесь мы насчитываем восемь покопок лизихитона, тридцать три скупа белокопытника, три покопки луковиц лилии Глена.

– Смотри! – улыбается Игорь, – Точно! Рыхлые листовые пластинки белокопытника – не едят!

Зелёные, шерстистые комки ещё не раскрытых листьев белокопытника лежат по земле, рядом с пеньками от скушенных черешков...

Медведи выкручивают на морские террасы. Здесь уже образовались обширнейшие проталины! Они разъединяются только узкими барьерами снега. Очень сложно идти по следу...

Вот, семейка вывалила на обширную поляну, на которой нет снега. Мы стоим и думаем...

– Следов больше нет!

– Где их искать, дальше?!

– Да – хоть, где! Могли свернуть, буквально на все четыре стороны!

Исползав поляну вдоль и поперёк, мы обрезаем медвежий след по метровой полоске оставшегося снега, по периметру проталины...

– Вот!

– Выходной след! Значит, медведи вышли вот на эту полянку, что перед нами!..

И так – каждый раз!

Я ухожу обкручивать новую поляну влево, Игорь шагает по её кромке, вправо...

– Саш! – вскоре зовёт Игорь, – Они сюда пошли!

– Блин! – в сердцах, чертыхаюсь я.

Я бросаю поиски в своём направлении и возвращаюсь в нужный конец проталины. Игорь, молча, поджидает меня возле одного – единственного отпечатка медвежьей лапы, оставленного на снежной перемычке...

И так, проталину за проталиной, мы кругами обрезаем медвежий след. Всё обрезаем и обрезаем...

Наконец, выйдя на обширный пригорок, мы окончательно теряем след! Хоть вправо, хоть влево... дальше – побережье полностью свободно от снега. Вообще! Буквально, на коленках исползав пригорок вдоль и поперёк, мы беспомощно садимся на нагретой солнцем вершине этого холма.

– Всё!

– Ну. Последние дни троплений уходят! – хмуро констатирую я, – Хочешь – не хочешь, а тропить без снега, люди не способны.

– Было бы чутьё, как у собаки – тогда, другое дело! – отзывается Игорь, – А, так...

Крутнувшись по бугру ещё раз, для очистки совести, в его буреломном закоулочке, мы выходим на медвежью лёжку!

– О! Лёжка!

– Точно, лёжка! – восторгаюсь я.

– Вот, тебе и на! Его величество, случай! – разводит руками Игорь, – Дурняком наскочили! Бывает же, такое!

Наши медведи, оказывается, облюбовали под ночёвку ямку между бугорками, на вершине холма, на границе хвойника. Со стороны открытых террас побережья, лёжка защищена заваленной на бок, сучкастой сухостоиной. А, сверху по склону – прикрыта куртиной густого подроста пихты.

– Смотри! Медведица подстилку сделала!

– Ага! Из прошлогодней соломы вейника. Смотри, как сгребала её! – я тычу пальцем в борозды от медвежьих когтей.

– Ага. Как граблями...

Я вынимаю из кармана рулетку и приступаю к замерам лёжки. Игорь записывает мои показания в дневничок. Первым делом – размеры лёжки. Потом, я замеряю толщину соломенного матрасика подстилки...

– Молодец, медведица! – хвалю я, – Пять сантиметров!

Медведи надёжно предохранили себя от холода весенней земли. Здесь же, у лёжки – и помёты! Все пять штук, я укладываю в пакетики и забираю с собой, для анализа. Обмерив лёжку, описав её строение и зарисовав схему её расположения на местности, довольные, хотя и уставшие, мы поднимаемся на ноги.

– Ура! Здорово!

– Ну, – соглашается Игорь, – Не зря по лесам колесили!

У меня, в активе – есть и ночная лёжка медвежьей семьи и помёты медведицы и медвежонка! Результаты сегодняшнего рабочего дня меня вполне удовлетворяют...

– Давай, теперь проверим Ночку! – предлагаю я, – Всё-равно, половину пути уже прошли!

И мы уходим дальше, на Ночку...

На Ночке медведей нет! Мы снимаем промеры с двенадцати сигнальных деревьев. Но все медвежьи метки на них – прошлогодние...

Мы возвращаемся к Тятинскому дому в третьем часу дня. Немного отдохнув с дороги, я разворачиваю свою полевую лабораторию. На поляне перед домом. Сегодня мне нужно разобрать шесть помётов – пять медвежонок и один – медведицы. Я приступаю к работе...

И вечерний, и ночные, и утренний помёты медвежонок одинаковы по составу. В них, более девяноста процентов составляют кусочки листовых рулончиков лизихитона. И только около двух процентов – фрагменты стеблей хвоща зимующего и столько же – жёлтые, прошлогодние косточки кеты.

– Все – лизихитоновые! – улыбаюсь я, подставляя жарким лучам весеннего солнца, свою спину, – С тобой, медвежонок – всё ясно!

Теперь – я знаю, что мой медвежонок кормится по сырым ольховникам, копая лизихитон! И лишь иногда, между делом, скусывает стебли хвоща. А, когда медведица ведёт его через речки – он отыскивает, по галечным берегам, прошлогодние косточки кеты...

– Пиши, Игорь, – диктую я, – Помёт медведицы. Вчерашний. Хвощ – семьдесят процентов. Лизихитон – остальные тридцать. Хотя – и она не пропускает рыбные косточки по речным берегам! Поставь один процент на кости рыбы.

– Смотри-ка! – прикидывает Игорь, сидя рядом со мной, – Зная, чем кормятся медведи, можно вычислить места, где они кормятся! Вверху, на высоких, сухих склонах или внизу, в сырых ольховниках и поймах.

– Ну, – киваю я...

На своём посту, на вершине мыса, что слева ограждает нашу Тятинскую бухточку, сидит орлан. Я выхожу из тамбура нашего дома, с одной из вчерашних кунджин в руке.

– Куда её деть-то? – обращаюсь я к Игорю, – Стухнет! Столько мяса!

– Да, вон! – кивает тот, – Заметни её подальше! Лисицы подберут.

Я шагаю от дома, по простору нашего пустыря...

– Всё! Хватит! – решаю я, – Нормально отошёл.

Я сильно размахиваюсь и забрасываю белую рыбину, далеко на пустырь. Не успеваю я дойти до дома, как вижу, что на нас заходит орлан! Не сводя глаз с птицы, я прокручиваюсь на месте и гляжу, как орлан, уже удаляясь от меня, по пологой траектории заходит на рыбину. Планируя уже у самой земли, он опускает вниз свои ноги и цепляет кунджину когтями!

Я так и стою, с открытым ртом. Орлан, на бреющем, удаляется с добычей... Ко мне подходит Игорь: “Матёрый! Пошёл к своему завалу, на Тятинке!”

– Ага! – киваю я, – К гнезду пошёл... Местные.

Вскоре, орлан появляется снова!

– Саня! – говорит мне Анисимов, – У нас, этой рыбы – деть некуда!

– Понял! – говорю я и скрываюсь за дверью тамбура.

Я выхожу из дома с рыбиной в руке.

– Орлан! – кричу я, подняв кунджину над головой, – Смотри! Вот она!

Прямо от двери, я что есть сил, размахиваюсь и далеко-далеко замётываю её на простор нашего пустыря. Тут же, на рыбину заходит орлан. Вот, он – уже низко над землёй! Выпускает вниз свои когтистые ноги... И мажет!

– Мимо! – ахаю я.

Заложив бешеный полупереворот вертикально вверх, птица зло впивается в кунджину когтями.

– Вот, это эмоции! – рядом со мной улыбается, Игорь, – Как она нервно в кунджину воткнулась!

Тятинский дом. Двенадцатое апреля. С утра, мы с Игорем решаем отработать по окрестностям речки Тятиной. По-прежнему, стоит, отличная погода. Снега уже совсем мало, его белые пятна сохранились только в тени хвойных массивов.

Мы переходим через перекаат Тятиной, на её западный, правый берег и шагаем вверх по речке, вдоль границы хвойников, по надпойменной террасе. Эти, обширные поляны летом заполняются трёхметровым “лесом” высокотравья. А пока – высохшие трубки прошлогодних стеблей лопухов громко хрустят у нас под ногами.

– Грруух! Грруух! Грруух!

– Грруух! Грруух! Грруух! Грруух!

– Дааа! – на ходу, зло ехидничаю я, – Мы крадёмся совершенно бесшумно!

– Ага! Такой грохот стоит! – улыбается Игорь, – Интересно – кто нас ещё не слышит?

Но, поделатаь тут, ничего нельзя – лежащие в разных направлениях, трубки лопухов покрывают почву сплошным ковром и нельзя ступить так, чтобы не наступить хоть на одну из них. Осторожничай – не осторожничай, всё – равно! За километр слышно...

– Грруух! Грруух! Грруух! Грруух!

– Грруух! Грруух! Грруух! Грруух!

– Медведь! – резко замирает Игорь и я ловлю, на излёте, свою ногу.

Метрах в тридцати слева, прямо напротив нас, массив хвойника прогибается узким закоулком. И в нём, под сырым ольховником, кормится взрослый медведь! Рядом ковыряет землю чёрный медвежонок – годовик. А, мы – стоим посреди пустыря, как две цапли! Я – вообще, на одной ноге. Носком вперёд, я осторожно всовываю свой болотник под лопуховые трубки...

– Это – наши! – шепчет Игорь, – Медведица с медвежонком!

– Точно! – соглашаюсь я, – Вот, они, оказывается, где обосновались!

Как, оба зверя, не слышали ужасающего хруста сухих лопухов под нашими ногами?! Это – необъяснимо... Вернее было бы сказать – “обе”. Ведь, это – две самочки, медведица и её дочь. Подняв бинокли, мы стоим, развернувшись влево и рассматриваем медведей...

Звери поглощены кормёжкой. Медведица, изредка переступая с ноги на ногу, словно корова на пастбище, пасётся на весенней траве. Не поднимая головы, она постоянно делает щипательные движения – резко и коротко дёргает под себя мордой. Так делают пасущиеся коровы. Шаг за шагом, она постепенно разворачивается к нам то боком, то передом... Желтовато-чёрная, контрастная окраска, резко выделяет её на буро-зелёном фоне ольховника.

– Блин! Закон подлости! – я “грызу себе локти”, – Фотоаппарат не взял!

Однотонно-чёрный медвежонок копает лизихитон, по окраинам разлившимся сейчас, весной, луж. Он делает покопку за покопкой, совсем не интересуясь травой, растущей на сухих буграх, рядом.

– Игорь! Смотри, какое у них разделение! – шепчу я, не отнимая бинокля от глаз, – Они друг другу – не конкуренты в пище! Медведица ест всё, что находится выше уровня почвы, а медвежонок ест всё, что находится под землей.

– Ну! – соглашается тот, – Он – только копает, она – только щиплет.

Вот, медведица прервала кормёжку. Она делает пару шагов к луже и долго тянет губами воду, пьёт...

И опять начинает кормиться! Звери держатся вместе, они не отходят друг от друга дальше восьми – десяти шагов...

Медвежонок плюхается своим пузом на белый пяточок снега. И замирает...

– Остываешь? – улыбаюсь я в бинокль, – Что? Жарко?

– Хм! Могла бы и в лужу лечь! – рассудительно замечает на это, брат.

Полежав несколько минут, медвежонок поднимается со снега и возвращается к кормёжке. Проходит десять минут, пятнадцать...

Мы стоим, без работы, а время идёт.

– Надо что-то делать! Столько времени потратили...

– Ну!.. Назад или вперёд?

– Всё-равно! При первом же шаге будем раскрыты!

- Давай, уж, вперёд! – разводит руками, Игорь и делает шаг.
- Грруух!

Этого оказывается более, чем достаточно! Узкая, чёрная мордочка медвежонка взлетает вверх! Тёмным шаром, он стремительно катится с поляны голого ольховника. Следом за ним, под тень мохнатых лап ельника, рысит мамаша, желтея своим соломенным боком.

- Ладно! – сокрушается Игорь, – Большого, из них – всё-равно, было не выжать!
- Ну!.. – вздыхаю я, – Пошли, посмотрим, что они ели.

Мы заходим в закоулок и начинаем считать медвежьи поеди и покопки...

– Так! Всё!.. Белокопытник одиннадцать, крапива четырнадцать, бодяк двадцать шесть, симплокарпус два, лизихитон двадцать три.

Мы шагаем дальше... Пройдя совсем немного вверх по речной долине, по полянам надпойменной террасы, на границе ельника, мы находим медвежью лёжку.

- Лёжка – с помётами! – замечает Игорь, после короткого осмотра.

Я тоже вижу, что рядом с лёжкой лежат три кучки медвежьих помётов.

– Ну. Значит, это – ночная лёжка! – прикидываю я, – И судя по калибру – один помёт взрослого медведя, а два небольшие – медвежонка.

– Ну! – согласно кивает, немногословный Игорь, – И это – лёжка нашей семейки. Вряд ли, так близко могут обитать две медвежьи семьи.

- Ага! – согласен я.

Лёжка – очень открытая. Она расположена на голом, травяном бугре. Сзади, со стороны хвойного леса, вплотную к бугру растёт мощная ель. Я задираю лицо вверх – в вышине, словно парус, реет её короткая и широкая крона. Опершись о ствол этой ели, горизонтально над землей, лежит сучкастая сухостоина. Весь этот завал из толстеного ствола ели и сучкастой сухостоины, защищает лёжку со стороны хвойного леса. Зато, вперёд – с лёжки открывается обширный обзор всех просторов речной надпоймы.

- Какой обзор! – хвалю я медведицу, – На все три стороны!

– И сзади защищена, – кивает Игорь, – Классная лёжка.

– И подстилку – опять сделала! Смотри! Вся прошлогодняя солома вейника с бугра, содрана сюда!

Я, между делом, уже орудую рулеткой: “Записывай. Размеры – девяносто на восемьдесят”.

– Ага... Лёжка общая! Они, на ней, обе спали. Для одной, только, медведицы – она слишком большая.

- Ну! – киваю я.

Я рулеткой, пока не спрятал обратно в карман, замеряю толщину подстилки.

– Семь сантиметров по краинам и два – по центру! – говорю я Игорю и тут же поясняю, – Солома подстилки, за ночь, сбилась на края.

– Вертелись сильно, – кивает тот и примеривается к подстилке, – Неплохой матрасик! Молодец, медведица!

- Молодец, – согласен и я.

Мы уходим дальше. Помёты, я, как всегда, забираю с собой...

Только мы сходим с лёжки, как набредаем на место вечерней кормёжки нашей семьи! Глядя себе под ноги, словно грибник, я шагаю по набродам и считаю поеди... Игорь уходит в другой закоулок. Он – тоже считает...

Через несколько минут, мы сходимся.

- Ну, сколько? – спрашивает Игорь, – Добавляй мои.

Я считаю...

- Всего, сколько получается?

– Восемьдесят шесть кусков белокопытника, семь кусков бодяка и целых восемьдесят кусков крапивы!

– Вот, это, дааа!

– Ну! – соглашаюсь я, – Они здесь, вчера, неплохо заправились! Перед ночью...

В пойме Тятиной я, с гордостью показываю брату моё дупло в толстой иве. Мы стоим под деревом.

– Вот! Смотри! – показываю я на дупло, – Здесь ничего не было, я его с нуля выдолбил!

– Ух, ты! – изумляется Игорь.

– Ну! Дупло получилось – просто, шикарное! Когда внутренние стенки дорабатывал – я сам в него залазил. Целиком! Это лучшее дупло рыбных филинов из всех, какие я знаю!

Весь прошлый год рыбные филины жили на этом участке. “Обкатали дупло”, что называется. Да и я, периодически интересуясь удобно ли птице в дупле, подгонял его под нужды филина.

Я гляжу на дупло в бинокль, снизу – вверх. И сразу замечаю, что красная, ивовая кора, по краю входа, исполосована на узкие полоски. Как говорит Дыхан – это верный признак того, что дупло жилое. Однако, всё тихо кругом. Ни малейших признаков того, что рыбный филин может быть в дупле сейчас!

Мы шагаем к стоящей метрах в тридцати напротив, ели – присаде.

– Грруух! Грруух! Грруух! Грруух! – хрустим лопухами...

Под елью нет белых клякс птичьего помёта! Возвращаемся. Я осторожно брожу вокруг ивового баобаба... И, неожиданно, метрах в пятнадцати от толстого ствола дерева, наталкиваюсь на лежащее на земле, яйцо!

– Игорь! – уже никого не остерегаясь, зову я, – Яйцо!

Я наклоняюсь и беру яйцо в руки.

– Это скорлупа!

Скорлупа яйца рыбного филина! Я осторожно осматриваю её: “Она, вообще-то, целая! Две дырки, от клюва, с одной стороны!”

– Блин! Вороны! Смотри, что делают эти твари! – я протягиваю скорлупу брату.

– Разорили! Это – точно, от вороньего клюва!

– Ну! – негодую я, – Вот кого стрелять нужно! И днём, и ночью!

Чего уж, тут таиться?! Разорили... Но все-равно, надо посмотреть, что творится в дупле. Подпрыгнув, я карабкаюсь вверх...

Вот и край дупла, прямо надо мной. Едва дотянувшись, я вцепляюсь в этот край пальцами рук.

– Щёлк! – раздаётся резкий щелчок!

Мало ли что может щёлкнуть под сапогами у Игоря? Я занят другим. Подтянувшись на руках, словно на перекладине турника, я выжимаю свою голову над кромкой входа в дупло.

И первое мгновение ничего не понимаю – ярко-жёлтые, апельсиновые глаза! Прямо перед моим носом!

– Щёлк! – с резким щелчком, они бросаются на меня!

Я инстинктивно отталкиваюсь от них прочь и проваливаюсь с этой “перекладины”, вниз! Исчезнуть – мне помогает мой собственный вес. Обдав лицо тугим ветром, из дупла выбрасывается огромная птица! Мощно взмахивая крыльями, птица уходит на вираж. Я остаюсь свободно висеть в воздухе, вцепившись руками в край входа в дупло...

Я отыскиваю под ногой, опору и с трудом перевожу дух: “Фууу! Так и умереть можно! Кто бы мог подумать, что она – там!”. Но, дело сделано. Птица пошла прочь. Жалей – не жалей... Перед тем, как исчезнуть, надо бы посмотреть, что делается в дупле. И я снова подтягиваюсь на руках, вверх.

Но, теперь – я учёный! Я осторожно заглядываю, одним глазом, через край входа, готовый мгновенно провалиться вниз. Дупло пусто! Всё тихо кругом...

Я, уже смело, заглядываю в дупло:

В дальнем углу, древесная труха днища раздвинута небольшой ямочкой. Там лежит одно яйцо! Круглое, как бильярдный шар, мутно-белого цвета. Оно раза в полтора крупнее, чем куриное. По обе стороны яйца, лежит по куску крупной мальмы. Мне в нос бьёт резкий запах рыбьего жира... и курятника.

Вот и всё! Я поспешно спускаюсь по стволу вниз и мы, пригибаясь, бежим к близкому мысу лесистого склона речной долины. Однако, убежать совсем, оставляя дупло на разорение воронам – не годится.

– Надо дождаться, когда она сядет! – советуюсь я с Игорем.

– Ну! – кивает тот, – Надо спрятаться!

И мы прячемся за стволы мощных елей, в колке хвойника, здесь же, на склоне. В прямой видимости от дупла...

Ворон нет. Во всяком случае, их не видно и не слышно.

– Угу-хууу!

Из-за гребня нашего склона, со стороны хвойника надпоймы, доносится глухой крик рыбного филина. Мы замираем. Минута течёт за минутой...

Минут через пять, серая, большая сова, бесшумной тенью проходит над нами и садится на самую вершину ели – присады, что растёт напротив дупла. Мы замираем, вжавшись в ямки среди толстых тяжёлых еловых корней, боясь вздохнуть. Сантиметр за сантиметром, я приподнимаю над корнем один глаз – филин корчит потешные рожицы! Он очень эмоционально всматривается в своё дупло. С вершины ели оно должно быть ему – как на ладони.

Словно в индийском танце, голова совы перемещается то на одно плечо, то на другое. Филин, то резко отшатывается назад, то подаётся, всем туловищем, вперёд... Текут минута за минутой. Мне кажется, что этому танцу не будет конца...

– Ну, когда же ты в дупло слетишь?! – бьётся в моей голове нетерпеливая мысль.

Наконец, филин слетает с верхушки ели и... закладывает широкий вираж в нашу сторону! И садится... на вершину ели прямо над нами!!! У меня замирает сердце: “Неужели засек?!”. Мы не дышим. Кругом разлита абсолютная, мёртвая тишина...

Через несколько долгих минут, сова срывается с вершины нашей ели в сторону дерева с дуплом, резко снижается и на излёте, снизу-вверх, приклеивается к стволу ивы, рядом с входом в дупло. Развернув своё “лицо” на спину, она вертит головой во все стороны, ловит шорохи. Так дико смотрится спина птицы, её сложенные на спине крылья... с лицом вместо затылка! Серая, с пестринами, окраска совы совершенно маскирует её на таком же сером, с пятнами лишайников, стволе старой ивы...

Убедившись, что всё тихо кругом, филин, наконец, исчезает в проёме дупла.

– Всё! – едва слышно шепчет Игорь, повернув ко мне лицо, – Сел!

– Ага! – медленно киваю я, не сводя глаз с дупла.

Минуту мы убеждаемся, что всё тихо вокруг и на цыпочках, крадёмся прочь. Неприятное чувство вины терзает мою совесть: “Такой прокол! Я был убеждён, что дупло разорено... И яйцо, ведь... под деревом нашли! И по стволу ивы – стучали! И бурьяном громко, под деревом, трещали! Кто вообще мог подумать, что она будет так плотно сидеть?! Мне так жаль...”.

Мы шагаем прочь...

– А я смотрю – ты, как сорвёшься! – на ходу делится впечатлениями, Игорь, – А из дупла – это чудо выскакивает!

– “Выскакивает”! – передразниваю я, – Тебе “выскакивает”, а мне – её глазищи, жёлтые! Вот так! Пять сантиметров перед лицом!.. Хорошо, что вообще вниз, с дерева, не сорвался! С такой высоты – можно и шею сломать.

– Она что, на тебя бросилась?! – внимательно смотрит на меня, Игорь.

– Да ну, что ты?! – отмахиваюсь я, – На черта я ей нужен? Я же, своей безмозглой башкой, ей выход из дупла закрыл! Она бросилась из этой ловушки, на выход!.. Еле разминулись.

– Ну! – улыбается Игорь, – Там – расстояния... Очень прытко ты, вход освободил.

– Ага!

Мы весело ржём, шагая дальше по “столу” речной поймы. Теперь – можно громко, от дупла отошли...

Тятинский дом. Сегодня тринадцатое число. Тринадцатое! Я, конечно, не суеверный, но... С утра крутит какой-то шальной, ветер. Бешено рванёт ветки кустов! Взовет в кронах деревьев! Попрёт, потоком, листву по земле... И всё! Полный штиль, кругом...

– Да... – я озадаченно присматриваюсь к такому состоянию окружающего леса, – Порывы ветра при безветрии! Что-то странное творится с природой, сегодня!

За день, мы обкручиваем всю речную долину Тятиной. И не находим свежих признаков присутствия медведей! Ни помётов, ни лёжек, ни кормовых набродов... Ни-че-го! Это ли не странно? Тропление уже невозможно – вся почва открыта от снега, лишь небольшие его пятки лежат под особо загущенными участками хвойников...

– Вот тебе и тринадцатое число! – вздыхает Игорь вечером, в Тятинском доме.

– Надо на Саратовку уходить, – решаю я, – Там поработаем. У Борты наверняка медведи есть! Они, там – всегда, весной кучкуются...

Тятинский дом. Утро. Мы торопливо консервируем наш дом и уходим на Саратовскую. Здесь переход – пять километров, для нас это – полтора часа ходу под рюкзаками...

На половине пути, выйдя на двухкилометровый песчаный пляж перед Саратовской, мы натываемся на встречный, свежий след медведя! Когтистые отпечатки медвежьих лап, змейкой извиваются по ровненькому песочку морского пляжа, то подходя к самому срезу первой волны, то виляя обратно, к травяной стенке колосняка...

Я приседаю над хорошим отпечатком передней лапы и рулеткой замеряю его ширину: “Двенадцать сантиметров!”.

– Ну! – кивает Игорь, – По твёрдому, мокрому песку... Молодой.

В общем-то, это нам – не новость. Мы оба “с лёту” разбираемся в следах. Мы и так видим, что это молодой медведь. Цифра нужна мне – в мой рабочий дневничок. Куда я её и заношу, остановившись на одну секунду...

– Интересно, что он делает, на голом морском берегу? – на ходу размышляет Игорь.

– Не знаю, – пожимаю я плечами, шагая рядом, – У него, как у нас – транспортный переход. Он – проходной. Сейчас поглядим.

Продолжая шагать в своём направлении, мы с интересом посматриваем на извилистую цепочку встречных медвежьих следов рядом, на песке. У нас – встречные курсы. Но, пока следы рядом – почему бы не потропить?..

Наш медведь обследует каждую кучку намытых волной водорослей морской капусты, встречающуюся на его пути! Вот, он резко виляет к “противотанковой мине”. Это широкая, плоская консервная банка, без этикетки. Не – маленькая, обычная, а широкая и большая банка, в каких селёдку в магазинах продают, сантиметров сорок в диаметре. В нашем случае, по моему, это сельдь-иваси. В жестянке зияют две дырки.

– Смотри! От клыков! – хмыкает Игорь, проходя мимо, – Проверил!

– Ну! – киваю я, – Бомбаж!.. Он весь берег тралит! Травы ему в лесу мало, что ли?

– Трава надоедает! – улыбается мне, брат, – Каждый день – одно и то же. Может, ему хочется солёную морскую капусту лизнуть? Или бокоплавчика на зуб положить...

– Хм! – прыскаю я себе в нос, представив эту картину.

Больше километра, мы шагаем по ровенькому “аэродрому” песчаного пляжа морского берега, бок о бок с медвежьими следами...

Справа, по кромке колосняковой дернины, оставляют свои экскременты местные лисицы. Здесь, ими помечены каждая кочка, каждый, возвышающийся над уровнем полуметровых зарослей морского шиповника, валун или бревно плавника! Это – материал для Игоря! И мы, словно заправские грибники, шнуркуем по кромке дернины, собираем обильный урожай...

Я подхожу к гнилому пеньку, на пятнадцать сантиметров возвышающемуся над дерниной. На пеньке лежит лисий экскремент. Он бледно-розовый. Это – спрессованные рачки. И ничего, больше.

– Игорь! Смотри! – я оборачиваюсь к брату, – Он состоит из одних бокоплавов! Сто процентов!

– Понятно, – улыбается моему удивлению, Игорь, – Лисички, ведь, не зря исследуют выбросы моря. Они, здесь, не гуляют. Они, здесь кормятся... Бокоплавов, смотри, здесь, сколько! Весь песок моря прыгает!

– Ну.

– Вот они их и слизывают.

Мы шагаем под рюкзаками. Транспортный день. Это совсем не прогулка...

Вот и лесная поляна Саратовского кордона! На моих часах – половина двенадцатого. И день, сегодня – такой погожий, солнечный...

– Надо бы проверить, как обстоят дела у здешней пары рыбных филинов! – рассуждаю я за небольшим столом кордона, с кружкой чая в одной руке и куском хлеба в другой, – Только, как это сделать так, чтобы вороны дупло не разорили? Пока спугнутая нами самка в него вернётся...

– В сумерках смотреть нужно! – отзывается Игорь, – Когда эти чёрные твари уже разлетятся на ночёвку.

– Ну! – киваю я, – Хорошая мысль. Значит – нам нужно обратно, на кордон, возвращаться по Перевальному!

– А как иначе? – вздёргивает плечом Игорь, – Только, нужно по времени всё рассчитать. Так загнуть круг маршрута, чтобы выйти к дуплу на Перевальном – уже в сумерках.

Мы торопливо перекусываем, на ходу просчитывая варианты маршрутов. Сегодня нас интересует угол между Саратовской и Перевальным. Этот острый угол между речкой и её притоком заполнен сплошным массивом гленника. Так, для простоты, мы называем ельник из ели Глена. Этот хвойник покрывает обширные, заболоченные площади в бассейне Саратовской...

От кордона, мы проходим по краю речной долины вверх, по надпойменной террасе. И выкручиваем к речке на пару поворотов выше впадения Перевального, прямо к старой ольхе. Это толстое и короткое дерево стоит прямо на противоположном берегу речки и наклонено над водой. Огромное, сухое дупло в стволе этого “баобаба” способно вместить не только рыбного филина, но и человека! Но вот – холостует из года в год. По-моему, по единственной причине – у пары рыбных филинов, обитающих на этой территории, уже есть дупло. Оно расположено на Перевальном, совсем недалеко отсюда. Другая пара филинов – просто не может поселиться на уже занятом участке.

И все же, я перехожу по перекаату речки и карабкаюсь вверх по стволу ольхи – контрольная проверка. Заглядываю вовнутрь дупла – увы, чуда не случилось, дупло пусто и на этот раз.

– Ну, как? – кричит, чтобы перекрыть журчание переката, Игорь, с другой стороны речки.

– Пусто! – громко отзываюсь я ему, с дерева, – Прилётов нет!

Игорь переходит перекат, ко мне...

Вдруг! От наших криков, из ствола стоящей по-соседству старой, высокой ивы выскакивает соболь! Толстый ствол этого дерева дуплист на всём своём протяжении. Это – такое

высоченное, многоэтажное, “многодуплистое” сооружение. Видимо, зверёк спал на днёвке в одной из ниш... Осмотревшись по сторонам, он снова юркает вовнутрь.

– Сашка! – зовёт меня Игорь, – Соболь!

– Вижу! – коротко отзываюсь я, торопливо спускаясь по стволу своей ольхи...

– Эй, соболь!

– Ну что, попался?! – зубоскалим мы.

Мы бродим вокруг дерева, поглядывая на его вершину.

– Соболь! Ты где?

– А ну, выходи!

Ивняк, на этом участке поймы – спелый, дерево от дерева стоят далеко и соболю от нас, по кронам, не уйти. Единственное, что ему остаётся – это забиться в дупло и переждать наше присутствие.

Я сбрасываю с плеч свой рюкзачок и готовлю к работе фоторужьё.

– Зик! Зик! Зик! – громко скрипит резьба скручиваемой крышки объектива.

Зверёк тревожно поглядывает на нас из дупла. Он смотрит на нас сверху-вниз, высунув наружу голову. Я навожу объектив на резкость... Остроносая, светло-коричневая мордочка, широкие уголки торчащих по её бокам ушей, блестящие бусинки маленьких глаз.

– Клац-счёлк! – грохает мой, двойной “выстрел”.

Соболья рожица испуганно дёргается в тёмном проёме дупла. Я улыбаюсь ему в ответ, большим пальцем правой руки проматывая “отстрелянный” кадр в своём Зените.

– Цррр! Цррр! Цррр! – звонко стрекочет “собачка” перемотки фотоплёнки.

– Клац-счёлк!

– Цррр! Цррр! Цррр!

– Клац-счёлк!

Не выдержав моей фотоканонады, зверёк выскакивает из самого верхнего дупла и карабкается на самый-самый верх ивовой кроны. И висит там, раскачиваясь на тоненькой, длинной веточке. Что ещё нужно фотоохотнику для счастья?! Соболь, во всей красе, лежит на фоне синего-синего неба! И я, раз за разом, выстраиваю классные кадры...

У нас, на Кунашире, очень светлая окраска соболей. Они светло-коричневые.

– Он – почти рыжий! – возмущаюсь я.

– Увы! – смеётся на это, Игорь, – Это, тебе – не баргузинский кряж! Камчатский и сахалинский – самые дешёвые соболя.

– Всё-равно, красивый! – возражаю я и улыбаюсь соболю, оторвав глаз от видоискателя своего фоторужья.

Мы забираем свои, прислонённые к стволу “соболей” ивы, ружья и шагаем дальше. По своим делам, мы напрямую пересекаем пойму. Соболь так и остаётся раскачиваться на веточке, высоко над землёй...

Вот и тёмная стена интересующего нас сегодня, гленника, постепенно вырисовалась перед нами. Не задерживаясь, мы с ходу входим под лес. Здесь – не то, что сыро! Здесь откровенно мокро. Всё покрыто зелёным, сочащимся влагой, ковром мха.

– Чвак! Чвак!

– Чав! Чав!

Под сапогами чавкает болотная жижа. Она здесь – всегда. Поэтому, корни елей, тонкими блинами расползлись по самой-самой поверхности почвы...

На самом острие лесного массива, под первым деревом угла ельника, нашим глазам открывается медвежья лёжка.

– Саш, лёжка!

– Ага! – я бросаю взгляд на кучки помёта, – Ночная.

– Ну! – соглашается Игорь.

- Крупный какой! – вполголоса удивляется он, – Как корова.
- Ага! – радуюсь я, – Бо-ольшой!

На размеры медведя указывает “калибр” колбасок его помёта. Мы – умные. Первым делом, мы смотрим на кучки помётов. . .

Лёжка устроена в основании ствола ели, со стороны голого сейчас, весной, ивняка поймы. Защитив спину со стороны леса стволом дерева, зверь лежал, передом обратившись к обширным просторам речной поймы.

– Спиной к стволу. Защита – прежде всего! – улыбается Игорь, – Только, кто на такого большого бросится?

– Ну! – киваю я, обшаривая лёжку глазами, – Рудимент! Это условие выживания вбито в его голову с юности. Когда от всех приходилось спасаться. Теперь – он вырос, стал здоровым как слон, опасаться других медведей больше не приходится, а он – свою спину на лёжке всё-равно защищает стволом дерева. Одно слово – рудимент.

– Хм!

– Что? – мимоходом, не отрываясь от своих дел, тут же интересуюсь я.

– Он подстилку сделал! – недоумевает Игорь, – Уже тепло! Медведи, о подстилке, уже давно забыли!

– Ну! – киваю я, и мой рот трогает улыбка, – Сделал. . . Ты глянь – вода кругом, всё чавкает. Это – он в воде лежать не хочет.

– Не хочет задницей в воде, как лебедь? – тихо смеётся Игорь, – Ишь, ты!

С ближайших нескольких метров, медведь сгрёб на подстилку всю прошлогоднюю солому вейника. Я зарисовываю в свой дневничок его лёжку, схемку её расположения на местности. . . Рулеткой, замеряю размеры лёжки: “Пятьдесят шесть сантиметров, в поперечнике”.

– Саш, он же большой! – хмурится Игорь, – А лёжка – чуть больше полметра, диаметром!

– Так оно и есть! – не сомневаюсь я, – Ты представь себе корову.

– Ну.

– Это же – крупное животное! А ночная лёжка, у неё – вот такая же! Я-то насмотрелся на коровьи лёжки. Весь прошлый год изучал “работу” скотинников. . . А ещё – кругом вода! Тут не особо развалишься! Он лежал, сжавшись в клубок.

Наконец, доходит очередь до помётов. Пять их кучек лежат веером, шагах в пяти за краем лёжки, со стороны открытых просторов поймы.

– “Танкоопасные” направления должны быть прикрыты! – улыбаюсь я, – Это закон.

– Он же большой! – опять отзывается брат, – Ему-то – кого опасаться? Что? Опять рудимент?

Опустившись коленом болотника на лёжку, Игорь, через кучки помёта, прищуривается глазом на просторы поймы.

– Ну! – киваю я, – Он – уже огромный, никого не боится, а с детства в его голову вбита привычка кучки ночных помётов ставить на самых опасных подходах к лёжке.

– Всё – как у нас! – усмехается Игорь, – Чтобы медведь, на рассвете, на нас случайно не наступил – при ночёвках в лесу, на наиболее вероятных подходах, метров за двадцать пять перед палаткой, мы развешиваем свои портянки. Запаховая метка! Медведям развешивать нечего, поэтому они раскладывают свои помёты. . .

– Ну, – соглашаюсь я, – Предупреждение. . . Мы закрываемся от опасности портянками, а медведи – помётами. Их запаховая метка – даже лучше нашей!

– Точно! – смеётся Игорь, – Но. . . мы с тобой, до этого дожили – лет через десять, лесной, походной жизни!

– Ну, ты сравнил! У нас, походов с ночёвками – месяц в году, а у него каждая ночь – ночёвка в лесу.

По свежести помётов нетрудно вычислить и свежесть лёжки.

– Здесь, медведь ночевал – около трёх дней назад, – заключаю я.

Пять помётов! Какой материал! Комками чёрного, с синевой, цвета, они аккуратно лежат на выбеленной дождями, сухой, прошлогодней соломе вейника. С сегодняшнего дня я, свою “лабораторию по анализу экскрементов” ношу с собой. Я просчитал, что мне легче носить по лесам пустое ведро, чем весь день носить рюкзак помётов. А потом – ещё весь вечер разбирать их у кордона. Удобнее это делать прямо на месте.

Вот – и вода рядом! Я шагаю к ручью, зачерпываю полведра воды. Натягиваю на руки тонкие, резиновые перчатки. В ведро с водой опускаю первый помёт. Срубленной рядом палкой, осторожно размешиваю содержимое... Кусочки лизихитона сразу всплывают на поверхность воды и я вынимаю их из ведра, отдельно, в кучку. В толще воды вольно распределяется мочалка жилок полупереваренных черешков белокопытника. Я выуживаю и их, в отдельную кучку. Через край, осторожно сливаю воду...

– Так! Косточек рыбы и мышей нет! – бубню я себе под нос, – Ну и ладно. Теперь нужно прикинуть объём каждого вида корма... Так. Пиши!

Игорь кивает головой. Он сидит, на солнышке, рядом.

– Лизихитон восемьдесят пять процентов объёма, белокопытник – пятнадцать.

Игорь записывает в дневничок...

Вот, я уже пятый раз шагаю с ведром к воде. Это – последний помёт...

– Этот медведь питается лизихитоном и черешками белокопытника, – рассуждает брат, глядя в дневничок, – В трёх экскрементах восемьдесят пять процентов составляет белокопытник. В двух других – такое же преобладание имеет лизихитон.

– Ага. А, вот, осенних косточек кеты и мышинных хвостиков у этого медведя нет!

– Ну и что? – вздёргивает плечом Игорь, – Так и должно быть. Он здоро-овый такой! А, значит – грузный. Ему, мышку в траве поймать – сложно. Ему, рыбная косточка среди камней на берегу – как слону дробина. Несущественный объём корма, ради которого не стоит шевельнуться!

– Ну, да! – соглашаюсь я, протирая резину своих перчаток, а потом и сами руки, ватным тампоном спирта.

Я подсаживаюсь к брату и беру в руки дневничок с записями...

– Фу! Саш! – улыбается Игорь, – От тебя сивухой прёт! Как от алкаша! У медведей – такой нюх! Конечно, они нюхают наши следы. И веточки, за которые мы берёмся руками... Интересно – что они о тебе думают?

– Ну! А ведь, точно! – усмехаюсь я, не отрываясь от записей, – Они убеждены, что я хожу всегда пьяный!

– Ха-ха-ха! – смеётся брат.

– А что? – совсем не смеюсь, я, – Они реально так думают! По запаху!.. Уже проспиртовался весь! Даром, что вовнутрь не принимаю.

– Не факт! – возражает Игорь, – Спирт через кожу прекрасно впитывается! А ты – каждые пять минут руки тампоном трёшь.

– Ха-ха-ха! – наконец прыскаю я, со смеху, – Точно! Так и алкоголиком стану.

Игорь тоже, вполголоса смеётся, глядя на меня...

Сегодня, мы весь день отработали по Саратовскому борту. Всё! Да и время уже подходит! Вокруг нас стоит тихий, тёплый, весенний вечер.

Вдоль подошвы Борта, мы вываливаемся в распадок Перевального. Чуть спускаемся по узкой пойме ручья вниз – и выходим к участку филинячьего дупла. Останавливаемся. Впереди, в прямой видимости – дерево с дуплом. Толстый ствол “ивового баобаба” темнеет сквозь кроны окружающих ив.

Теперь, мы – опытные. Первым делом, мы намечаем путь нашего отступления. Нам нужно укрытие, где мы могли бы дождаться возвращения вспугнутой птицы в дупло...

– Саш! Смотри, какое дупло! – вскоре оборачивается ко мне, Игорь.

Перед нами огромное, в рост человека, дупло в стволе старой ольхи! Оно – как вертикальное корыто, расположено на уровне почвы. Задней стенки в нём нет, зато в сторону филинчьего дупла открыта только узкая бойница.

– То, что нужно! – шепчет Игорь, – Вдвоём втиснемся!

– Ну! – коротко соглашаюсь я.

Кругом уже разлились синие сумерки. Мы шагаем к совиному дереву...

Дупло расположено метрах в четырёх над землей и входом своим смотрит вверх, почти в небо. Я сильно стучу ладонью по коре толстого ствола ивы, прислушиваюсь к звукам... И не улавливаю никаких признаков жизни в дупле! Ничто не указывает на то, что дупло жилое – нет ни единого пухового пёрышка на стволе, нет белых клякс птичьего помёта на зелёных зонтах лопухов, вокруг.

Я вцепляюсь в выступ твёрдой ивовой коры пальцами и с усилием подтягиваюсь по стволу вверх...

Но Тятинский опыт не проходит даром и теперь – я не спешу засовывать свою голову в чёрный провал дупла. Скобочившись под дуплом, я поднимаю руку и провожу ею чуть выше края входа в дупло. Тотчас, из дупла выбрасывается птица! Моё лицо обдаёт упругим ветром. Мощно раскидывая в стороны свои огромные крылья, сова уходит вверх по ручью, к кромке чернеющего невдалеке, хвойника.

Теперь – скорее заглянуть в дупло! И я перегибаюсь через его край... На днище дупла, древесная труха сделана пологой ямочкой. На трухе лежат два таких же, как в Тятинском дупле, круглых, матово-белых яйца. Не мешкая, я торопливо свешиваюсь с ветви дерева вниз и едва дотянувшись, вытягиваю за руку наверх, Игоря – ему ведь, тоже очень хочется посмотреть дупло рыбных филинов! Теперь, мы вместе торопливо обшариваем глазами дупло...

Рядом с яйцами лежат несколько кусочков рыбы и одна, довольно крупная мальма.

– Мальма какая крупная! – шепчет Игорь, – Сантиметров двадцать пять длиной, будет!

Вдруг, раздаётся какой-то звук и мы замечаем, что одно яйцо зубчатой линией расколото надвое! Половинки скорлупы сходятся и расходятся, в такт дыхания птенца! И оттуда, из этого яйца, раздаётся редкое, грубое цыганье!

– Цыг!

– О! Филинёнок!

– Цыгает!

– Цыг!

– Как удачно попали! – восторгаюсь я, – День вылупления первого птенца!

– Ну!

– И дату не забудем – сегодня день твоего рождения, четырнадцатое апреля!

Мы торопливо осматриваем дупло.

– У-гуууу! – со стороны хвойника, над притихшей к вечеру речной долиной, несётся глухое уханье филина.

– У-гуууу!

Это беспокоится, согнанная нами с гнезда, самка. Мы торопливо спускаемся по стволу ивы вниз и бежим к своему укрытию...

Всё! Мы втискиваемся вертикально в своё полудупло и замираем. Теперь – надо ждать. Минута течёт за минутой...

Вдруг! Мы неожиданно видим, как высоко над нами, над кронами деревьев поймы, вниз по ручью, не таясь, летит рыбный филин!

– Карр! Карр! Карр! Карр!

Филина сопровождает почётный эскорт орущего во все глотки, воронья! От этого, я зло поджимаю губы.

– Вороны, суки! – тихо сообщает мне, смотрящий в бойницу, Игорь, – Сумерки уже! Откуда эти твари взялись?!

– Карр! Карр!

Я и сам слышу ворон.

– Мы рассчитывали, что они уже будут на ночёвке! – зло думаю я, – Неудача!

Чуть потеснив брата, я одним глазом приникаю к бойнице...

Гвалт вороньего карканья ушёл далеко вниз, по Саратовской. У нас, на участке дупла, всё затихает. Опять тянутся минута за минутой...

Вдруг, беззвучной, серой тенью, низко, буквально в метре над журчащей водичкой ручья, со стороны Саратовской, к филинячьему дереву скользнула сова! Резкая горка вверх – и птица с разгону исчезает в провале дупла.

– Вот, это, трюк! – едва шевелит губами, удивлённый Игорь, – Как она, ворон обманула!

– Ага! – соглашаюсь я, – Туда ушла открыто, по небу, собрала всё воронье! А потом, нырнула и у самой земли – обратно!

На цыпочках, мы делаем шаг из своего укрытия и пригибаясь, крадёмся прочь, по широкому кругу огибая дерево с дуплом. Кругом разлита густая синева сумерек...

Вечер. Потрескивает дровами догорающая печка. На столе горит керосиновая лампа. Это – одна из достопримечательностей Саратовского кордона. Разложив на табуретке принадлежности, я протираю и смазываю своё ружьё. Как никакое другое, полуавтомат МЦ 21–12 требует чистоты и аккуратности...

Это занятие не мешает мне, между делом, обдумывать результаты прошедшего дня.

– Сегодня четырнадцатое апреля, – рассуждаю я, – Это день твоего рождения.

– Ага, – соглашается брат.

– А ещё – дата вылупления первого филинёнка у филинов. Если бы я был орнитологом, то эта дата мне была бы очень важна.

– Да, – кивком соглашается со мной Игорь и помолчав, интересуется, – Куда пойдём завтра?

– Давай, по Перевальному? – предлагаю я, – Только, с другой его стороны.

– Давай.

– А, как у тебя дела? – через несколько минут, интересуюсь я.

– Нуу... – вздыхает Игорь, – Сегодня, вот, сколько норку не смотрели – всё глухо. За исключением двух сомнительных отпечатков. Вот... А по лисице – отлично! Вон уже, сколько экскрементов сушится!

Брат кивает головой вверх. Я тоже бросаю взгляд под потолок, на гирлянду пузатых матерчатых мешочков на верёвке, что протянута над печкой. Здесь есть и моя, немалая, доля...

Саратовский кордон. Пятнадцатое апреля. Утро. Мы торопливо едим, одеваемся в рабочую одежду и вываливаемся из кордона. Напрямую шагаем через долину Саратовской на запад, в сторону Саратовского борта...

Речка. Мы переходим её. У Игоря начинается работа – он обследует Перевальный, он ищет следы норки. Я брожу вокруг, в ближайших окрестностях...

Склоны Борта уже рядом. Я появляюсь перед братом: “Ну, как?”. Стоя в ручье, Игорь поднимает голову: “Хм! Никаких намёков на присутствие норки! И рыбы нет. Хотя в Саратовке рыба есть”.

– Ну, – киваю я, – В Саратовке рыба есть.

Мы выбираемся из ручья и сворачиваем к Борту...

Под самым Бортом, мы натываемся на след медвежонка – годовичка! Я приседаю над следом, на корточки.

– Десять сантиметров.

– Медвежонок. И так видно, – отзывается брат, – Маленький.

Мы стоим, озадаченно рассматривая отпечатки маленьких медвежьих лап, по уцелевшей под пихтарником, полянке снега.

– Вчерашний след... Один! – озадачиваюсь я, – Как это понимать?

– Не знаю! – пожимает плечами Игорь, – Как понимать... Пацан с рогаткой, шляется по лесу один! Не понимаю...

Сплошное недоумение, на наши головы...

– Давай, потропим. Может, что узнаем? – предлагаю я.

– Давай. Пока снег будет. Мы, ведь, не собаки.

И мы сворачиваем на следы медвежонка...

По подножиям Саратовского борта, зверёныш шлёпает в сторону Перевального. Здесь, под густым пихтарником, ещё лежит снег! Лёгкий медвежонок, без проблем шагает по нему. Мы же, особенно я, топимся по мягкому и местами ещё глубокому снегу, как кабаны. Из меня медленно, но уверенно, выходит дух...

Наконец, между лапами хвойника, впереди начинает угадываться просвет.

– Это пойма Перевального, – понимаю я.

Из-под кроны толстой ели, медвежонок скатывается в пойму. Ступив под чистый от снега ивняк, он сразу же решает подкрепиться. С дневничком в руке, я считаю его покопки на проталине...

– Девять штук! – сообщаю я брату, – Лизихитона.

С проталин, медвежонок шагает дальше. Дальше – простор снежного поля. Зверёныш собирается пересечь широкую ленту пойменного ивняка ручья. Но, вдруг, крутнувшись на месте, он торопливым шагом убегает обратно, под кроны спелого пихтарника. Мы тоже шагаем обратно, по следам полубегущего медвежонка. Чуть скосив взгляд на следы, я отмечаю, как комочки подтаивающего снега раскатывались из-под когтей спешащего медвежонка. Останавливаемся на краю хвойника.

– Что случилось? – Игорь, в недоумении, вертит по сторонам головой, – Шёл в ту сторону, и вдруг – обратно удрал!

– Не знаю, – отзываюсь я, – Интересно бы это разузнать.

И мы начинаем, широким полукругом, обрезать окрестности...

– О!

– Вон, след!

Мы издалека видим, что по краю хвойника с противоположной стороны ручья, куда намеревался перебраться наш подопечный, по снегу тянется вереница следов большого медведя. Мы с Игорем, напрямик направляемся к этим следам.

– На, поддержи? – я протягиваю брату своё ружьё.

Я достаю из кармана рулетку и приседаю над отпечатком от передней лапы медведя. Игорь стоит рядом, присматриваясь к окружающему лесу. Его задача – по сторонам смотреть. Он трогает чёрным носком болотника когтистый отпечаток: “Да-а! У одинокого медвежонка, жизнь – не сахар”.

– Ага! – согласно киваю я, не поднимая лица, продолжая замерять ширину следа, – Шестнадцать с половиной.

Мы возвращаемся на след медвежонка и тропим его дальше...

– Саш! Помёт! – вскоре кивает Игорь вперёд по следу.

– Ага! – я вытаскиваю полиэтиленовый пакетик, – Лизихитоновый.

Вскоре, мы подходим ко второму помёту. Даже на глаз, я вижу, что и этот помёт состоит из лизихитона.

– Игорь! – говорю я, – Он, как все медвежата, ест один лизихитон. То есть, он кормится по сырым ольховникам.

- Ага! – кивает брат, шагая чуть впереди, – Значит, на сухой склон Борта он не пойдёт.
– Не пойдёт, – соглашаюсь я.

Словно прислушавшись к нашим рассуждениям, медвежонок поворачивает в другую сторону – в массивы сырых гленников Саратовской. А нам – уже по горло хватило тропить его по хвойнику, где ещё лежит снег. Поэтому, мы, без всякого сожаления, бросаем след медвежонка. Нам, сегодня – не по пути. Мы разворачиваемся и шагаем вверх, на склоны Саратовского борта...

Ах, Саратовский борт! Здесь уже давно нет снега! Сейчас – это одна гигантская проталина, прогретая солнцем! Мы бродим по склонам, с азартом собираем материал... И, постепенно поднимаемся выше середины высоты склонов Борта!

- Саш! Медведь пасётся! – замирает, с биноклем у глаз, Игорь.

Я тоже поднимаю бинокль. Внизу пасётся медведь.

- Хм! Весь чёрный!

– Ну. Взрослый.

- Ага.

Мы долго рассматриваем медведя в бинокль, с высоты нашего положения. Не задерживаясь, зверь, кормовым ходом, тянет вдоль подножия Борта. Мы спокойны – сама по себе, близкая встреча с медведем, нам не нужна. Мы, рыская челноками по колкам хвойников, разбросанным по всем склонам Борта, собираем материал.

- Саш, лёжка!

Моим глазам предстаёт лёжка взрослого медведя. Без подстилки.

– Смотри-ка! – делюсь я с братом, умной мыслью, – Тепло стало, так уже все лёжки без подстилки пошли!

И опять лёжка! И снова помёты!.. Я доволен – материал сегодня обильный, как никогда...

- Что там, за дырка, в склоне? – спрашивает меня Игорь.

Он смотрит в бинокль круто вверх, на склон впереди, по ходу нашего движения: “Похоже на лисью нору!”.

– По-моему, крупновата она, для лисьей норы, – пожимаю я плечом, опуская свой бинокль, – Конечно, надо бы ближе посмотреть.

И мы начинаем забирать вверх, всё выше и выше по склону...

На очередном перекуре, Игорь снова поднимает к глазам бинокль: “Она слишком крупная, для лисьей норы!”.

- Игорь, это берлога! – с опаской догадываюсь я.

К берлоге, у нас и отношение совсем другое. Мы расходимся в разные стороны...

Я выбираюсь на уровень берлоги, метрах в тридцати в стороне. Игорь поднимается ещё выше. Мы осторожно приближаемся к норе...

Вроде бы, пусто. Вот он, полуобвалившийся провал, более полутора метров по горизонтали и почти метр в высоту.

- Эгей! – подаю я голос, готовый отскочить прочь, – Есть кто?

В ответ – тишина...

- Эгей!!! – уже грозным голосом, рычу я вглубь земли.

Всё вокруг, по-прежнему, тихо.

- Цик – цик! Цик! – цикает птичья мелочь, копошится в прошлогодних листьях.

Ветерок перебирает соломинки на поверхности почвы...

- Нет никого! – делает вывод Игорь.

– Это нам, как-раз и нужно! – удовлетворённо выдыхаю я.

Но, всё-равно, боязно. С яркого света весеннего дня не разглядеть, что делается там, в черноте берложьего провала. Конечно, нужно замерить берлогу! Кто спорит? А если медведь – там?! Соваться головой в лапы медведя – не очень-то хочется...

Холмик обвалившейся по весне, мягкой, коричневой земли, посередине продавлен телом медведя.

– Смотри! В берлогу медведь заползал! – прикидываю я, – Судя по размерам, он – средний, с человека.

– Ну! – соглашается Игорь, – Он выполз из неё наружу или заполз внутрь?

Мы внимательно рассматриваем каждый бугорок почвы, каждую крошку... В прошлом году, я сам убедился в том, как, случайно напоротившись на чужую берлогу медведя, залез в неё, тщательно её обследовал и даже, по-хозяйски поскрёб когтями потолок и стены спальной камеры.

– Смотри – здесь вот, ком земли отвалил наружу, – резюмирует Игорь, – Похоже, что выполз.

– Похоже! – киваю я.

Но, одно дело сказать и пойти прочь, и совсем другое – сказать и засунуть туда свою голову.

– Да-а! И уйти – нельзя! Такая ценная информация!

– Ну! – соглашается Игорь, – Не каждый день, мы берлоги встречаем.

Я обречённо вздыхаю и шагаю прочь – за длинным прутом прошлогоднего высокотравья. Как действовать при обследовании берлоги – опыт, у меня, имеется...

Я удовлетворяюсь длинной трубкой какалии, метра два длинной. Вернувшись, я засовываю её в чёрную нору берлоги, вершинкой вперёд. Противоположной стенки берложной камеры прут не достает!

– Маловато! – отрицательно качаю я головой.

Я начинаю водить концом прута по берлоге, из стороны в сторону... Всё тихо, никто, за прут, не хватается...

– Точно, нет никого!

Я снова обречённо вздыхаю: “Придётся лезть!”. Я ложу на нагретую солнцем, такую тёплую, солому склона своё ружьё, снимаю с пояса подсумок, тесак, коробку высотомера, секцию патронташа – мне нужно, до предела, похудеть в талии. Вход в берлогу – всегда самое узкое место.

– Ну, всё!

Я засовываю в нору входа руки и голову. Эта нора немного уходит вниз, и вскоре я оказываюсь лежащим вверх ногами. Руками, я ошупываю глиняный пол и стенки тоннеля, впереди себя. Свет полностью перекрыт моим туловищем и вокруг абсолютно черно. Сантиметр за сантиметром, я постепенно продвигаюсь вперёд...

Вот! Боковые стенки тоннеля резко исчезли под пальцами.

– Ага! – просчитываю я, в кромешной темноте, – Камера!

Я замираю, втянув голову в плечи. Я лежу в черноте и слушаю берлогу... Вокруг абсолютная тишина! Ни звука дыхания медведя, ни ворчания...

– Прижмись к стенке! К стенке, идиот! – тормозит меня, внутренний голос, – Пропусти свет в берлогу!

Я поджимаюсь к правой стенке и осторожно шаря руками впереди себя, вползаю в камеру. Берлога освещается далёким, серым мраком и я расслабленно опускаю голову на, по-прежнему вытянутые вперед, руки – в медвежьем доме никого нет.

– Фууууу...

Конечно! И быть никого не могло! Но, об этом хорошо разглагольствовать, стоя наверху. И совсем другие мысли приходят в голову, когда ты суёшь её в чёрное жерло берлоги. Не сдвинувшись ни на сантиметр, я окидываю спальную камеру взглядом: “Дааа! И здесь мне, одному, не справиться”.

– Игорь!!! – горланю я, что есть сил, зная, что на поверхность вырвется лишь жалкая часть моего крика.

Берлога снова погружается в темноту – это брат приник к входу, чтобы лучше меня услышать.

– Залазь сюда! – кричу я, – Рулетку сможешь держать!

Шустро, словно ящерица, он проникает в камеру. Снова вокруг становится всё серым. Мы сидим по разные стороны от тоннеля входа.

– Ого! – Игорь трогает рукой свод потолка, над головой, – Вот, это, дааа! Как палатка!

– Ну. Держи конец! – я протягиваю ему конец рулетки.

– Так! Пиши... Ширина спальной камеры – сто сорок пять сантиметров, длина камеры – сто двенадцать, высота камеры – восемьдесят семь...

Игорь записывает цифры в мой блокнотик.

– Так! Замерили...

Я ощупываю земляной пол берлоги пальцами – подстилки здесь совершенно нет. Я не нахожу даже следов её пребывания. Ни семечка злаков, ни соломинки, ни листочка! Только комочки сухой, окаменевшей глины.

– Теперь, давай замерим тоннель входа.

– Давай.

– Так, пиши... Длина норы входа – сто тридцать пять сантиметров, высота... шестьдесят два. О расположении берлоги запиши так: “Берлога выкорябана в склоне Борта, в верхней его части, посреди обширной, травяной поляны, в толще спрессованной, глинистой породы”.

– Всё.

– Так. Записали. Пора вылезать наружу.

– Ну, – соглашается Игорь, – А то – я замёрз! Здесь холодно, как в погребе.

Друг за другом, мы выползаем наружу...

День перевалил за половину. С высоты своего положения, мы в бинокли осматриваем окрестности...

Перед глазами плывут, приближенные оптикой, просторы по-весеннему серых, сырых полей, с белеющими пятнышками ещё не сошедшего кое-где снега, колки пихтарников, скупая сетка чахлого ольховника по окраинам марей...

– Саш! Медведь пасётся! – показывает мне пальцем вниз Игорь, – Вон, за колком.

Я отыскиваю чёрное пятнышко зверя. Он кормится на краю мари, далеко внизу, под нами.

– Давай, попробуем подкрасться? – предлагает Игорь.

– Давай! Пока далеко – можно спуститься напрямую по склону, до лесочка. А потом – закроемся от него этим леском.

– Ну! – подхватывает мою идею, брат, – А там, через лесок прокрадёмся – и выйдем прямо к нему!

– Может, удастся сфотографировать?! – прикидываю я.

Первым делом, мы проверяем направление ветра. Едва заметно, воздух течёт мимо нас, в сторону.

– Воздух тянет нормально!

– Ну!

Мы вприпрыжку скатываемся по склону Борта, к его подножию. Вот – вот, кроны высоких пихт хвойного колка закроют нас от медведя. На последней минуте видимости медведя, мы прищуриваемся на него, чтобы засечь его “координаты”. Друг за другом, мы тихо крадёмся между стволами пихт и елей, по хвойнику...

Впереди просвечивает край леска! Вскоре, мы осторожно высовываем головы из-под пихтовых лап.

– Немного ошиблись! – шепчет Игорь.

– Ага! Нужный нам закоулок – немного правее!

И мы ныряем обратно, под пихтовые лапы. Теперь мы крадёмся по хвойнику, вправо. Здесь, под пихтами, вблизи границы колка, разросся такой высокий и густой подрост! Ничего не видно!..

С трудом продравшись сквозь пихточки подроста, я осторожно выглядываю из-за крайнего ствола пихты, на марь.

– Закоулок – наш! – шепчет у плеча, Игорь.

Я и сам вижу, что медведь – вон он! Пасётся себе, ни о чем не подозревая. Он кормится в закоулке раскинувшейся перед нами, обширной мари. Открытые просторы – почти до горизонта! Я приникаю к видоискателю своего фоторужья.

– Блин!

– Что? – не понимает брат.

– Между нами и медведем – заросли ольховника! У меня в видоискателе – только размытая фигура медведя, в сплошной сетке ольховых веточек!

– Как, всё же, легко на медведя охотиться и как трудно его фотографировать! – со злостью думаю я, – Пока сделаешь один кадр – уже, семь раз застрелил бы!

– Что же делать? Что делать? – держа бесполезное фоторужье в руке, я озираюсь по сторонам.

Но, кругом одна и та же картина – стена тёмного пихтарника отгорожена от просторов мари узкой полосой чахлого ольховника, чуть выше человеческого роста. Медведь кормится на мари, изредка переступая ногами...

– Ну, тупик! Просто, какой-то тупик!

И тут, у меня рождается план. Я передаю своё ружье Игорю и лезу через стену подроста, к стволу граничной пихты. Сантиметров сорок диаметром, ствол этого дерева, с трёх сторон закрыт плотно посаженными друг к другу, толстыми сучьями. Да так плотно, что нечего даже и думать, чтобы продрасться среди них, вверх по стволу! И только со стороны мари, ствол дерева – совершенно голый.

– Здесь можно подняться вверх по стволу! – прикидываю я, – Но... прямо на глазах у медведя! Пятьдесят шагов! Это нереально!

Через минуту я понимаю, что другого варианта – просто, нет.

– Лезть здесь – верх идиотизма! А... иначе – вообще никак! Хоть, уходи...

– Ладно! – решаю я, – Посмотрим, кто из нас тупее!

Стоя у основания ствола, со своего места – я не вижу медведя! Такой подрост! Я вопросительно оборачиваюсь к Игорю. Глянув на медведя, тот утвердительно кивает мне головой. Я медленно и с трудом проворачиваюсь в молодняке на нужную сторону ствола пихты и вцепляюсь в её нижние ветви руками. Теперь я стою спиной к просторам мари... и к медведю.

Медленно – медленно, словно ленивец, я тяну вверх руку и берусь ею за горизонтальный сук. Точно также медленно, я поджимаю ногу и ставлю её на горизонтальный сук, внизу. Некуда деть фотоаппарат! И я перекидываю его из руки в руку... Теперь – я медленно тяну вверх другую руку. Взясся. Теперь – подтянуть вверх другую ногу. Поставил. Теперь – перехватить фотоаппарат другой рукой...

Развернутый к мари спиной, я не могу видеть, как реагирует медведь на моё появление на стволе ближайшего к нему дерева.

Шаг за шагом, всё выше и выше...

По-моему, я поднялся уже достаточно высоко! Медленно – медленно, я поворачиваю голову и на пределе возможного поворота шеи, через плечо, самым краем глаза, вижу по-прежнему спокойно пасущегося на пустыре медведя.

– Стоит!!! Вот шизофрения! – поражаюсь я, – Скажи, кто – не поверил бы!

Медведь пасётся. Он стоит ко мне передом. Сетка веток ольховника уже не закрывает его от меня. Но это значит, что и я, для медведя – открыт тоже! Зверю стоит лишь слегка приподнять морду – и вот он, я! Прямо перед ним! В полный рост распятый на стволе ближайшего дерева!

– Почему он, до сих пор, ещё здесь?! – изумлённо думаю я.

– Ладно, что тут думать? – прикидываю я, – Надо, как-то, разворачиваться к медведю. Ведь я здесь для того, чтобы фотографировать.

Мед-лен-но! Я тяну вверх правую ногу. Я задираю её как можно выше и с трудом переваливаю её через широкую и мягкую, горизонтальную пихтовую лапищу. Теперь задираю выше головы левую ногу и медленно просовываю её сразу через две пихтовые лапы. И сажусь на обе, толстых ветви. Это – как сидеть сразу на двух брусках, в школьном спортзале! Теперь – мои руки свободны.

Медленно, я поднимаю к глазам своё фоторужьё... Я – очень умный! Под железную бобышку кольца диафрагмы, на фотообъективе, я заранее подставляю свой большой палец. Теперь, при спуске затвора фотоаппарата, это кольцо лягнет не по торцу железной щели, а по моему пальцу.

– Стук!

Я морщусь от боли...

Но, зато нет громкого, металлического лязга!

– Щёлк! – всего лишь короткий и слабый щелчок сработавшего затвора.

– Стук! Щёлк!

Морщась, я раз за разом, нажимаю кнопку спуска...

Всё! Потрачено пять кадров. Все они, практически, одинаковы.

– Ну! Сколько можно делать кадров, с одной точки?! – снова озираюсь я, по сторонам, – Нужно сделать вообще крупный план!

Снова медленно, я спускаюсь, по стволу пихты, вниз... Внизу подрост снова скрывает всё вокруг. Я ничего не вижу! Пробираюсь по молодняку к Игорю: “Ну? Как?”.

– Пасётся, да и всё! – коротко взглянув на меня, брат недоумённо пожимает плечами.

– Ладно! Тогда, давай, попробуем зайти с той стороны? Может, удастся через ольховник подкрасться? Если он такой, беззаботный...

Мы немного углубляемся в хвойник. И перебежками обкручиваем наш закоулок мари, прячась за стволами крайних к ней пихт...

Очередной раз высунувшись из-под пихтовых лап, мы видим, что наш зверь закончил кормиться и спокойно удаляется от нас! Он шагает по безбрежному, открытому пространству мари, в направлении чернеющей вдаль, стены большого хвойного леса.

– Блин!

– Уходит!

Теперь, нам уже не до конспирации! Короткими перебежками, по чавкающему ольховнику, мы пытаемся подскочить поближе. Однако, медведь сразу же обнаруживает наше преследование и длинными прыжками бросается дальше, через просторы мари! Всё! Мы стоим и смотрим на этот стелющийся, тяжёлый, равномерный медвежий галоп...

Медведь уже далеко. Мы поднимаем к глазам бинокли...

У далёкой стены хвойного леса, медведь тормозит. Видя, что мы его не преследуем, он останавливается. Медведь разворачивается к нам передом, стоит и исподлобья смотрит на нас. Мы стоим по другую сторону обширнейшей пустоши и тоже смотрим на него, в бинокли...

– Смотри! – говорю я, – Гипнотизирует. И поза, у него – устрашающая!

– Ну... Поздно дёргаешься, медведь! – громко говорит в бинокль, Игорь, – Уже семь раз застрелили бы! Если б хотели...

Постояв с минуту в грозной позе лицом к нам, медведь разворачивается к лесу. Пять шагов – и нет его. Мы опускаем свои бинокли.

– Всё! – выдыхает Игорь, – Кончилось кино.

– Ну! – отзываюсь я, – А медведь – совсем не маленький!

– Взрослый, – кивает Игорь, – По мари, на галопе – быстро шёл. Но, тяжёлый!

– Ладно! – подвожу я, итог, – Насмотрелись и нафотографировались. Спасибо медведю...

Пошли, теперь, посмотрим его покопки? Да, может, где его помёт отыщем – долго он, всё-таки, здесь кормился.

Мы возвращаемся назад, на место медвежьей кормёжки. Бродим по испещрённому чёрными лунками покопок, “пастбищу”. Одну за другой, я проверяю многочисленные покопки...

– Фу! Симплокарпус! И эта – симплокарпус!.. Игорь! Они, все до одной – симплокарпус!

Игорь бродит по мари значительно шире меня, он выискивает покопки и помёты на окраинах кормёжки...

На высоком крыльце Саратовского кордона мы высчёлкиваем патроны. Игорь смотрит на свой приборчик: “По шагомеру, сегодня мы прошли двенадцать с половиной километров”.

– Нормально, – киваю я.

– Пересечений следов: лисица – двадцать девять, соболь – тридцать пять.

– А у меня – четыре помеченных ствола, три лёжки и шесть помётов.

– Ещё – берлога, – напоминает брат.

Ночью портится погода! Налетают тугие порывы ледяного, пронизывающего до костей, ветра. Ветер гонит по небу сплошные, рваные облака. Мы решаем устроить себе выходной день. А то, ведь – всё время рыщем по лесам дни напролёт, без отдыха...

Саратовский кордон. Семнадцатое апреля. Утром – всё бело кругом! Почву закрыло белой снежной крупой! Столбик ртути за оконным стеклом Саратовского кордона стоит чуть ниже нуля.

– Весна кончилась! – Игорь, в раздумье, стоит перед небольшим окном нашего домика.

Сегодня мы решаем пройти вдоль границы речной долины, вверх по Саратовской.

Как обычно, прислушиваясь и приглядываясь к окружающему лесу, мы неторопливо шагаем по границе гленников. Внимательно осматриваем стволы елей – может, какой из них помечен свежими медвежьими метками? Осторожно просматриваем пространство перед собой...

Сегодня, мы не прочь посмотреть на какого-нибудь медведя. Но ничто не указывает нам на близкое присутствие медведей. Ни следов. Ни покопок...

– Вчера – мы отдохали, а сегодня – медведи, себе выходной, устроили, – приглушённо говорит Игорь.

В лесу, в полный голос разговаривать нельзя. Если хочешь кого-нибудь увидеть...

Мы пробираемся по гребешку захламлённой, покрытой плотным пихтарником, надпойменной терраски Саратовской. Вдруг, прямо над нашими головами, с ветвей закрытой мохнатыми лапами пихт берёзы, с шумом срывается большая птица! Мощно и размеренно взмахивая огромными крыльями, она пересекает долинку речки.

Мы вздёргиваемся на звук: “Рыбный филин!”.

– Ага!

Мы провожаем птицу взглядами.

– Смотри-ка! На днёвке сидел!

– Ну...

Кругом стоит плотный пихтарник. Ветка берёзы над нами, качается от сильного толчка филина. Оглядываясь по сторонам, мы шагаем дальше...

Игорь шагает по ольховнику речной поймы, я – по гребню террасы. Пройдя дальше метров двадцать, мы подходим к наклонённой с гребня террасы в пойму, толстой берёзе. Дерево наклонно выглядывает в речную долину, из окружающих его пихтовых крон. Шагающий по пойме, Игорь поднимает руку: “Саш! Дупло!”. Я стою над ним, на гребне террасы и ничего не вижу.

– В берёзе, – подсказывает Игорь, – С моей стороны!

Я отхожу от берёзы в сторону и прищуриваю глаза... Точно! Сбоку я вижу, что со стороны речной поймы, в стволе берёзы приоткрывается тёмный провал дупла! Входное отверстие в дупло видно только со стороны речки!

– Интересно! – загараюсь я, – Надо бы посмотреть дупло!

И я возвращаюсь к берёзе.

– Залезть, конечно, нужно, – озадаченно размышляю я, – Но, только, как?!

Толстенный ствол берёзы, мощной колонной, слегка наклонён с гребня террасы в пойму речки. Сверху, он покрыт зелёным мхом. Здесь же, по верху ствола, плетутся плети лианы гортензии. Цепляясь за эти, вросшие в рыхлые наслоения старой бересты, плети пальцами, я начинаю карабкаться по стволу...

Всё! Вроде бы, хватит. Раскинув в стороны руки и ноги и вцепившись в приросшие к бересте дерева лианы, я распростёрт сверху, на стволе берёзы. Как я понимаю, вход в дупло находится прямо подо мной, с левой стороны. Я вытягиваю в сторону дупла левую руку и провожу ею, из стороны в сторону.

Тотчас, из дупла начинает поспешно выбираться птица! Дупло для неё оказывается очень узким и глубоким. Цепляясь за внутренние стенки дупла когтями и помогая себе крыльями, сова, наконец, достигает выхода из дупла и шумно выбрасывается наружу, в воздух. Как и самец, самка тоже уходит через распадок речной долины, к чернеющему на противоположной его стороне, пихтарнику.

Раскинув руки и ноги в разные стороны, я лежу на стволе берёзы, над речной поймой и провожаю птицу взглядом. Над террасой я нахожусь невысоко, метра два превышение. Но глянь вертикально вниз, на уровень речной поймы – и душа холодеет! С такой высоты, падать – я не хочу.

Я свешиваю со ствола дерева, голову влево и заглядываю в трубу филинячьего дупла: на его днище лежат два яйца! Ещё раз оглядев дупло, не задерживаясь, я сползаю задним ходом, по стволу берёзы, обратно.

– Ну, как дупло? – интересуется Игорь.

– Плохое! – морщусь я, – Узкая и длинная труба! Бедная самка! В такое дупло залезла, что еле вылезает! Значит, в округе – никаких других дупел вообще нет.

– Плохо. Надо бы ей помочь. Ты не прикинул, что можно там подправить?

– Пока нет... Знаешь, как там удобно висеть, вниз головой? На такой высоте... Нужно сюда ещё прийти, с ремонтом.

– Сейчас нельзя. Нужно после того, как она птенцов выведет.

– Конечно! – соглашаюсь я.

Мы торопливо уходим дальше, вверх по речке. О воронах здесь, думаю, беспокоиться нечего – уж больно глубокое дупло у здешних филинов.

– А, смотри! – через минуту, делюсь я с братом, другой мыслью, – Если вокруг дупла есть условия – то самец, утром, из поймы не уходит! А остаётся на днёвку рядом с дуплом! Мы, всё время, дупло связываем только с одной самкой. А оказывается, что разделение пары, когда утром самец оставляет самку в дупле одну – оно вынужденное! Я думаю, что при хороших условиях – возле каждого филинячьего дупла сидел бы на днёвке самец пары.

– Ну, – кивает Игорь, – А условие для днёвки самца – это раскидистое хвойное дерево.

Через несколько часов, уже спускаясь по речке с её верховьев, мы обходим участок речной долинки с совиным дуплом, делая широкий полукруг вокруг колка пихтарника...

Весной дни – такие длинные! Темнеет только к десяти часам вечера. К сумеркам, мы успеваем перебазироваться на Тятино.

Сегодня был богатый впечатлениями, такой длинный, рабочий день. У Игоря значительно пополнилась “коллекция” соболиных и лисьих экскрементов.

– Посмотри, что у тебя, за сегодня? – спрашивает он, меня.

– Сейчас... Одна лёжка и семнадцать стволов с метками, одна следовая метка. Помётов нет!

– Понятно... Не зря же мы снялись с Саратовки!

– Ну. И стволы – все старые! Прошлогодние и позапрошлогодние метки...

Тятинский дом. Восемнадцатое апреля. Чтобы немного отдохнуть, мы решаем следующий день посвятить прорубке смотровой тропы. Каждую весну, она предстаёт передо мной основательно заваленной. Тропа проложена прямо по гребню высоченного, восточного борта речной долины Тятиной. Осенние циклоны здесь, раз за разом, вываливают пихтарник. Стволы этих пихт и елей – сантиметров тридцать пять – сорок в диаметре!

Вот и сейчас, мы знаем, что на тропе есть два участка сплошных завалов, помимо многих одиночных стволов. Ни под этими стволами не пролезть, ни через них – не перебраться! Одна морока. А, ведь, речные долины Саратовской, Тятиной и Ночки – это мой рабочий участок. Я здесь работаю с ранней весны до самой зимы, девять месяцев в году. Смотровая тропа – самый рациональный путь прохода в верховья Тятиной. И особенно – для возвращения обратно, когда уставшие за день ноги, уже цепляются за всякие кочки и сучья.

Поэтому, сегодня мы вооружаемся двуручной пилой, ножовкой и большим топором. Вот и первый хлыст! Он лежит через тропу, на уровне пояса.

– Жжик-жжик, жжик-жжик! – белые, свежие опилки сыпятся на тропу...

Весь день, мы с братом занимаемся тем, что выпиливаем метровый отрезок ствола очередного, поваленного дерева и сталкиваем его с гребня вниз, в пойму. И продвигаемся на несколько метров, вперёд по тропе. Пилим и сбрасываем, пилим и сбрасываем...

Всё. Конец смотровой тропы. Уставшие и довольные, мы стоим, отдыхаем.

– Но, всё-равно, за один раз тропу не расчистить! – приценивается к тропе, Игорь.

– Ну! – соглашаюсь я, – Вот если бы её ещё раз пройти с пилой, с самого начала и до конца! Вот тогда – это была бы чистая тропа...

Мы, не спеша, шагаем по тропе домой, на Тятино...

Тятинский дом. Девятнадцатое апреля. Сегодня, мы работаем по низовьям Тятиной...

В первой от устья ямке Тятиной, мы половили, на блёсны, кунджу. Поймали девять рыбин. Мы сидим с Игорем, на корточках у самого среза воды и потрошим рыбу...

Я вспарываю брюхо самой крупной кунджины. В желудке рыбины – три полупереваренных... корюшки!

– Игорь!мотри! – показываю я находку.

– Хм!.. Корюшки! – удивляется брат, – Кунджа жрёт корюшку! И совсем не мелкие!.. Никогда не думал!

– И я – тоже... Где она корюшку взяла?! В речке – корюшки ещё нет! Рано! Недели две, ещё, до нереста корюшки!

– Значит, кунджа её в море жрёт!

– Ну... Значит, эта кунджа – только что из моря, в речку зашла! – просчитываю я...

Тихо. Безветренно. Приближается вечер. За несколько часов до заката, мы забираемся по лестнице на конёк крыши нашего дома и в бинокли, рассматриваем склоны вулкана Тятя. Нашим глазам открывается величественная картина:

Подножия вулкана закрывает чёрная, зубчатая щётка темнохвойных лесов. В этом море острых вершин елей и пихт утонули небольшие сопочки, лужи лесных озерцов, просторы сырых ольховников и марей.

Выше вздымаются склоны грандиозного конуса вулкана. Сплошная стена хвойников, на уровне около 450 метров абсолютной высоты, разрывается обширными прогалинами. Ещё выше продвигаются массивы разреженных, смешанных лесов с участием берёзы. Смешанные леса сменяются полосой чистых березняков.

С правой стороны громады вулканического конуса чуть выступает чёрный, шлаковый конус “Отважный”. Зимние ветра сдувают снег с его голой, выположенной поверхности. Поэтому, весной, чёрный конус Отважного одним из первых показывается на фоне белых просторов Тяти. Это верхняя граница леса. В среднем, 650 метров над уровнем моря...

Сейчас, в апреле, склоны вулкана под смешанными лесами просвечивают белизной снежной целины. Там – весна ещё не наступила...

Выше Отважного, всё круче ввысь, уходят закрытые сплошным покрывалом снегов, склоны вулкана. Чем выше – тем круче склон. Тем огромнее карнизы надувов снега по гребням барранкосов.

На уровне 1400 метров над уровнем моря, древний конус вулкана обрывается зубчатым краем вершинной кальдеры. Кальдера образуется, когда в конусе извергающегося вулкана вырабатывается пустота. “Кальдера обрушения” говорят вулканологи. Вот и вершина вулкана Тятя, когда-то просела вовнутрь, срезав конус вулкана метров на шестьсот. Теперь – здесь горизонтальная площадка, около двух километров в поперечнике – “атрио”. При извержении тысяча восемьсот двенадцатого года, посередине атрио сформировался юный шлаковый конус. Четыреста метров высоты!

Там, наверху, сейчас полностью господствует зима...

Медленно перемещая поле бинокля, я пристально всматриваюсь в рожицы торчащего из-под снега ольховника, надувы снега на гребнях почти вертикальных ущельев барранкосов...

Поверхность снежного склона вулканического конуса поблескивает обширными площадями ледяной корочки. Значит и там снег топят жаркие лучи весеннего солнца! По гребням, на сияющих белизной склонах, уже зачернели начавшие открываться вершинки зарослей кедрового стланика...

– Да-а! Уже и сюда начинает стучаться весна!

Это занятие захватывает меня. Всматриваясь в склон, я словно бы переносюсь в то место, которое поедаю глазами в бинокль. Вот – кустики ольховника. А, вот – сверкает настом днище барранкоса. И я – там! На склоне, среди того снега, у того кустика! Я, даже, ощущаю запах ольховых почек!

– Саш, смотри! Лисьи следы, что-ли? – возвращает меня в реальность Игорь, глядя в свой бинокль.

– Где?

– А вон, под самым гребнем кальдеры! Метров сто ниже по склону.

Я смещаю поле своего бинокля в указанное место и... ничего не нахожу.

– Не вижу ничего.

– Есть – есть! Ты всмотрись!

Я врываюсь в склон глазами... и в поле бинокля проявляется прыгающая строчка! Закатное солнце, по касательной бьющее лучами вдоль склона, окрашивает снег на его поверхности в голубой цвет. Стенка каждого следа, в которую солнце ударяет перпендикулярно, продолжает оставаться ослепительно белой. Этот эффект позволяет видеть следы, словно строчку белых

ниток на голубой ткани. На высоте около тысяча триста метров, какой-то след, пунктирной линией пересекает ложе забитого снегом барранкоса.

– О! Вижу!.. Но, только, они больно крупные. Представь, расстояние какое?! Может, медведь?

– Что медведь, что лисица... что им делать в тех снегах?!

Устроившись на коньке крыши, мы упираем свои локти в колени. Опора рук позволяет устранить пульсирующее дёргание поля бинокля. Теперь следы становятся отчетливо видными...

– На соседнем барранкосе, вправо – тянется след! – опять подсказывает мне, брат.

– На следующем тоже есть...

– И на следующем...

– Интересно, он туда ушёл или оттуда пришёл?

– Чёрт его знает... Поперёк вулкана идёт и всё!

– Он что, вокруг всего вулкана будет перетягиваться?

След, с востока, прочерчивает склоны вулкана, покрывая уже, по крайней мере, четвертую часть окружности вулканического конуса...

Проследив след на восток до горизонта, мы возвращаем свои бинокли на склон, что стоит прямо перед нами. Отсюда мы начали свое “биноклевое” тропление, здесь мы его увидели первый раз...

– Саш! А, вон – он и сам! – вдруг, говорит Игорь, – Веди по следам прямо вниз!

Я веду поле своего бинокля прямо вниз, по барранкосу...

– А, следов-то понамешано!

Многочисленные зигзаги, петли и круги белых строчек следов, перевиваясь между собой, тянутся по левому гребню барранкоса вниз, вдоль кромки начинающих вытаивать зарослей кедрового стланика. Проскакивая через все эти хитросплетения следов, я веду поле бинокля прямо вниз – и вот он!

Очередная петля прерывается и след, белой, горизонтальной строчкой, тянется слева направо, через голубое полотно забитого снегом барранкоса. На конце строчки, чёрной кнопкой, виден продолговатый жук.

– Это медведь! – сразу понимаю я.

Чёрный жук медленно ползёт по склону...

– Ниже – ещё один! – не отрываясь от бинокля, опять говорит мне брат.

Я чуть опускаю поле своего бинокля – и тоже вижу второго медведя. Также, по горизонтали пересекая барранкос, он движется параллельно первому зверю, немного опережая его “в забеге”...

Подойдя к ольховнику на другой стороне барранкоса, второй чёрный жук застывает, уменьшившись ровно вдвое, по толщине.

– Лёг на живот, – комментирует Игорь, – Отдыхает.

Первый медведь, идущий выше по склону барранкоса метров на тридцать, тоже опускается на живот...

Звери лежат долго, минут десять – пятнадцать. Эта передышка в движении позволяет нам с братом попытаться хоть как-то объяснить увиденное:

– Медведи крупные и по-моему, одинаковых размеров, – прикидывает Игорь.

– Такие звери не могут гулять вместе! Даже если они – родственники. Что за прогулки по вулкану, бок о бок?!

– А что, тогда, остаётся предположить?

– Чёрт его знает... Вот, были бы они – один большой, другой маленький. Тогда было бы ясно, что это – медведица с медвежонком. Хотя, даже тогда, я не представляю, что могло

занести их в такие снега! Внизу – уже проталины давно, корм. А эти – по голой вершине вулкана дефилируют.

Первый медведь, наконец, поднимается со снега и вернувшись немного назад, начинает спускаться на строчку следов второго...

Выйдя на след “друга” на середине барранкоса, метрах в тридцати от него, он разворачивается и на прежней скорости, начинает приближаться к лежащему медведю, по строчке его горизонтального следа. Подпустив его немного к себе, второй медведь поднимается и лезет прямо вверх по барранкосу, выбирая участки чистого снега среди куртин ольховника...

Пройдя горизонтальную строчку следа второго медведя до конца, первый медведь тоже лезет вверх...

Мы смотрим во все глаза, в свои бинокли...

Вот, второй медведь, наверно выдохся. Он замирает по ходу движения...

Движущийся следом за ним, первый медведь обходит его справа, не приближаясь ближе семи – десяти метров. Вот, он тоже замер, метрах в семи прямо над нижним медведем...

Верхний медведь двинулся прямо вниз, на сближение... Вскинувшись, он прыгает на нижнего! В свою очередь, нижний вскидывается на дыбы, навстречу атакующему! Сшиблись! Инерции прыгающего сверху медведя оказалось более, чем достаточно для того, чтобы опрокинуть противника. Не зря, оказывается, они так стерегли преимущество по высоте! Но и нижний медведь – не промах!

Чёрный ком в одно мгновение сцепившихся медведей крутнулся вертикально вниз, по крутому склону! И вылетел на стенку ольховника. С лёгкостью проломив эти заросли, он проскочил склон барранкоса вертикально вниз и вылетел на днище этого, практически вертикального ущелья!

Вздымая клубы снежной пыли, ком медведей мчится вертикально вниз! Боясь шлохнуться, мы с Игорем, во все глаза пялимся на это действие...

Ниже – нависает лавиной мощный надув снега. А ещё дальше, вниз – крутой поворот барранкоса! С разгона не вписавшись в поворот, чёрный ком медведей, как мячик, врезается в склон барранкоса и разваливается надвое!

Одна половинка кома немедленно движется прочь. По горизонтали, справа – налево, медведь пересекает барранкос. Он выходит на широкое пространство между барранкосами и ложится посреди снежной поляны, в рощице чахлах берёзок. Зверь просто ложится на живот, как шёл.

Вторая часть медвежьего кома так и остаётся неподвижно лежать, на днище барранкоса. Текут минута за минутой...

– Убил, что-ли? – спрашивает Игорь.

– Не знаю, – отзываюсь я, – Лежит. Не двигается...

– Вот, это, да-а!

– Ну. Только медвежьей драки, мы с тобой ещё не видали...

Минут через пятнадцать, подал признаки жизни медведь, оставшийся на днище барранкоса! Он поднялся на ноги и двинулся... по следу ушедшего противника!!! Чёрный жук движется через барранкос по строчке следа, справа – налево. Затаив дыхание, мы смотрим на то, как медленно, но неумолимо сокращается расстояние между медведями...

При появлении преследователя в поле зрения, медведь, лежащий на поляне среди берёзок, сразу поднимается и шагает прочь, всё-также поперёк склона. Через десяток метров начинаются сплошные заросли кедрового стланика. Они покрывают всё обширное пространство между барранкосами. Не сворачивая, медведь, словно трактор, “наезжает” на упругую стенку плотных зарослей. Получается медленно и неэффективно. Тогда медведь вскидывается на задние лапы и обрушивается на заросли, вперёд. Он прокладывает себе путь в зарослях – весом своего тела! Раз за разом вскидываясь на дыбы, медведь рывками продвигается вперёд. Он, во

что бы то ни стало, стремится удержать дистанцию, не позволить приблизиться идущему по его следу, противнику...

Напряжённо, мы следим за развитием событий. Только, здесь – не игра! Я болею, естественно, за первого медведя – он не хочет драки...

Через несколько минут, мы убеждаемся, что первому медведю удаётся сохранить дистанцию. Его преследователь, подойдя к стенке кедрового стланика, останавливается в раздумье...

Через пару минут он, не спеша, поворачивает обратно. Он проходит от стенки кедрового стланика обратно по следу, на лёжку первого медведя на полянке среди берёзок и ложится на неё. И замирает...

А первый медведь всё вскидывается на дыбы, в зарослях кедрового стланика!..

Он, без отдыха, преодолевает всю эту широченную полосу зарослей! И, видимо, окончательно выбившись из сил, сразу ложится, как только оказывается по другую сторону кедрового стланика, на краю соседнего барранкоса...

Опять текут минуты: три, пять, семь, десять...

Не зная, что предпринимает его противник, проломившийся через заросли кедрового стланика медведь поднимается, как только приходит в себя. Он медленно, шаг за шагом, движется прямо вверх по гребню барранкоса, вдоль стенки зарослей кедрового стланика. Медленно, но не останавливаясь передохнуть, он лезет всё выше и выше по склону...

Так ни разу и не остановившись на отдых, медведь поворачивает горизонтально вправо, через, с таким трудом преодоленную им далеко внизу, полосу кедрового стланика. Здесь, на высоте, эти заросли совсем немного выглядывают из-под снега. Медведь постепенно забирает вправо, наискосок вверх пересекает заросли и выходит к тому же барранкосу, по днищу которого они скатились чёрным комом, так недавно. Но, только, теперь – он находится значительно, значительно выше!

– Блин! – поражается Игорь, – Да сколько же дури, в них?! Едва живой валялся, проломив заросли кедрового стланика! А потом поднялся – и отмахал, не глядя, почти вертикально вверх по склону, добрых четыреста метров абсолютной высоты! И ещё кедровый стланик, обратно, перелез!

– Да, уж! – соглашаюсь я, не отрываясь от бинокля.

С теперешнего своего положения, первый медведь может просматривать под собой весь склон! Видимо поэтому, не опасаясь неожиданного появления противника, он позволяет себе, наконец, лечь...

Отлежавшись на лёжке первого медведя, второй медведь поднимается и шагает по горизонтальным следам обратно, на днище барранкоса. И ложится на месте, где распался их ком...

Опять текут минута за минутой...

Наконец, он поднимается и шагает вниз. Этот медведь сваливает вниз по гребню барранкоса, придерживаясь кромки зарослей кедрового стланика. Всё вниз и вниз...

Хорошо различимое на белом снегу, чёрное тело этого медведя часто замирает на месте, без движения...

– Опять лежит, – очередной раз комментирует Игорь.

– Ну! – киваю я в бинокль, – Ложится через каждые пятьдесят метров.

– Идёт прямо вниз – это легко! – предполагает брат, – Может, ранен сильно?

– Наверно! – соглашаюсь я, – Я думаю, что ранен.

Мы понимаем, что сил у этого медведя осталось – не так уж много. Каждый раз, медведь подолгу отлёживается, прежде, чем подняться на ноги...

Постепенно, медведь скатывается всё ниже по склону. Наконец, он достигает верхней границы леса и постепенно теряется среди колков первых ёлок. Здесь, в нижней части склона вулкана, бьют последние, косые лучи заходящего солнца, скоро наступят сумерки.

– Так! – подводит итог, Игорь, – С этим – всё!

Мы вздёргиваем свои бинокли к вершине вулкана и отыскиваем там чёрного жука. Это – продолжающий лежать на своём месте, первый медведь.

– Лежит.

– Угу. Он будет до темноты лежать. Видел, как тот, скатываясь вниз, валялся в забытьи через каждые пятьдесят шагов?

– Ну. Измотали друг друга. Пусть лежит.

Теперь, наше внимание привлекают росписи медвежьих следов, на склоне выше места драки. И только сейчас, глядя опытным глазом, мы понимаем, что они означают!

– Саш! – изумляется Игорь, – А, ведь, они начали драться ещё вон оттуда! Почти с самого верха! Посмотри на их виражи! Как они петли вили вокруг друг друга, стараясь оказаться выше по склону, в выгодной позиции для драки!

– Ага! – соглашаюсь я, – Смотри! Все петли и полукруги – парные! Это – они крутились вокруг друг друга.

– А ещё – помнишь? Когда мы их только увидели! Они, уже тогда – были без сил! Лежали сколько! А мы – понять не могли, почему они лежат.

– Ну! Думали – просто отдыхают.

Через пару минут, Игорь кивает в сторону вулкана: “Как ты думаешь, что это такое? Они сожрать друг друга хотели?”.

– Не знаю, – я недоумённо пожимаю плечами, – На игры, это – совсем не похоже. И гона в апреле, среди снегов – у медведей не бывает.

– Да-а! – задумчиво тянет брат, – Сплошная непонятность...

Брат спускается с крыши нашего дома, вниз.

– Саш! Пошли домой! – скоро зовёт он.

Последний раз взглянув на густо розовеющую под закатными лучами солнца снежную громаду вулкана, я не могу сдержать вздоха сожаления: “Да-а! Кино окончено!.. А, какое было кино!!!”.

Мы оба понимаем, что нам нужно сходить “туда”. Завтра же! Всё потрогать своими руками. Иначе – мы не сможем понять всё то, что видели в бинокли.

– Но, как же нам выйти на нужный барранкос? – озадачиваюсь я, – К подножьям вулкана выйдем – и скажем: “Ну и какой из барранкосов – наш?”.

– Ну! – озадачивается Игорь, – Попробуй его, найди! Среди многих, таких же!

– Значит, на наш барранкос нужно идти напрямую, отсюда!

– Хорошо бы! – соглашается Игорь, – Тогда – нужно направление взять! По компасу, прямо с нашего дома. Если будет наст – тогда вполне реально, прямо от дома, пройти лесами к подножиям.

– А если наста не будет – тогда, по Ночке, выйдем в её верховья. И там будем искать наш барранкос.

И мы, снова лезем по лестнице, на конёк нашей крыши, с компасом...

К походу на вулкан собираемся сразу же, вечером. Прикидываем, что можем позволить себе взять с собой. Мы оба были на этом вулкане, нам не нужно объяснять, что завтра у нас будет очень тяжёлый день. Только бы морозец ударил! Нам нужен наст! Чтoб по насту идти...

Но заморозки, двадцатого апреля, на Кунашире – не частые гости. Среди ночи, тихо, чтоб не будить брата, я крадучись спускаюсь с нар и свечу фонариком за оконное стекло – там висит термометр.

– Сколько, там? – интересуется с нар, из-под потолка, Игорь.

– Сейчас показывает три градуса мороза!

– Хорошо. Значит, утром будет наст!

– Да, – соглашаюсь я, – Без наста – вообще неизвестно, как туда можно пойти.

– Если, только, погода не перекрутит на оттепель...

Тятинский дом. Ещё только шестой час утра! Я прилипаю к стеклу нашего окна – столбик термометра показывает минус четыре градуса! В спальняй одежде, мы открываем дверь тамбура и осматриваемся по сторонам:

Заиндевели ветки ив, что растут по краю нашей огромной лужи. Чёрный рубероид крыши дома густо серебрится инеем. Безветренно. На совершенно чистом, безоблачном небе ещё мерцают звезды. Но с востока, край неба уже стал белым... Какая удача! Вне всяких сомнений, на вулкане – наст! Какая радость, для нас!

Мы нетерпеливо семеним на угол нашего дома – отсюда открывается вид на вулкан. Кругом разлита полная, абсолютная тишина дикой природы! Мы стоим и глядим на насквозь промороженную громаду вулкана. Лица у нас серьёзные и собранные – сегодня, там, мы будем “помирать”... Ну, что ж? Зато, как интересно нам будет, там!

Мы торопливо едим, поглядывая за наше большое окно и одновременно одеваясь в рабочую одежду. На пояс – тесак, подсумок с рабочими мелочами, секцию патронташа. На грудь пристегиваю фоторужьё. На плечо – ружьё. Вот и всё! Я готов к труду и обороне. Кроме личных ножа, ружья и патронташа, Игорь понесёт наш маленький рюкзачок.

Были сборы недолги... От Тятинского дома, мы шагаем к вулкану, напрямую. Значит, сначала пройдём через ольховники Банного ручья, а потом – сплошные массивы хвойного леса. Идти через Ночку – нельзя! Вильнув на неё, мы не сможем выйти на нужный нам барранкос. Ещё вечером, с конька крыши, мы взяли нужное направление, по компасу. Ведь, стоит войти в лес, как конус вулкана скроет стена пихтовых крон...

– Угу-у-хухху! Угу-у-хухху!

Впереди, в ольховнике Банного ручья, начинает ворковать дикий голубь.

– Голубь воркует! – улыбается Игорь.

– Ага! – радуюсь я, – Это первое воркование голубя в этом году! Сейчас, запишу...

– Угу-у-хухху! Угу-у-хухху!

Многократно повторяемое бормотание голубя, разносится далеко окрест. Мы останавливаем свои торопливые шаги. Я вынимаю свой рабочий дневничок и ручку.

– Сегодня двадцатое апреля. Хорошая информация для Календаря природы заповедника! – улыбается Игорь.

– Ага! – радуюсь я...

Под хвойным лесом лежит сплошной снег! Сегодня, это – наст. Лёгкий морозец щиплет за уши и кончики пальцев.

– Звик! Звик!

– Звик! Звик!

При каждом шаге, прочный ледяной панцирь наста громко и резко взвизгивает под нашими болотниками.

– Скоро выскочит солнце и начнёт топить наст! – на ходу, замечаю я, – Наше время уже пошло!

– Знаю, – кивает Игорь, – Поэтому и торопимся.

Мы плавно лавируем по языкам наста среди пихтарника, идём уверенно и быстро...

Проходим, под сплошным хвойником, едва угадываемый взгорок и долго, полого спускаемся в направлении пересекающей нам путь где-то далеко впереди, Ночки. Под сплошным хвойным лесом ориентиров нет. И местность – довольно ровная вокруг. Выправляя неизбежные отклонения от курса, я то и дело сверяюсь с компасом...

– Пока, всё складывается – как нельзя лучше! – радуюсь я, – И погода! И природа!

– Ну! – соглашается, тоже довольный Игорь, – Пока всё хорошо!

У нас прекрасное настроение...

На сырой, кочкастой полянке миниатюрной мари перед самой Ночкой, мы выскакиваем на след медвежьей семьи! Звери прошли здесь вчера, по мокрому, растопленному солнцем насту. И сейчас – глубокие отпечатки когтистых медвежьих лап отливают прочным и прозрачным льдом. Я вынимаю рулетку и приседаю над следами.

– Медведица – пятнадцать! По мокрому снегу.

– Ага, хорошая!.. Смотри, какой лёд! Прозрачный и толстый!

– Ага! Значит, они прошли здесь вчера, вечером.

– Ну, – соглашается Игорь.

– Медвежонок – тринадцать.

– Понятно, – кивает Игорь, – Пестун. Для годовичка – больно крупный след.

– Ну, – коротко соглашаюсь я.

То ненадолго расходясь, то опять сливаясь в один общий след, следы медвежьей семейки идут в нашем направлении. И мы, между делом, тропим их...

Всё! Медведица с медвежонком сваливают в сторону, и мы оставляем их в покое. У нас – свой курс...

Вокруг – всё тот же снежный пихтарник... Мы выходим на новый медвежий след! Этот – одиночка. Я приседаю над отпечатками медвежьих лап, с рулеткой...

– Четырнадцать сантиметров!

– И так видно, что взрослый, – кивает Игорь.

На насте чернеет медвежий помёт. Подойдя к нему, я вынимаю полиэтиленовый пакетик.

– Хм! Закостенел весь, за ночь!.. Вчерашний.

– Ну, – соглашается Игорь, – Вчерашний. Большей давности он быть не может – за день, солнце, этот чёрный блин в наст втопило бы! А он – на самой поверхности лежит.

– Ага, – киваю я, соглашаясь с доводами брата.

Я выламываю блин медвежьего помёта из наста и вкладываю его в пакетик. Мы забираем его с собой, в рюкзачке. Несколько десятков шагов – и вот она, Ночка! Сегодня, мы оставляем её по правую сторону.

– Привет, чёрная речка Ночка! – вполголоса, здороваюсь я с нею.

Вскоре, мы выходим на покрытые мощным снегом, обширные площади марей.

– Как хорошо! – радуемся мы, на ходу, – Наст всегда прочнее на открытых местах!

– Да и шагать по ровным участкам легче, чем вилять среди стволов пихтарника!

А, главное для нас, сегодня – это более быстрый путь. Ведь, день уже наступает и наше время тикает...

Оставляя голую сопку, что стоит в развилке Ночки и её правого притока, по правую руку, мы подходим к подножиям вулкана. Но и здесь, лавируя по прослойкам березнячков, мы бодро отмериваем ногами расстояние.

– Звик! Звик!

– Звик! Звик!

Крепкий, льдистый наст тонко повизгивает под нашими болотниками. Это бесконечное виляние между стволами деревьев напоминает мне слалом...

Начавший расти от Ночки, угол подъёма склона незаметно вырастает до вполне ощутимой величины...

Здесь, под лесом – масса следов соболей! Густой сеткой, они пересекают нам путь в самых разных направлениях.

– Ну и соболей здесь, под Тятей! – восхищается Игорь, – Как грязи! Я, на Сахалине, такого – и близко не встречал!

Но, вокруг натоптано не только соболями, но и лисицами, и даже – медведями. Последнее – уже по моей части. Вот, впереди, поперёк склона вулкана, по снегу вьётся верёвочка когтистых отпечатков лап медвежьей семьи. Я автоматически вынимаю свою рулетку...

– Какие свежие! – загорается Игорь, – Сегодняшние!

– Медведица – тринадцать, а медвежонок... одиннадцать! – меряю я, следы.

Пройдя совсем недавно, звери оставили красочные отпечатки своих лап на самой поверхности наста, по тонкой порошке свежего снежка.

– Саш, смотри! Это кухта! – показывает на белоснежную присыпку, Игорь, – Кухта – это снежок, осыпавшийся с крон хвойных деревьев, под ветром! Вторичный снегопадик!

– Я знаю, – улыбаюсь я, – Красиво... и необычно!

– Вот бы, потропить их! – загорается брат.

– Нет! – категорично отбиваю я, эту идею, – Сегодня, у нас – очень долгий путь наверх. Нам бы – своё выдюжить...

– Вот, так всегда! – балагурит Игорь, – Когда шагаешь по другому, важному делу – появляются такие вот, прекрасные возможности! А когда выходишь, специально для тропления – тогда, ни одного путёвого следа не встретишь!

– Это точно! – улыбаюсь я.

Так мы и шагаем, по просторам сплошных хвойников, раз за разом переступая через снежные отпечатки когтистых, медвежьих следов. Все они тянутся в поперечном нашему курсу направлении, по подножьям вулканического конуса...

Вот, впереди – очередной, поперечный нам, след медведя. Мы подходим ближе.

– Вот, это, да-а! – поражается Игорь.

– Ничего себе! – поражаюсь я, следом за ним.

Перед нами – просто выдающиеся по размерам, отпечатки когтистых лап! А главное – у этого медведя неправдоподобно большое расстояние между отпечатками левых и правых лап! Уж, сколько нами видано-перевидано медвежьих следов, но эти – изумляют даже нас!

– Вот, это, да-а! – Игорь опять поражается следам, готовясь перешагнуть дальше.

– Стой! – торможу я его, – Не переступай! Дай, я их сфотографирую! С тобой, для масштаба.

Игорь стоит на настe, между отпечатками медвежьих лап...

– Это ж, сколько между ними?! – никак не может он успокоиться, – Целый шаг! Как крокодил! Короткие лапы и широченное туловище! Монстр какой-то!

– Ты точно сказал! – улыбаюсь я и нажимаю на кнопку спуска, – Крокодил – он и есть крокодил.

Я приседаю над следом, с рулеткой в руках...

– Шестнадцать с половиной.

– Понятно.

Дальше – мы пересекаем следы только таких медведей! Вот, впереди, метров за двадцать перед собой, мы видим очередной переход медведя. Подходим ближе.

– Опять крокодил! – развожу я руками.

– Крокодил, он и в Африке крокодил! – улыбается Игорь.

Одной ногой, он стоит в когтистом отпечатке правой медвежьей лапищи, а другой – старается дотянуться до отпечатка левой лапы, – Метр, как минимум! Никогда такого не видел!

– Я – тоже! – соглашаюсь я.

Склон вулкана становится всё круче. Хвойники начинают редеть. Их сплошные массивы разрываются прогалами буреломов и березняков. Прямо по нашему курсу – вершина голой сопки. Она белая и снежная.

– Вершина! Это хорошо!

– Ну! – киваю я, – Нужно на неё вылезти!

– С неё – мы увидим наш барранкос! – просчитывает Игорь.

Мы лезем всё выше...

Последние двадцать метров перед вершиной. У нас под ногами, из наста, повсюду торчат сучкастые сухостоины и обломки мёртвых стволов и сучьев.

– Хм! – хмыкаю я, – По бурелому идём! Хорошее дело – наст!

– Ну, – кивает брат, – В другое время, без наста, здесь – труба!

Мы выходим на вершину сопки. И садимся на толстый и гладкий ствол одной из выбеленных ветрами и дождями, сухостоин.

– Фууу!

– Перекур!

Вытирая, как обычно, рукавом разгорячённое лицо, я разворачиваюсь назад и долго осматриваю открывающиеся вниз, к побережью, просторы. Под нашими ногами – тёмное море хвойного леса...

Я разворачиваюсь по ходу нашего движения – к вулкану. Перед нами – круто уходящий ввысь, снежный склон вулкана и барранкос, к которому мы сегодня стремимся.

– Наш барранкос! – радуюсь я, – Это точно он!

– Ну! – удовлетворённо кивает Игорь, – Нормально вышли!

– Ага! Не ошиблись.

– Я всё боялся, что придётся тратить время на переползание из чужого распадка в наш!

Минут через пять, мы поднимаемся со своего бревна.

– Всё! Подъём. Солнце уже припекает. Сколько, там, времени?

– Уже одиннадцатый час пошёл!

Над подножьями вулкана, в сторону долины Тягиной, мощно взмахивая огромными крыльями, идёт пара орланов. Мы припадаем к биноклям... В поле бинокля контрастно выделяются большие, оранжевые клювы птиц.

– Смотри-ка! – удивляюсь я, – Белоплечие орланы!

– Ну! – тоже удивляется Игорь, – Молодые шляются...

Молодёжь, у белоплечих орланов – вся в пестринах. По бурому фону оперения беспорядочно разбросаны белые пятнышки. Взрослые, матёрые птицы окрашены очень ярко, контрастно. Оранжевые клюв и лапы, снежно-белые хвост, плечи и штаны! На общем, чисто-чёрном фоне. Как попугаи! Поздней осенью, через Кунашир проходит волна откочёвывающих с Камчатки вдоль цепи Курильских островов, под натиском зимы, белоплечих орланов. В ноябре – декабре, масса этих огромных птиц становится настоящим украшением острова. Весной же – массового пролёта этих орланов не бывает.

Мы спускаемся с вершины сопки в сторону вулкана и начинаем подниматься по гребешку барранкоса, вверх...

Вдруг, в узкий просвет между кронами далёких пихт, на белизне противоположного, снежного склона барранкоса, что левее, выше и впереди нас, я вижу спускающегося нам навстречу большого, чёрного медведя!

– Игорь, медведь! – тихо говорю я.

– Где?

– Вон там! К нам идёт!

Игорь вертит головой – но в просвете между пихтами уже никого нет. Чтобы выйти на нас, зверю нужно пересечь глубокий овраг барранкоса. Стараясь подловить медведя на открытом участке, мы торопливо семенем ему навстречу, вверх по своему гребню...

Но, не успеваем!!! И причём, намного! Метров с пятидесяти, мы видим медведя. Он уже вышел на наш гребень! Осторожно шагая по насту, зверь медленно пересекает наш пологий гребень слева – направо, двигаясь своим курсом. Наст прекрасно держит его вес и большой, матёрый зверь, без проблем шагает среди торчащих саблями из-под наста, кривых стволиков клёна...

А, мы – застигнуты врасплох! На голом, снежном бугре, посреди гребня. Спрятаться – нигде! Зыркнув вправо – влево, я тащу брата в неожиданно подвернувшуюся в пяти шагах сзади нас, снежную яму. Хоть, она и мелкая, но это – единственное укрытие...

Мы лежим – как солдаты в воронке. Отстегнув сбрую ремешков своего фоторужья с груди, я прикладываюсь к видоискателю фотоаппарата.

– Стук-щёлк! Стук-щёлк! – нажимаю я, кнопку спуска.

Я – умный! Я подкладываю большой палец левой руки под железную бобышку кольца диафрагмы. Поэтому, фоторужьё не грохает железным “выстрелом”. Кольцо, всего лишь, больно бьёт по моему пальцу. И следом – тихо щёлкает затвор фотоаппарата. Чёрная туша медведя, так контрастно, выделяется на белизне снежного склона! Замерев, зверь слушает природу...

Правым боком к нам, напряжённо приподняв морду кверху, он застекленел. Одним глазом, в объектив, я смотрю, как медведь вдумчиво, длинно тянет носом воздух...

– Нью-ха-ет! – одними губами, шепчет мне Игорь, едва приподняв голову над снежным краем ямки.

Я молча прикладываю палец к губам. Мы затаиваемся...

Жалко терять такого зверя! Хотелось бы подкрасться поближе – кадры с пятидесяти метров мне уже не интересны. Но – кругом всё открыто! Нам ничего не остаётся, как тихо сидеть в этой снежной воронке.

– Может, сам на нас выйдет? – думаю я, – Ведь, мы лежим, примерно на его курсе.

Я приподнимаю над снежным краем ямы один глаз.

– Если он будет идти на нас, – прикидываю я, – То, непременно увидит! Когда дойдёт до той снежной кочки, что метрах в двадцати перед нами.

И я, заранее устанавливаю резкость фотообъектива на этот бугорок. И замираю. Мы ждём...

Однако, медведь ждёт тоже!!! Не сходя с места и даже не поворачивая головы, он напряжённо, медленно опускается животом на наст. И замирает.

– Что-то чувствует! – шепчет Игорь.

Я медленно киваю головой, не сводя глаз с чернеющей, сквозь переплетение кленовых веточек, туши на белом снегу. Течёт минута, другая...

Напряжённо и медленно, зверь поднимается со снега на ноги и переступив лапами на месте, разворачивается прямо на нас! Шаг за шагом, осторожно ставя лапы на наст так, словно это тонкий лёд, он вышагивает среди кривых стволиков клёна. В нашу сторону...

Я медленно, сантиметр за сантиметром, приседаю на дно нашей ямки. Ещё раз проверяю готовность своего объектива. Рядом со мной, следя за медведем одним глазом, с ружьём в руке, всё ниже пригибается Игорь...

Я навожу объектив фоторужья на “пристрелянный” бугорок и замираю. Я знаю, что увижу “объект” только тогда, когда он ступит на этот бугорок. Я знаю, что у меня будет только один “выстрел”...

– Ху-xxx!!! – вдруг, громко ухает, невидимый мне за снежным краем ямы, медведь!

Мы раскрыты! Вздёрнув голову над бруствером, я вижу, как непомерно толстый, прямо-таки квадратный медведь, тяжёлыми прыжками уходит от нас прямо вверх по склону вулкана. Не сбиваясь на шаг, равномерными, мощными прыжками, он мчится по склону вулкана всё выше, и выше, и выше...

По мере превращения медведя в далёкого, чёрного жука в вышине склона, моя голова всё больше запрокидывается к небу.

– Сколько же в нём сил?! – наконец, “рухаю” я.

Мы стоим возле своей снежной ямки и с удивлением взираем на то, как медведь, всё-также на прыжках, превращается в чёрную точку, в снежной вышине...

– А дури в нём! – удивлённо говорит Игорь, – Просто взял – и бегом забежал на вулкан!!!
За три минуты!!!

– Ну! – не верю я, своим глазам, – Мы, чтобы подняться туда, будем сейчас полдня помирать!

Всё! Медведь скрылся!

Мы возвращаемся к осмыслению “более близких” проблем.

– Вычислил! Гад, – говорит Игорь.

– Ну!., – киваю я, – Только, как?

– Чёрт его знает.

– Ладно... Пошли, посмотрим.

Мы шагаем, по насту, вперёд...

Вот они, отпечатки когтистых, медвежьих лап на насте! Оказывается, медведь пошёл к нам не напрямую, по заросшему клёном, широкому взгорку, а круто завалил вправо, к пихтарнику и словно бы обходя куртину клёна, выкрутил к нам уже оттуда.

– Какого чёрта он пошёл обходить эти кусты? – недоумевает Игорь, – Стволики клёна так редко стоят! Они, ему – не препятствие!

– Ну! – соглашаюсь я, – Схитрил! Это – он, наш запах ловил.

– Ага! – соглашается со мной Игорь, – И подхватил!

Отпечаток за отпечатком, мы проходим всю цепочку медвежьего следа. Нам интересно понять – как ему удалось нас вычислить?

– Получается, он услышал нас... изначально! И поэтому, остановился.

– Почему “услышал”? – пожимает Игорь, плечом, – Может, запах наш подхватил?

– Нет! – отрицательно качаю я, головой, – Хватанув наш запах, он сразу сорвался бы! А тут – он что-то услышал! Но, услышал неясно, на пределе! И замер...

– Получается, он шёл на нас вовсе не случайно! Он искал источник звука.

– Ну.

Вот! Мы стоим на месте, где он нас подхватил.

– Блин! – в сердцах, ругаюсь я, внимательно разглядывая отпечатки лап.

Здесь, медведь, рывком бросил своё тело в обратную сторону! Ледяные крошки наста брызнули, рассыпались из-под его когтей в нашу сторону. Как белый горох, они лежат, раскатившись по поверхности наста...

Мы разворачиваемся и шагаем по следам медвежьего бегства...

Здесь – тоже есть пища для ума!

– Смотри! – тычу я, пальцем в наст, – Только первые три прыжка – заполошные! И всё! Дальше он пошёл осмысленно. Никакого бега “выпучив глаза”!

– Ну... Ладно. Красиво ушёл, – говорит Игорь.

– Интересно, откуда он пришёл? – озадачиваюсь я, – Может, его ночная лёжка совсем недалеко отсюда? Вот, было бы классно!

– Ну, пошли, посмотрим, – соглашается брат.

И мы решаем протропить медведя “в пяту”. На этой высоте толща плотного, спрессованного снега накрыта слоем свежего, более белого снежка. Лучших условий для тропления – трудно и придумать!

Мы находимся в самых низовьях нашего барранкоса. По плотному снегу, мы переходим через засыпанный снегом распадок барранкоса и поднимаемся на снежную плешину голого лба его противоположного склона. Именно здесь, полчаса назад, я увидел спускающегося нам навстречу, зверя.

– Вон его след! – видит Игорь, – Тут он спускался нам навстречу!

– Ага!

Через минуту мы стоим над медвежьими следами. Но... мягкие, сегодняшние отпечатки лап нашего медведя покрывают уже заострившийся за ночь, вчерашний медвежий след! Я вынимаю рулетку...

– Размеры обоих следов – одинаковые!.. Получается – это его? Вчерашний след?

– Да, – кивает Игорь, – Получается, что так.

Вчерашний след медведя спускается сюда по склону – прямо сверху, вдоль вертикальной кромки зарослей кедрового стланика. Это след одного из наших вчерашних бойцов. Это – то, что нам и надо! Это цель нашего похода. Мы бросаем свежий след и переходим на более интересный для нас, вчерашний. Теперь – мы тропим в пяту след вчерашнего бойца. По этому следу, только что, спустился и сегодняшний медведь.

– Получается, что сегодняшний медведь – это и есть тот медведь, который вчера валил вниз по барранкосу! – оформляю я вывод, прищурившись на след.

– Да! – соглашается Игорь, шагая рядом, – Посмотри, как он срезает углы вчерашнего следа! Угол не виден отсюда, а он, его – срезает! Тут, может быть только одно – он, просто знает, где спускался вчера.

– Ага! – киваю я, – Я тоже заметил – он, уже несколько раз срезал угол вчерашнего следа.

Мы шагаем по медвежьему следу, вверх. Склон вулкана быстро набирает крутизну. Ступая в промёрзшие за ночь, следы медведя, словно по ступенькам бесконечной ледяной лестницы, мы плетёмся всё выше и выше...

Время от времени, с трудом переводя дыхание, мы перекуриваем, опёршись на стволы проходящих до этих высот снизу, одиночных берёзок. А то – отдыхаем, присев на корточки, на местах частых, вчерашних лёжек зверя...

Действительно, вчера, спускаясь вниз, он отлёживался слишком часто! Напрочь заледевшие лёжки... Это – даже, не лёжки, в нормальном смысле этого слова. Уж, в медвежьих лёжках, мы – большие специалисты! Здесь – зверь, по ходу движения, просто опускался животом на снег и так лежал, на животе, вытянувшись по снегу всем телом. Каждый раз в снегу оставалась глубокая, продолговатая вмятина от медвежьего туловища. В передней и задней частях этой вмятины – узкие, парные вмятины от вытянутых “рук и ног”...

– Долго лежал! – тяжело дыша, кивает Игорь на очередную лёжку, под ногами, – Протаяла как! Лёд, голый лёд!

– Ну! – киваю я, согнувшись пополам, – Живот охлаждал... Может, противник поранил ему живот когтями? Но, крови – не видно! Ни на одной из лёжек.

– Ну! – соглашается Игорь, – Ни капелек крови, ни клочков шерсти.

Метров через триста, по вертикали, на наш, вчерашний медвежий след справа выходит свежий след, ушедшего от нас сегодня вверх по склону, медведя! Для подъёма наверх, он тоже выбирает вчерашний медвежий след. Невидимый нам, где-то в высоте, он шагает по следу перед нами.

– Это – точно его вчерашний след! – тяжело дыша, поворачивает ко мне мокрое лицо Игорь, – И вышел он на него – совсем не случайно! Просто, он элементарно знает, где он спускался вчера! Иначе – не объяснить! Смотри, какой крюк вчерашнего следа срезал!

– Ну!.. Не одни мы – такие умные! – отзываюсь я, шаг за шагом ставя ноги в следы ледяной медвежьей лестницы.

Опять, опустив лица вниз, мы плетёмся вверх по склону. Бесконечный, крутой подъём пожирает наши силы...

Склон становится всё круче и круче. Чахлые берёзки уже давно остались внизу. А мы – всё-также, шагаем по ледяным ступенькам вчерашнего медвежьего следа. Часто стоим. Короткими рывками продвигаемся всё выше...

Вот! Свежий след нашего попутчика, под прямым углом, сворачивает вправо с лестницы вчерашнего следа. Мы отрываем взгляды со следов под ногами:

По горизонтали, сегодняшней медвежий след пересекает снежное ущелье нашего барранкоса. Он прослеживается до щётки зарослей кедрового стланика на противоположном гребне.

– Смотри! – хмыкает Игорь, – А лезть выше, в гости к своему вчерашнему другу, он – не захотел! Свалил поперёк склона!

– Ну! – соглашаюсь я, – Они, ещё вчера, выяснили отношения. Сегодня, по-моему, уже ни этот, ни тот не захотели бы всё начинать сначала.

С трудом переводя дух, я рукавом вытираю разгорячённое лицо...

Наконец, мы достигаем уровня вчерашней медвежьей драки. Только, мы сейчас стоим на гребне барранкоса, а основные “медвежьи” события разворачивались на днище этого вертикального ущелья. Чтобы не потерять высоту, мы решаем подняться вдоль гребня ещё выше, до точки начала драки. Благо, мы находимся как раз с нужной стороны барранкоса.

Этот, последний отрезок склона, мы преодолеваем по целине. Плотный, утрамбованный ветрами, снег уже “поплыл” под жаркими, солнечными лучами. Для нас, это – хорошо. Что бы мы делали на этом крутом и голом склоне?! Если бы здесь, сейчас, была бы корка наста! Короткими ударами вбивая жёсткие носки своих литых болотников в сочную твердь плотного снега, мы лезем, шаг за шагом, вверх.

– Хм! – хмыкаю я, – Круто как! Я стою вертикально, а коленками упираюсь в склон!

– Круто... – соглашается в шаге сзади, Игорь.

Мы шагаем друг за другом – второму идти, по уже сделанной лестнице следов, несравненно легче...

Уже совсем не держат, подгибаются ноги. Хоть отдохай, хоть не отдохай. Через первые же пять шагов, я готов упасть на колени...

– Один... два... три... четыре... пять...

Вся жизнь свелась к счёту шагов... В полном изнеможении, мы преодолеваем последние, самые крутые, тридцать метров.

– Всё!

– Пришли...

Хватая воздух открытыми ртами, мы понуро стоим на устрашающе крутом, почти вертикальном, снежном склоне. Как лезли вверх – так и остановились. Стоим вертикально, а руками опираемся на склон. Глаза больно режет белизна сверкающего под солнцем, снега...

Немного придя в себя, мы начинаем осматриваться по сторонам.

– О! Саш! Медведь! – показывает Игорь рукой, прямо вверх.

Метрах в ста прямо над нами, по склону спокойно бродит медведь! Задрав лица вверх, к бездонной синеве безоблачного неба, мы удивлённо пялимся на зверя.

– А, он – на участке, где остался лежать вчера верхний медведь! – прикидываю я.

– Ну, – соглашается брат, – Значит, это он?

– Получается, что так!

Опустив голову, зверь медленно бродит, изредка переступая лапами, среди коротко выглядывающих из снежного склона вершинок кедрового стланика.

– Пасётся, что-ли? – предполагает Игорь, рассматривая медведя в бинокль.

– Не знаю, – пожимаю я плечами, всё ещё запалённо дыша, – Больше – подумать не на что... Пишут, что в Якутии, весной, когда снег стаивает, медведи подбирают опавшие осенью на землю, шишки кедрового стланика. Такая шишка называется “паданка”... Может и у нас – так?

– Сейчас, стланик ещё только начал вытаивать. До земли – минимум, метра полтора снега! – возражает Игорь, – Какая земля с шишкой – паданкой?!

Под жаркими лучами весеннего солнца, медведь над нами, снова переступает с ноги на ногу...

– Ага!.. А, тот – вскинулся ему навстречу! Вот! Видишь?

– Ну!.. Всё – как мы в бинокли смотрели!

Но, падая навзничь, сбитый верхним зверем нижний медведь – каким-то чудом, вывернулся!

– Вот, это, сюрприз! – читает мои мысли, Игорь, – Смотри! Нижний – вывернулся!! Они упали рядом!

Мы внимательно рассматриваем две глубокие, длинные вмятины в снегу, от медвежьих тел, в полутора метрах ниже по крутому, снежному склону...

– Хм! – хмыкает Игорь, – Полтора метра свободного полёта!

– Ага! – соглашаюсь я, – Или падения.

Дальше, прямо вниз – белеет свежая древесина переломанных веток ольховника. Мы проходим узкую полосу переломанного кустарника и с опаской смотрим на уходящую прямо вниз по склону борозду, оставленную катившимся клубком схватившихся зверей...

Из-под моих ног, вниз уходит пугающе крутой и бесконечный, снежный склон! Я стою – как на краю скалы, лицом в воздушный океан. Неверный шаг – и сорвусь! Как спускаться вниз – я просто не знаю...

Я делаю над собой волевое усилие, прогоняя нахлынувший страх. Стараясь поглубже вбивать каблуки болотников в снег и при каждом шаге реально опасаясь сорваться в бездну, мы спускаемся вдоль борозды в снегу, почти вертикально вниз...

– Фу!

По почти отвесному, снежному склону, мы, наконец спустились на днище барранкоса! Дальше вниз – вертикальное, снежное ущелье!..

Здесь нас ждёт ещё один сюрприз!

– Смотри! – Игорь удивлённо тычет в медвежьи следы, пальцем, – Дальше – они не катились клубком! Они неслись вниз, стоя на задних лапах!

– Ну! – изумляюсь я, всматриваясь в снежные борозды от медвежьих лап, – Точно!.. И при этом – они мутузили друг друга передними лапами! Вот, смотри! Клок шерсти!

– Ага! – Игорь поднимает со снега другой клочок чёрных, медвежьих волосин...

А, как крут барранкос! Вцепляясь в снег руками, как по скале, мы крадёмся вниз.

– Не дай бог, на колено упасть! – говорю я, – Болотники-то у нас – раскатаны! Резина!

– Ну! – опасливо соглашается Игорь, – Заскользишь, на резине, вниз – не затормозишь!

– Убьёшься! – я с ним, полностью согласен, – Где-нибудь, далеко внизу.

Перед моими глазами, на слепающем снегу – глубокие борозды от задних лап, несущихся вниз, медведей...

– Вот! Смотри! Только, на задних ехали!

– Ага... Вот! Тут – один сбил другого!

Мы рассматриваем длинную вмятину, в плотном снегу. Нам обоим понятно, что здесь упало медвежье тело. Рядом – другая, такая же вмятина! Эта – от тела его врага...

– Вот! Упали опять!

Борозды от задних лап прерываются! И, метра через полтора не тронутого снега вниз – две глубокие, продолговатые вмятины, от медвежьих тел.

– Хм! – хмыкает Игорь, – Как корыта в снегу!

– Ну... Как они вообще умудрялись, тут, на ногах держаться?! – изумляюсь я.

– Не знаю, – качает головой Игорь, держась руками, за снег, – Мы, тут, руками за снег уцепились. А они – на задних ногах неслись! И дрались ещё, при этом!

Рядом с бороздами от медвежьих лап, мы спускаемся по крутому, снежному наносу, к резкому повороту ущелья.

– Вот! – тычу я, пальцем, – Место, где медвежий ком разбился!

– Ну! Вмятина медвежьей лёжки!

– Смотри, как она сильно протаяла!

– Ага! Обледенела вся...

Здесь, оставшийся на днище барранкоса медведь, долго лежал, не сходя с места.

– Смотри! – показывает Игорь пальцем, на изгрызенный ольховник там, где была морда зверя, – Он ветки грыз!

– Ага! – киваю я, – Это нормально...

– Хм! Смотри, сколько нагрыз!..

– В состоянии крайнего возбуждения, он так и должен делать! – я опять утвердительно киваю головой, – Он и должен – так вот, лежать и произвольно грызть, какую-нибудь деревяшку.

– Зачем? – удивляется Игорь.

– Я читал статьи по поведению крупных хищников... Понимаешь? У него – адреналин в крови кипит! Ярость боя... У него – потребность что-то рвать! Ногами, руками! И грызть – это способ выплеснуть бушующую мышечную энергию... Так, крупные хищники бессознательно успокаивают нервы после опасной охоты на лосей, секачей, после драк между собой.

– Ясно, – Игорь трогает измочаленные ветки ольховника, – Теперь ясно.

– Свежая! – я тоже трогаю желтеющие свежей древесиной, ветки ольховника, – Ах, пахнет как! Ольхой. Весна...

– А, крови – нигде нет! – возвращает мои мысли к драке, Игорь, – Ни капельки!

– Ну! – удивлённо соглашаюсь я, – Я – тоже, не нашёл.

Всю ночь, воображение рисовало мне алые брызги крови на снегу, пропитанные кровью, медвежьи лёжки! А, на самом деле – ничего этого и в помине нет! На всём протяжении медвежьей драки, мы отыскивали только несколько клочков длинных, волнистых волосин. И – ни единой капельки крови!

– Ладно! Здесь всё осмотрели. Давай, дальше, по следу пройдем? – предлагаю я.

– Давай, – кивает брат.

Отсюда, с лёжки на днище барранкоса, дорожка медвежьих следов уходит горизонтально вправо.

– След – натоптанный! – тычет пальцем в снежные медвежьи следы, Игорь.

– Конечно! – хмыкаю я, – Здесь – сначала ушёл первый медведь. Потом, по его следу, туда же – прошёл второй медведь. А, потом – второй, вернулся обратно. Так что, здесь – два следа вперёд и один назад.

– Ну, – соглашается брат, – И все шагали – след в след! И перед нами – один след! Медведи – они и есть медведи!

Мы шагаем по горизонтальной дорожке медвежьих следов, на правый гребень барранкоса...

Вот! Лёжка на лбе среди ольховника. Протаявшая... Но... и на ней ничего нет! Ни клочков шерсти, ни капелек крови...

Мы проходим десяток метров по следу медведя до стенки кедрового стланика. И останавливаемся.

– Вот и всё! Место драки осмотрели! – заключаю я.

– Ну! – кивает Игорь, – Теперь – чуть передохнуть и вниз валить.

– Ну! – соглашаюсь я, – Время не терпит!

Кругом, из-под наста, вертикально вверх, торчат верхушки кедрового стланика, сантиметров по двадцать. Сделав пару шагов среди них, Игорь наклоняется.

– Саш! – зовёт он, – Шишка! Целая!

Он вытаскивает из поднятой шишки пару орешков, себе и протягивает шишку мне: “На! Попробуй!”. Я бросаю в рот один орешек – он полноценный, съедобный и даже, очень вкусный.

– Нуу! – расплываюсь я, в блаженной улыбке, – Кто ещё спросит: “Что медведь ест там, над нами!”.

– Хм! – хмыкает Игорь, – Конечно, орешки кедрового стланика!

Мы улыбаемся и хрустим скорлупой орешков. Отдыхаем, стоя на снежном склоне...

– Ну, что? Надо вниз сваливать? – напоминает Игорь.

– Конечно! – киваю я, – Солнце внизу наст, наверняка, уже растопило! Замучаемся выбирать.

И мы направляемся прямо вниз по склону, чуть отступя от кромки снежного надува, создавшего длинную лавину по гребню барранкоса. Мы шагаем вдоль стенки зарослей кедрового стланика, всё вниз и вниз. Скатываться на днище ущелья нам показалось опасно – уж, больно там, круто.

Всё вниз и вниз...

У верхней границы леса, склон вулкана резко переламывается, становясь более пологим. Справа и слева, по гребням уже пошли первые колки хвойников и высокое криволесье ольхи и клёна. Здесь, мы просчитываем, что дальше вниз – нам всё-же удобнее сваливать по забитому снегом днищу распадка. И мы, наконец, сбегает на днище барранкоса, по крутому снежному склону...

Мы шагаем по днищу... Вскоре, мы видим, что с нашего же склона, на днище распадка спускается медвежий след! Шагов через пятнадцать, мы подходим к нему.

– Смотри! Медведь спустился!

– Ага!

Цепочка снежных, когтистых отпечатков делает резкий поворот на днище и уходит перед нами, по распадку, вниз.

– Хм! – красноречиво хмыкает на это, Игорь, – Мы не одни – такие умные!

– Ну! – киваю я, – Медведь тоже просчитал, что вниз легче сваливать по забитому снегом, днищу! Здесь наст крепкий.

– Вчерашний!

– Ага, – киваю я, – Подмёрз.

Мы пристраиваемся следом за медведем, по его следам. По твёрдым следам шагать несравненно легче...

– Тоже, крокодил! – бурчит Игорь, стараясь ставить свои ноги в отпечатки медвежьих лап, – Так расставлять ноги! Ну, шире некуда!

– Может, они так раскорячиваются, чтобы не проваливаться глубоко? – предполагаю я.

– А что, тогда, в других местах они так не делают? – резонно возражает Игорь, – Мы всю весну тропим медведей по насту и нигде такого не встречали... Откуда они берутся здесь, на вулкане? Такие широкие?!

Я шагаю сзади Игоря и только молча пожимаю плечами, в ответ. Я-то, откуда всё знаю?

На часах идёт четвёртый час дня. Наст, конечно, исчез. Теперь, вместо него – набрякший влагой, плотный снег. Я начинаю проваливаться...

Днище нашего заснеженного распадка обрывается небольшим водопадиком. Мы тормозим на этом снежном трамплине. Сейчас и ручей, и водопадик – всё под толстым слоем снега! Внизу, прямо под водопадиком, из-под снега, вытаял пятак травяного склона. Прошедший перед нами вчера, медведь, содрал рулоном дернину на этой проталинке. Мы смотрим на вывернутое из земли наружу узловатое корневище, которое лежит на по-весеннему сочной, бурой почве. Как два бурых мосла, в руку толщиной.

– Хм! – киваю я с водопадика, себе под ноги, – Аралия сердцевидная! Красная книга!

Аралия – это ближайший родственник элеутерококка и женьшеня. Все они являются сырьём для настоек, повышающих тонус человеческого организма. Игорь коротко спрыгивает со снежного порога водопадика вниз, на проталину и трогает чёрным носком болотника кор-

невище: “Выкопал, а жрать не стал... Что делать будем? Может, с собой возьмём? В чай будем заваривать!”. Я приседаю на корточки на краю снежного трамплина, над ним: “А что? Давай!.. Не мы же его выкопали! Так что, наша совесть спокойна! Всё-равно, пропадёт! Без всякой пользы... Будем считать, что это – медвежий подарок”. Мы укладываем оба обломка корневища аралии в рюкзачок к Игорю и трогаемся по днищу барранкоса, дальше...

Постепенно, рельеф выполяживается. Сопутствующий нам смешанный, с берёзой, лес – сильно загустел. Справа и слева по гребням распадка пошли хвойники. Не видно – ничего! А нам хочется, не петляя по буреломам, выйти на Ночку в том месте, где заходили утром. Мы выбираемся из распадка, влево...

Понемногу, забираем всё левее и левее – так мы, рано или поздно, должны пересечь свой утренний, встречный след...

– Саш! Вот он! – радостно оборачивается ко мне, Игорь.

Я стою рядом с братом и удовлетворённо смотрю себе под ноги – на насте отпечатались наши утренние следы!

Следы от наших болотников. Мы устремляемся по ним, вниз...

Однако, не тут-то было! Утром, на льдистом насте, каблуки наших болотников оставляли только чёрточки! А теперь – солнечные лучи, первым делом съели именно эти шероховатости на поверхности наста. Часто проваливаясь и матерясь сквозь зубы, мы всё ниже и ниже уходим по хвойному лесу, с трудом находя и снова теряя свой след...

Мы понимаем, что по времени – мы уже должны выпадать на Ночку! А её – всё нет. Человека не переделаешь – в густом пихтарнике, я упорно карабкаюсь на вершину ёлки...

– Фу! Вершина, – крепко держась руками за тонкий ствол еловой вершинки, я деловито озираюсь по сторонам.

Отсюда, с вершины дерева, открывается хороший обзор окрестностей...

И я вижу голый угол знакомой мари, что лежит перед Ночкой! Эта пустошь, сейчас, находится перед нами, чуть правее.

– Отлично! – я торопливо спускаюсь по веткам вдоль ствола вниз, на землю.

– Всё хорошо! Наша мари – немного правее нас! Рядом!

Игорь втаптывает окурочку в мокрый снег и встаёт. Довольные тем, что наши сомнения разрешились, и что скоро придёт конец нашим шатаниям по этому глубокому, мокрому снегу, мы, под прямым углом сворачиваем вправо...

– Саш! След! – останавливается Игорь, – Крупный медведь!

Я тоже упираюсь взглядом в когтистые следы на снегу. Виляя между частыми стволами пихт, медвежий след уходит вперёд, в нашем направлении.

– Вчерашний.

– Ну! – кивает Игорь.

Продавленные в растопленном насте вчера под вечер, медвежьи следы, ночью схватились льдом. И теперь – эти ледяные следы вполне выдерживают наш вес. Мы – умные. Мы бодро шагаем след в след, по когтистым медвежьим следам...

– Что-то понатоптано там, впереди, под пихтой! – приседает Игорь, для лучшей видимости под кронами.

Озираясь по сторонам, мы настороженно подходим по следу, ближе...

– Он ствол ободрал! – с удивлением говорит, Игорь.

– Ух, ты! Точно! – неподдельно восторгаюсь я, – И дата мечения – точнее не придумаешь!

След – вчерашний! Значит – и ствол ободран вчера! Вот этим самым зверем!

Свежая рана на стволе пихты слезится каплями натекающей, прозрачной смолы. Белеет свежая древесина.

– Какая удача! – я восторженно ощупываю задиры, – Свежие! Так рано, весной! По снегу!.. Пусть теперь мне скажут, что сроки мечения деревьев у медведей совпадают с началом гона!

Я сую руку в карман, за рулеткой. А Игорю вручаю свой дневничок и авторучку: “На, держи”.

– Так, пиши. Пихта. Номер шестьдесят один. Диаметр четырнадцать сантиметров. Высота задира двести семнадцать сантиметров. Задир вчерашний. Второй задир... тоже двести семнадцать.

Рядом стоит второе дерево, с медвежьими метками. Оно функционирует уже не первый год. Ствол этой пихты изуродован старыми задирами. Наш медведь, об этот ствол – только почесался. На “пеньках” от сучков, застряли кисточки его чёрных, волнистых волосин.

– Так. Второе дерево.

– На нём – он запаховую метку оставил, – кивает Игорь.

– Ну, – соглашаюсь я, – Пиши... Пихта. Номер шестьдесят два. Диаметр ствола пятнадцать сантиметров. Максимальная высота пятна почёсов сто девяносто пять.

Мы шагаем дальше, по ледяным следам медведя...

Вскоре подходим к ещё одному, ободранному медведями дереву. Это – старый маркёр. Ствол несёт на себе раны старых задиrow. Об этот ствол наш медведь тоже сильно чесался. Я разматываю ленту своей рулетки.

– Так. Пиши! Пихта. Номер шестьдесят три. Диаметр тридцать. Максимальная высота старых задиrow – двести двадцать сантиметров.

Я прикладываюсь носом к пятну почёсов на коре: “Фу! Пахнет как!.. Горький, перечный запах!”. От засаленного пятна исходит резкий, терпкий запах медведя.

– Это – уже третье дерево, помеченное этим матёрым медведем за вчерашний день!

– Ага! А, сегодня – только двадцатое апреля! Это мечение подтверждает то, что мечение у подножия Саратовского борта – не было случайным!

– Ну, – соглашается со мной, Игорь, – Там он пометил – аж, пять стволов.

– Пиши. Свежие почёсы высотой двести пять.

– Всё. Записал.

– Угу. Пошли дальше.

Впереди, сквозь частый хвойник, начинает просвечивать какой-то прогал.

– Это просвечивают просторы мари, что лежит перед Ночкой! – радуюсь я...

Через полчаса, тяжело дыша, я стою на снежном надуве и смотрю вниз, себе под ноги. Перед нами спокойно журчит перекадиками, речка Ночка. По моей щеке движется капелька пота, я её чувствую – словно муха ползёт...

– Фу! – выдыхаю я.

– Уф! – выдыхает рядом, брат.

Речка искрит солнечными бликами мелких перекатиков. По свободной от снега полосе поймы разослан зелёный ковёр весенней травы...

– Всё! Теперь нас, под лес – палкой не загонишь!

– Теперь – только по свободной от снега пойме! И никуда в сторону!

– Ага. Хватит. По снегу натопились – достаточно...

Весенний день – он такой длинный! Отсидевшись часа полтора в Тятинском доме и наевшись за весь день сразу, я разворачиваю перед домом свою “полевую лабораторию” – ведь, утром мы прихватили с собой замёрзший помёт взрослого одиночки. Вот, его состав, я сейчас и определяю! Интересно узнать, чем питается этот медведь...

В помёте – не более пяти процентов объёма составляют кусочки лизихитона. До тридцати процентов – зелёные листья осоки... Маленькая кучка жёлтых рыбьих позвонков и зубов... Примерно двадцать процентов – гомогенат травы.

– Так мелко – переваривается крапива! – прикидываю я, – Но, в этом помёте, сорок пять процентов объёма составляют грубые кусочки какого-то растения! Это – не лизихитон и не белокопытник, не крапива, и не борщевик...

Я отбираю своим пинцетом несколько, наиболее сохранившихся кусочков и принимаюсь пристально рассматривать их...

– Это – основания ростков кого-то из высокотравья! – прикидываю я, – На сантиметр выше корневой шейки.

Наружная сторона кусочка покрыта черепицей широких, чёрных, глянцевых чешуй. Внутренняя сторона представлена грубой сеткой механических тканей побега, светло-зелёного цвета.

Я откладываю в сторону свой противень и поднимаюсь на ноги. Внимательно всматриваясь себе под ноги, я медленно бреду по зелени молодой поросли высокотравья, метрах в тридцати от дома...

Вот! Основания этих побегов – копия моих кусочков! Копия!!! Это... росток соссюреи Фори.

– Урра!!! – горланю я в небо, – Соссюрея! Уррра!!!

– Что орёшь? – выходит, из тамбура нашего дома, Игорь.

– Ха! Конечно ору! – я захлёбываюсь радостью, – Открытие! Такая загадка разрешилась! Я, целый прошлый год, голову ломал над одним парадоксом – медведи оставляют целые полянки скушенных и тут же брошенных, ростков соссюреи Фори. Я, ведь – въедливый! Я много раз приставлял скушенные побеги к оставшимся на уровне почвы, “пенькам” кусков!

– Ну и?

– Ничего, я, не заметил! И решил, что... не ест он её! Зачем-то скусывает... и бросает.

– Хм! Скусывает и бросает, скусывает и бросает... Целыми полянками?! – улыбаясь, смотрит на меня брат, – Ну, да ладно... А, сейчас что?

– Сейчас – я выяснил! Медведь откусывает от скушенной им части побега соссюреи самый плотный кусочек, всего сантиметр величиной!

– Как? – не понимает Игорь.

– Смотри! – кончиком своего тесака, я подрезаю побег соссюреи на уровне почвы и тут же срезаю от срезанной части, нижний сантиметр, – А, теперь, если приставить срезанную часть к пеньку – ты даже не заметишь, что не хватает сантиметрового отрезка! Видишь?

– Ага! – расплывается в улыбке, Игорь, – Теперь – всё понимаю!

– Вот! – я, как фокусник, развожу руки в стороны.

– Сашка! – смеётся надо мной, брат, – Ты счастлив так, словно кусок золота добыл!

– Теперь всё встало на свои места! Представляешь? Год спустя! Какая загадка!.. К тому же, теперь – у меня выявлен новый вид корма медведей!

Поздно вечером, я освобождаю стол от наших мисок и кружек. Пододвигаю, поближе, свечку. Передо мной лежит, мой рабочий дневник. Я задумчиво верчу в пальцах авторучку – мне осталось записать несколько итоговых мыслей:

Во-первых, весной, медведи кормятся на склонах вулкана шишкой-паданкой. Читая зимой, научные статьи о медведях Якутии, я никак не мог предположить, что и у нас, на изолированных в Тихом океане островах, проявится эта общность с материком.

Во-вторых, вчерашняя драка медведей должна пониматься, как проявление конкуренции за корм.

В-третьих, весной, после выхода из берлог, матёрые медведи поднимаются вверх, на участки кедрового стланика. А молодняк и медведицы с медвежатами скатываются вниз, на проталины, где питаются травой...

Всё. Все мысли записаны. Игорь спит на наших нарах, под потолком.

– Дааа, – думаю я, – После такого тяжёлого дня – будем спать, как убитые.

– Фууууу! – я длинно дую на свечку.

Комната Тятинского дома погружается в темноту. Я забираюсь на нары и тоже, с наслаждением вытягиваю по мягкому ватному матрасу своё, натруженное за день, тело...

Тятинский дом. После похода по вулкану, мы устраиваем разгрузочный день. Не в смысле поесть, а в смысле – не работать...

Лежать и ничего не делать...

Мы всё-равно не выдерживаем! Мы выходим в лес после полудня. Ограничиваемся прорубкой поперечной, многолетней медвежьей тропы, ведущей от долины Тятиной, мимо лесного озера, по просторам лопуховых площадей Банного ручья, на Ночку. Одним словом, у нас – рабочая экскурсия по лесу. Мне, по этим тропам – до зимы ходить, поэтому я и стараюсь расчистить свои маршруты...

Тятинский дом. Двадцать второе апреля. Утро встречает нас пасмурное и серое. Что-то среднее между густым туманом и слабым дождём. “Морозящий туман”, одним словом. Мы, весь день, проводим в домашних, бытовых заботах. После полудня к нашему дому подошёл караван из двух выючных лошадей. Андрей Архангельский привёз наши продукты с Филатовского кордона! Мы, этому – так рады! Несмотря на то, что все полиэтиленовые пакеты с рисом и гречкой порвались и крупы смешались между собой.

В сумерках, я стою на углу нашего Тятинского дома и слушаю летние песни дрозда.

– Цыррр-блю-бли-зр-р-р-р-р-р-р-р-р!

Куручка-ряба! Пёстрый дрозд... Это – первая песня дрозда, в этом году!

– Цыррр-блю-бли-зр-р-р-р-р-р-р-р-р!

– ...зр-р-р-р-р-р-р-р-р!

Ах, какая концовка песни! В абсолютной, звенящей тишине дикой природы рассыпается колокольцами, длинная трель... Каждый раз, я затаиваю дыхание и открыв от напряжения рот, прислушиваюсь к колокольцам... и к себе.

– ...зр-р-р-р-р-р-р-р-р!

Звонкие колокольцы, россыпью пробегают по нервам, и у меня перед глазами опять встаёт наш с Дыханом поход на легендарное озеро Вильямса. И наша ночёвка в верховьях Тятиной. И опять – я лежу у ночного костра! Опять предрассветные сумерки, спящий в своём брезентовом коконе Дыхан, малиновые головёшки догорающего костра...

– ...зр-р-р-р-р-р-р-р-р!

И эти громогласные колокольцы, раз за разом рассыпаемые птицей, прямо по моей голове...

– Поди ж, ты! – я встряхиваю головой и улыбаюсь своей синей птице, – Сколько всего, уж пережито! А, рассыпала колокольцы – и искры по нервам... Здравствуй!

Стемнело. Мы с Игорем забираемся на нары, под потолок. Всё. Отбой...

– Саш! – вскоре вздёргивается Игорь, – Светит кто-то!

Мы свешиваем с нар свои лица – чтобы глянуть в наше большое, фасадное окно. Точно! Кто-то шагает по пустырю, к нашему дому! Мы бодро спрыгиваем с нар и хватаемся за ружья. Осторожно приоткрываем дверь нашего тамбура – по тропинке к дому шагает мужчина. Свет фонарика мотается из стороны в сторону, едва освещая поворотики тропинки. В поводу, человек ведёт за собой осёдланного коня. По медвежьей, качающейся походке, мы узнаём Олевыхина, лесника Саратовского кордона.

– Привет, Саня! Привет, Игорь! – как ни в чём ни бывало, здоровается он с нами, улыбаясь своей блуждающей улыбкой.

– Серёга! Привет! – здороваемся мы.

– Привет!

– А мы думаем – что такое? Ночью! Привидение!

– Нет, это я, – улыбается Олевохин, – Решил, вот, у вас переночевать...

– Конечно!

– А что так?

– Медведица замучила. Представляете? Сейчас, вечером, иду за углём. Только до угла кордона дошёл – заскакала! У сарайчика с углём! Я, ведром об угол сруба подолбил – отскочила. Я – за карабином в дом! Вышел. Отстрелялся в небо, прямо с крыльца... Опять шагаю за углём, в одной руке ведро, в другой – карабин. Опять, сучка, скачет! Стелется ко мне, с бугра, что сразу за сарайчиком! Я снова отстрелялся. Три раза! Ушла. Вроде.

– Ну? – торопим мы.

– И что, дальше?

– Ничего!.. Устал я, – качает головой Олевохин, – Что мне, к сарайчику, так за углём и идти?! Плюнул на всё! Бросил это чёртово ведро, об угол дома. Даже в дом не зашёл. Карабин на плечо закинул, седло из сеней – на другое плечо, да и пошёл, на выход. На бамбуковом поле, мой конь пасётся. Оседлал, вскочил в седло – да к вам, на Тятинку.

– Вот и молодец! – одобряем мы, – Места всем хватит!

– Устал я, Саня, – улыбается Олевохин, – Хоть одну ночь, без войны с медведями, спокойно посплю...

Тятинский дом. Утро. Пришёл циклон! Ещё ночью. Шальной ветер трясёт наш дом, громко взвывает в оттяжках радиомачты. Дождь, сплошными водяными струями, сбегает по оконным стёклам. Термометр, за окном, показывает плюс восемь градусов. На море бьёт шторм! Сидя за столом, я смотрю через наше большое окно, как тугой ветер срывает барашки белой пены с гребней волн...

Я смотрю на струю дождевой воды, падающую с крыши дома, по чёрному жёлобу, в деревянную бочку, что стоит на углу тамбура, у входной двери. Бочка уже давным-давно полна. Весь верх бочки закрывает подушка белой пены! Большими, белыми клоками, её срывает ветер.

– Странно как-то! – удивляюсь я, – Дождевая вода пенится так, будто туда стирального порошка насыпали! Никогда, такого не было...

Мы штормуем. Всё пространство, перед нашим домом, заполняет обширный пустырь с пожухлым бурьяном. Я сижу на стуле за нашим столом и смотрю в окно – как шальной ветер, волнами ложит коричневые былины прошлогодней полыни по земле, из стороны в сторону.

– Волны! Даром, что полынь! – качаю я, головой, – Как нива ржи, на картине!..

– Ну, – кивает, проходящий мимо, брат, – Шматует как!

На самом краю высокой морской террасы, напротив дома, стоит одинокая пихта. Каждый раз, в непогоду, я смотрю в окно, как на фоне штормового моря, ветер рвёт её крону. Но, привыкшая к борьбе в одиночку, пихта лишь упруго покачивает своими густыми и короткими ветвями.

А дальше, за пихтой – безбрежная равнина океана! До горизонта. И вправо, и влево. Но, сегодня – шторм. И морская даль ограничена низкой завесой дождя. Я смотрю, как низко над волнами, ветер гонит с востока рваные клочья серой облачности. А дальше – бесконечные белые барашки, барашки, барашки...

Тятинский дом. Двадцать четвёртое апреля. Ветер поменялся на противоположный. Разогнало облачность. День стоит чистый и солнечный. Но – такой ветренный и шальной! Порывы ветра очень сильны! Мы с братом сбегали к устью Тятиной – речка очень сильно разлилась! Вода поднялась выше берегов и идёт прямо по широкому столу поймы. Чтобы перейти через речку – нечего, даже и думать! Стихия!

Рассматривая океан в бинокли, мы замечаем, что по линии горизонта мельтешит, извиляется лента птиц! Это идёт пролёт буревестников! Мы поднимаемся по лестнице, на конёк нашей крыши и поворачиваем бинокли на чистый, открытый от облачности, конус вулкана. Дождь вчерашнего циклона промочил снежное одеяло вулкана и теперь там, наверняка, сплошной лёд...

– Медведь! – вдруг, удивлённо говорит в свой бинокль, Игорь.

– Ну! – вторю я ему, – Медведь!

Медведь режет поперёк склоны вулканического конуса, совершенно не оставляя своих следов на по-прежнему забитых снегом, баранкосах...

Через пять минут, сгибаясь под ударами промозглого ветра, Игорь спускается с крыши. Уже снизу, он зовёт меня: “Саш! Пошли домой! И так ясно, что медведи продолжают кормиться на шишке!.. Такой ветер! Невозможно высидеть!”. Я и сам понимаю, что сегодня – не время для такого занятия. Порывы шального ветра, упругими толчками, дёргают меня, то влево, то вправо. Сколько ни старайся – нельзя замереть так, чтобы не качалось из стороны в сторону, круглое поле бинокля! Вздохнув, я тоже скатываюсь с крыши, вниз...

Тятинский дом. Наутро, мы решаем пройти по пойме Тятиной. Отличная погода! Хоть загорай. Вода, в речке, спала почти до нормы. Мы, даже, изощряемся перебраться по её глубокому перекасту! Мы начинаем, зигзагами, рыскать по пойме, надпойменным террасам и ближайшим пятидесяти метрам массивов, прилегающих к речной долине, хвойников...

Вот и нижнее дупло рыбных филинов. Я осторожно карабкаюсь по стволу дерева вверх... Провожу рукой над краем входного отверстия дупла. Самка тут же выбрасывается наружу и уходит в сторону близкого хвойника.

Вместо ожидаемого филинёнка, на древесной трухе днища дупла лежит яйцо!

– Как яйцо?! – поражаюсь я, – Уже одиннадцать дней назад, в дупле на Саратовке вывелся птенец!

Рядом с яйцом лежит жирная, свежая полёвка. Вчера – вода в речке шла валом, и совам трудно было где-то отыскать рыбу.

– Теперь – мы будем знать, что в наводнение рыбные филины кормятся мышами! – делаю я, важный вывод.

У нас с Игорем уже отлажена тактика работы с дуплами. Мы быстро убираемся в свою засаду... Самка уже не так панически воспринимает нашу проверку. Не заставляя себя долго ждать, она скоро появляется над поляной со своим деревом. И садится напротив – на вершину ели – присады. Следом за ней, в кроны соседних, толстых ив вцепляются галдящие вороны...

– Карр! Карр!

Через пару минут, самка снимается с присады и с разгону, ныряет в тёмный провал дупла. Вороны, тут же перестают орать и молча разлетаются по своим делам.

Мы тоже, крадучись, удаляемся прочь...

– Ну? Что там? – вполголоса, интересуется у меня, Игорь.

– Одно яйцо лежит!

– Какое яйцо? – изумляется брат, – На Саратовке – уже давно птенец вылупился!

– Ну! – соглашаюсь я, – Одиннадцать дней назад!

– Может, это вторая кладка?

– Не знаю... Рядом с яйцом полёвка лежит! Свежая.

– Откуда полёвка? – тарашится на меня, Игорь, – Он же – рыбный!

Я спокойно улыбаюсь, в ответ: “Я сам – полгода назад узнал! Японцы прислали мне, зимой, стопку своих статей по рыбному филину. На английском языке... Оказывается, на Хоккайдо, мыши являются обычным кормом рыбного филина! А Пукинский, на Бикине в Приморье, сидел в скрадке под дуплом. Десять ночей подряд он фотографировал корм, который пара

филинов приносила своим птенцам. Потом проявил фотоплёнки – и знаешь что? Чаще всего они приносили в дупло лягушек! Представляешь? Лягушек! А, совсем не рыбу”.

– А! Понятно! – быстро ориентируется, брат, – Они берут тот корм, который доступнее! Лягушки, весной – скверутся на каждой луже. А сейчас, в паводок – рыбу не взять! Так, они – под лесом, мышей ловят.

– Ну, – киваю я, – Точно так!

– А, прикинь! – переключается на другое. Игорь, – Вороны знают, где дупло филинов!

– Ну! Я это – тоже увидел... Они храбры... в самой гуще веток! Знают, что там их филин не достанет.

– Ага! И поорали они – просто так, для порядка. А потом – просто разлетелись.

На террасах, мы находим медвежий помёт. Это – моя работа. Игорь раскрывает мой дневничок...

– Так. Пиши! – диктую я, – Помёт номер двадцать четыре. Свежий, сегодняшней. Семьдесят процентов объёма – лизихитон. Крапива составляет двадцать и сосюрея – десять процентов.

– Всё. Записал.

Я разгибаюсь и втыкаю в помёт свои палки-копалки – знак того, что этот помёт уже обработан нами.

Чуть дальше – выходим на кормовую площадку. Мы начинаем считать поеди... Я заново в дневничок двадцать шесть черешков белокопытника и семьдесят кусочков вершинок крапивы. Мы шагаем дальше...

Выше по речной долине – пошли полянки поедей сосюреи! Я – очень въедливый. Я подбираю лежащий на земле скушенный побег сосюреи и пристраиваю его к “пеньку” оставшегося в почве ростка.

– Точно! Не хватает чуть больше сантиметра, в его основании! Посмотри!

– Ага! – улыбаясь, качает головой, Игорь, – Тебе, одного раза убедиться – мало!

Среди массовых поедей черешков белокопытника, мы находим две поковки луковиц лилии Глена.

Сегодня, то тут, то там, нам встречаются раскопы дёрна.

– Медведи мышкуют! – улыбается брат, трогая чёрным носком болотника соломенный шарик, – Это – уже третье мышье гнездо!

– Ну! – соглашаюсь я, – Не упустят момент мышей половить!

– Саш! Помёт! – оборачивается ко мне, Игорь.

Я делаю два шага в его сторону и вручаю дневничок с ручкой. В ближайшем метре, срубая две палки.

– Ставь номер помёта. Какой, там?

– Третий, за сегодня и двадцать седьмой, за апрель.

– Так. Пиши. Помёт номер двадцать семь. Чёрный снаружи, тёмно-зелёный внутри. Средний медведь. Давность двое суток... Пятьдесят пять процентов объёма – симплокарпус, сосюрея двадцать процентов, осока двадцать процентов. Крапива четыре процента и следы лизихитона и борщевика... Записал?

– Ну, – кивает брат.

Я втыкаю палки-копалки в помёт...

Мы приближаемся к участку верхнего дупла рыбных филинов.

– Четыре километра от устья – уже прошли! – прикидываю я.

В отличие от сделанного мной в низовьях речки дупла, это дупло – естественное. Оно образовалось без помощи человека. Из года в год, рыбные филины выращивают в нём своих птенцов. Надо узнать, как обстоят дела в этом дупле. Я передаю свое ружьё брату и карабкаюсь

вверх, по толстому стволу ивы. Дерево наклонено вперёд, к речке. Оно растёт на мысе, вдающегося в речную долину, взгорка речной террасы. На верху мыса стоит шапка хвойника.

На взмах моей руки чуть выше края входного отверстия, из дупла, в воздух выбрасывается самка рыбного филина. Заложив крутой вираж, птица уходит за гребень взгорка. Проводив филина взглядом, я заглядываю в дупло. Оно – очень глубокое! Но просторное. На трухе днища, белым комком пуха, лежит птенец.

– Грамм двести! – прикидываю я, глядя на него вертикально вниз, – Покрыт редким, белым пухом.

Птенец странно реагирует на моё появление в проёме дупла! Он расплывается по трухе днища в блин, головой в дальний угол и задницей к выходу. Круглое, как шар, туловище, к которому, на тонком шнурке шеи, крепится меньший по величине шарик головы. Основу головы составляет уродливо крупный, изогнутый, синюшного цвета клюв. Глаза у птенца открываются ещё только на одну четверть.

Я, с большим трудом, дотягиваюсь кончиками пальцев до филинёнка и придаю ему сидячее положение. Но – он немедленно расплывается по трухе днища, снова.

– Блин! – злюсь я, – Никак не сфотографировать! Тоже мне, Ванька-встанька! Мне, что?! Задницу твою снимать?!

На трухе днища, рядом с птенцом, навалена горка половинок тушек рыбьей мелочи. Это – мальма, самой разной величины...

И, только тут, я замечаю расплюснутую в блин по днищу, мумию ещё одного птенца! Едва дотянувшись кончиками пальцев, я подбираю этот трупик. Страхиваю с него крошки древесной трухи... Это, буквально, новорождённый, но уже обсохший птенец. Скорлупы, от его яйца, в дупле нигде нет. Трупик имеет такой вид, словно на нём уже не однажды стояла филиниха.

– Какая жалость! – тяжело вздыхаю я.

Я быстро спускаюсь вниз и протягиваю Игорю раздавленного птенца: “Вот. Птенец”.

– Вот, блин! – взрывается, Игорь, – Задавила! Наступила, наверно, лапой...

– Наверно... А, первый птенец – уже хороший! С заварной чайник, размером. Белым пухом покрыт.

– У-гуууу! – филин ухает, за гребнем нашего пригорка.

Мы торопливо уходим от дупла, в сторону...

Филин снимается с вершин хвойника и подлетает ближе! Он устраивается на вершине пихты, прямо над деревом с дуплом.

– У-гуууу!

Убедившись в нашем отсутствии, самка без промедления занимает своё дупло.

– Карр! Карр! Карр!

Орущие вокруг, на деревьях, вороны прекрасно знают о нахождении дупла! Но, близко к нему не суются. Они ограничиваются воплями на открыто сидящего филина и разлетаются кто куда, как только птица исчезает в дупле.

Стараясь не шумнуть, мы отходим на сотню метров в сторону. Я выбираю местечко с хорошим освещением и делаю фото мёртвого птенца, для летописи природы заповедника.

Теперь – мы поворачиваем назад. Верхнее дупло рыбных филинов всегда было высшей точкой наших работ по Тятиной. Теперь, нам остаётся перебраться на другую сторону речки – и домой.

Весь день, ожидая увидеть медведя, я держал своё фоторужьё в “полной боевой готовности”, пристёгнутым ремешками к груди.

– Весь день крались – и ничего! – думаю я, шагая к речке, – Ну, что ж, мы не в обиде. Так, обычно и бывает. Теперь – домой! Работа сделана...

Мы уже ни от кого не скрываемся. Горланя наперебой, мы входим в бурный и глубокий перекаат Тягиной. Упругие буруны воды – под самый обрез болотников! Под ногами – такие неудобные, крупные валуны!.. Здесь всегда так. Вцепившись друг в друга, чтобы не упасть, мы трудно боремся с тугим потоком, выискивая глазами место на дне, куда шагнуть очередной раз...

Всё! Противоположный берег встречает нас галечным, метровым откосом. Натужный шаг-второй вверх по крупной, сыпучей гальке и... мы так и застываем, с радостными улыбками на лицах и неоконченными воплями на языках – в пятнадцати метрах перед нами, стоя к нам передом, преспокойно пасётся медведь!!!

В следующее мгновение, мы уже падаем назад, за откос берега. Следом – обвалом гремит, брызнувшая из-под наших сапог, галька! Торопливыми движениями, я скручиваю большую железную крышку с объектива фоторужья. Рядом, вцепившись пальцами в валуны откоса и сапогами бултыхая в воде речки, лежит Игорь...

Осторожно, одним глазом, мы выглядываем из-под берега – как ни в чём ни бывало, медвежий подросток ковыряет когтём землю, перед своим носом! Он изредка поднимает свою узкую морду, чтобы осмотреться. У него – такая, уморительно длинноухая, морда!

– Это же надо же!!! – блестя шальными глазами, шепчет Игорь, – Чуть не наступили на гада, а он и не заметил?!

Я поднимаю объектив фоторужья над уровнем стола поймы и навожу резкость.

– Стук-щёлк! – я делаю первый кадр.

Медведь увлечён своими покопками.

– Стук-щёлк! Стук-щёлк! – “стреляю” я, снова и снова...

Всё! Мне хватит. С этого расстояния, других кадров – не сделать.

– Нужно подождать, – думаю я, – Может, он вообще в объектив влезет?!

Мы лежим за галечном бруствером речного берега и в упор, рассматриваем медведя. Какие бинокли?! Мы и так – слишком близко!.. Весенний ветерок играет бурой шерстью на медвежьем загривке. Он ложит пряди грубых, длинных волосин то в одну сторону, то в другую...

Вдруг, медведя, словно кто бичом вдоль спины вытянул! Рванув на месте, всеми четырьмя лапами, он бросает своё тело прочь! Резвым галопом, подросток несётся среди толстых колонн стволов пойменных “баобабов” прочь, к чернеющей стене хвойников мамашиного языка.

– Блин! Подхватил, всё-таки! – злюсь я.

– Ну! Понесся, как бешеный! – соглашается Игорь, – Прямо, землю из-под себя рвёт!.. Может, съел чего?

Мы весело ржём, выбираясь на стол речной поймы, по брэнчащему галькой откосу берега.

– Саш! Как он может не слышать?! – спрашивает Игорь, – Мы так упали обратно, в речку! Такой грохот!

– А, вот, спроси! – я развожу руками в ответ, – Бывает! Даже внимания не обратил! Наверно, подумал, что подмытый водой берег обвалился! Весной, такое – не редкость.

– Да, – соглашается с моей мыслью, Игорь, – Скорее всего.

Через двадцать минут мы уже бодро шагаем по смотровой тропе, в сторону дома.

– Си-си! Си-су-су-су-су! – среди хвойника раздаётся мелодичная песенка.

Я торможусь: “Слышишь? Синехвостка! Первая летняя песенка. Сейчас запишу, в Летопись природы”.

– Ага. Сегодня двадцать пятое апреля, – подсказывает мне Игорь.

На выходе со смотровой тропы, мы закладываем “малый круг” – шагаем не напрямую к дому, через бамбуковую пустошь, а под прямым углом сворачиваем влево, в ольховники Банного ручья...

Но, перед ольховниками, сначала – лесное озерцо. По торной медвежьей тропе, мы тихо шагаем мимо лесного озерца...

– Куаааааа! Куаааааа!

По его берегам душераздирающе орут лягушки! Игорь качает головой: “Ну и орут же! Как недорезанные! Уши забивают своим ором!”. В ответ, я только улыбаюсь и пожимаю плечами: “Что ж ты хочешь? Вес-на!”...

Тятинский дом. Под утро, часов около пяти, я слышу, как тихо закрывается входная дверь. Я поднимаю голову и с трудом, навожу резкость. Это – уже вовнутрь, зашёл Игорь.

– Проспал! Как он поднялся и как из дома выходил! – мысленно удивляюсь я, себе.

– Саш! Бекас токует! – увидев, что я поднял голову, говорит мне брат.

Спросонья, я смотрю на окружающий мир.

– В доме всё серо, – вяло думаю я, – Значит – уже утро. Бекас токует – это большая, хорошая новость! Первое токование в этом году!

Японский бекас является массовой птицей на Кунашире. И весь май, здесь проходит под непрерывное шипение и шкворчание в небесах, этих “пикирующих бомбардировщиков”.

Сон разом слетает с меня. Я слезаю с нар и шагаю к двери – послушать.

– Ши, ши, ши-ши-ши-шшшшш-шииииирррр! – со всё нарастающей скоростью, несётся с неба.

– Это бекас! – улыбаюсь я, – Конечно, бекас! Ни с чем не спутаешь! Только, этот – ещё один, самый первый.

– Сегодня – двадцать шестое апреля! – прикидываю я, – Дата, в Летопись природы!

Мы заходим с братом в дом и опять падаем на свои спальные места, на нарах – досыпать можно, до девяти часов...

После полудня, мы перебазируемся на Саратовский кордон. Сегодня транспортный день. Грузёные, под рюкзаками, мы шагаем по колеям зарастающей дороги, к Тятиной...

Перейдя речку по перекату, Игорь переобувается в кеды, а свои болотные сапоги пристраивает под верхний клапан своего рюкзака. Этот способ смены обуви, был нашим коронным номером на Сахалинских рыбалках, когда мы, школьниками, с удочками “сплавлялись” вниз по нашей речке в сапогах, а потом переобувались в сухие кеды и “шпарили”, по грунтовой дороге домой, налегке.

Я, пока, не переобуваюсь. Я знаю, что метров через триста, нам нужно будет переходить топкий ручеёк. Кругом кипит, бурлит жизнью, яркий, весенний день. Сегодня солнечно и почти жарко...

Вот и ручеёк. На живописной, зелёной лужайке за ручейком, мы снимаем со спин свои рюкзаки. Я сажусь на травку и стаскиваю сапог. Брат садится на валёжину рядом и достаёт беломорину...

– Карррр!

– Карррр!

– Карррр! Карррр!

Невдалеке, за низкими кустами морского шиповника, ближе к подошве высокой морской террасы, горланит клубок воронья. Они устроили там целую карусель, вздымаясь вверх и пикируя вниз!

– Прямо, чёртово колесо! Пойду, – поднимается на ноги, Игорь, – Гляну, чего они там не поделили.

– Ага! – киваю я головой, начиная шнуровать свои кеды...

Через пару минут, я вижу, как согнувшись в три погибели, между куртинами шиповника, “чешет” обратно, брат.

– Сашка! Медведь!

– Где?! – преображаюсь я, – Большой?

– Нет, не большой, – пригибаясь, оборачивается к террасе, Игорь, – Да, вон он, стоит! Ты встань! Отсюда видно!

Я не поднимаюсь. Я принимаюсь торопливо скручивать большую, железную крышку с объектива своего фоторужья.

– Зззззз! Зззззззззззз! – скрипуче и противно скрежещет эта чёртова крышка.

Через минуту, низко пригибаясь, мы уже вьём петли между низкими куртинами морского шиповника. Выглядываем из-за кустов очередной раз – молодой медведь ковыряется в земле метрах в тридцати на полянке, среди голого, просвечивающегося насквозь, ольховника. Зверь чёрный. Он контрастно выделяется на фоне окружающей зелени! Над ним, непрерывно горланя, мельтешит чёрный клубок воронья.

– Каррр!

– Каррр! Каррр!

– Каррр!

– Наверно, медведь имел наглость отнять у ворон их добычу! – шепчет Игорь.

Одна за другой, вороны непрестанно пикируют на зверя, отворачивая в самый последний момент. Но медведь не обращает на них никакого внимания, даже головы не поднимает. Он стоит, опустив голову к самой земле. Он что-то нюхает, или подбирает с земли.

– Не понять! – я смотрю на горб медвежьей холки...

Но, вот! Одна из ворон, наверное самая наглая, пикируя вниз, не отвернула и со всего разгону втыкается клювом медведю в спину!

– Тук!

Летающее зубило! Бедный медведь, от боли, проседает спиной – до самой земли! Бросив своё занятие, он резко вздёргивает морду в небо и зло смотрит на своих чёрных, пернатых врагов. Разметавшись в стороны от неожиданности, уже в следующую секунду воронья карусель дружно бросается в бой! Все клюют! Со всех сторон!

– Каррр!

– Каррр!

– Каррр! Каррр!

Чёрная орда быстро побеждает. Резко вскидывая свою морду навстречу очередной, пикирующей с неба вороне, медведь быстрым шагом шагает по молодому, редкому ивнячку, вдоль подножия террасы, прочь. Воронье преследует своего врага.

– Каррр! Каррр!

– Каррр!

Чёрная, каркающая банда ещё несколько раз втыкает свои клювы в медвежью спину и зад. Каждый раз, медведь резко прогибается спиной, от боли. Наконец удовлетворившись, вороны возвращаются назад, к отвоёванному месту...

Держа фоторужье наготове, короткими перебежками, ядвигаюсь по ивнячку стороной, стараясь опередить “объект съемки”...

Не успеваю! Не останавливаясь, и даже, не задерживаясь ни на мгновение, медведь споро идёт вдоль подножья морской террасы. И с ходу сворачивает с побережья влево, в распадочек ручейка. Присев за маленький бугорок, я дожидаюсь, пока он исчезнет за дамбой в устье распадка и быстрыми скачками преодолеваю открытую поляну. На мгновение приседаю за дамбой!

– Тут – два варианта! – просчитываю я, – Медведь может заинтересоваться чем-нибудь прямо за дамбой! И тогда – я, на него, наскочу! Буквально! А, если медведя ничего не интересует – тогда, он должен уже скрываться за следующим поворотом распадочка.

Я заполошно выскакиваю из-за угла дамбы. Увы! Меня ждёт второй вариант – чёрный медвежий зад уже заходит за поворот! Уже не таясь, я выскакиваю из овражка ручья вправо, на дамбу и обрезая поворот распадка, бегу напрямик, по краю бамбуковой пустоши...

Но, всё-равно, безбожно опаздываю! Шагах в двадцати передо мной, мерно покачиваясь при ходьбе из стороны в сторону, удаляется чёрная медвежья задница! Я вскидываю фоторужьё и...

– Ну, что? Задницу фотографировать?! – стучит в моей горячей голове, трезвая мысль, – Может, оглянёшься?!

Но, нет. Не замечая меня, медведь ходко идёт вдоль бамбуковой пустоши, к лесу. Я стою, опустив руки, в бессилии сжимая фоторужьё. И зло сверлю взглядом зад уходящего медведя: “Скотина! Чтоб ты семь раз перевернулся!”...

Сзади подходит, запыхавшийся Игорь.

– Я за тебя бояться уже устал! – раздражённо выговаривает он мне, – Ты из-за углов выскакиваешь, даже не зная, что там! Так – напороться можно, нос к носу!

– Я сам понимаю, – согласно киваю я, – Но он... идёт так быстро! Я вижу, что не успеваю! Поэтому и рисковал, по-чёрному... Но, видишь? Так и не успел!

– И ружья у тебя нет! – злится на меня, брат.

– Нет, – согласно киваю я.

Мы молчим...

– Фу!!! – наконец, выдыхает Игорь.

– Обидно! – говорю я.

– Абыдно, дасадно! – Игорь делает кавказский акцент своему голосу, – Да, ладно!

Мои губы трогает улыбка.

– Ладно. Пошли, посмотрим, чего они там не поделили?

– Пошли.

Мы возвращаемся назад...

Подходим к месту “великой драки”. К нам, у ворон – совсем другое отношение!

– Кар! – откуда-то со стороны, коротко каркнула одна ворона.

Наверняка, этот “карк” в их лексиконе звучит, как “Полундра! Гасись, кто может!!!”. Потому, что встрепенувшееся воронье, молча бросается врассыпную! Кто – за кочку, кто – за куст. И на пределе возможного, всё уносится от нас прочь.

– Вот, твари! – ругается Игорь, – На выстрел – не подойти!

– Ну! – киваю я, зыряка по сторонам глазами.

На месте боя, на пожухлой траве валяются несколько высохших, костлявых, рыбных голов!

– Морской бычок! – изумляюсь я, – Из тех, что выбрасывает на берег океанским прибоем!

– Хм! – хмыкает Игорь, пнув ногой сухую, костлявую рыбью голову, – Камень преткновения! Из-за этой гадости целую бойню устроили?! Ну, артисты!

Здесь же, по сырому ольховнику вдоль подножия террасы, видны покопки медведя. – Симплокарпус или лизихитон? – задаётся вопросом, Игорь.

– Наверно – и те, и другие, – прикидываю я, – Около покопки лизихитона должен лежать скушенный зелёный рожок скрученных листьев. А симплокарпус... нюхать нужно.

У каждой покопки, я становлюсь на колени и нюхаю. Не очень удобный способ, но верный...

– Смотри-ка! – удивляюсь я, – Сорок шесть покопок и все – симплокарпус!

Вокруг неистово верещат лягушки.

- Ко-ко-ко-ко! – бухают низкие тона.
 - Ке-ке-ке-ке! – тонко верещат высокие.
 - Ка-ка-ка-ка-ка! – заполняют пространство те, что посередине.
- От многоголосого рёва сотен лягушачьих глоток сотрясается сам воздух...
- Вот, орут! – морщится Игорь, – Глушат все звуки!
 - Ага! – улыбаюсь я, – Ты послушай – сколько экспрессии!
 - Ну! Хоть уши затыкай!

Мы выходим к своей, заросшей клевером дороге, взваливаем рюкзаки на спины и шагаем дальше...

К вечеру, по пути не спеша собирая лисьи экскременты, мы добираемся до Саратовского кордона. Здесь – обычные заботы по расконсервации кордона: приготовить дров, принести воды, вымыть кастрюльку...

Всё! Вечер. Топится, потрескивает дровами печка. На первой “конфорке” печной плиты в кастрюле варится наша каша, на второй – греется жёлтый, эмалированный чайник. Заодно прогревается нахолодавший без людей, кордон...

Уже десять часов вечера. Я тихо выхожу за дверь. Игорь сидит на ступеньке высокого крыльца и потягивает беломорину. Под кронами пихт и елей, по границе кордонной поляны, разлита синева сумерек.

– Ш...ши... ши-шшш – ...ширр! – в абсолютном безмолвии притихшей к ночи природы, едва слышно шкворчание бекаса, над просторами бамбуковой пустоши со стороны устья Саратовской.

– Весна! – приглушённо говорит он, – Слышишь, как расшипелись бекасы?

– Ага! Слышу, – я спокоен, – Мы вчера, в Тятинском доме, уже записали дату первого токования!

– Хм! – с улыбкой, хмыкает Игорь в ответ, – Что? Теперь – не интересно?

– Интересно. Ещё как! – отзываюсь я, – Но, уже не нужно спешить записать в дневник.

За эти пару лет, что стоит Саратовский кордон, его бревенчатый сруб разошёлся и теперь, лёжа на солдатской койке, головой в угол, я вижу сквозные щели. Откинувшись в горизонтальное положение, на подушку, я качаю головой: “Игорь! Из моего угла улицу видно!”. В эти щели, ночью, быстро уходит тепло из помещения кордона! Однако, в этом есть и плюсы – теперь нам слышно всё, что творится “на улице”. Например, сегодня, в ночной тишине, рядом с нашим домиком, поёт ночная птица.

– С-с-с-с-с-с-с-с-с-с!

Мягкий и тихий, заунывный посвист. Начинаясь на низкой ноте, длинная, мелодичная трель коротких свистов, постепенно переходит на высокие тона и затихает...

– Саш! – спрашивает со своей койки, Игорь, – Что это, за птица?

– Это, какая-то совка поёт, – я и сам прислушиваюсь к приятной песенке совки, лёжа на своей койке...

Саратовский кордон. Двадцать седьмое апреля. С утра, мы уходим на Саратовский борт. Но, не напрямую, а наоборот – с выходом на склон Борта на обратном пути. С поляны кордона, мы уходим сразу вверх, по надпойменной террасе речки. Здесь, под сырыми ольховниками – массовые медвежьи покопки симплокарпуса! Я нюхаю каждую покопку, Игорь записывает в дневничок.

– Вот, интересно! – удивляется Игорь, – Тут – тьма лизихитона! А, он выбирает симплокарпус!

– Ну!.. – соглашаюсь я, – Съедает весь росток, подчистую... Сколько всего, покопок?

– Сто сорок восемь!

– Хм! – у меня поднимаются брови, – Классно!

На углу хвойника, что в развилке речки и её притока, мы отыскиваем медвежью лёжку. Она расположена на границе хвойника и вейниковой поляны. Лёжка сделана в основании ствола толстенной ели, со стороны поляны. Закрыта, с этой стороны, небольшим корчём.

– Так, лёжка! – я вынимаю из кармана рулетку и отдаю Игорю свой дневничок.

– Пиши! Размеры лёжки... сто двадцать на семьдесят. Диаметр ствола ели... шестьдесят пять.

– Хм! – хмыкает брат, – Подстилка! Мы уже забыли про это!

– Ну, – киваю я, – Значит, эта лёжка – ранне-весенняя.

Подстилка состоит из прошлогодней соломы вейника, которую медведь сгрёб поблизости.

– Хм! – опять хмыкает Игорь, – Смотри! Солома сбита в валик по противоположной от ствола ёлки, стороне лёжки. Он лежал, прижимаясь к стволу дерева спиной!

– Ага! – соглашаюсь я, – Точно... Ладно. Пиши дальше... Толщина подстилки – пять-шесть сантиметров.

Два медвежьих помёта лежат в трёх метрах от края лёжки.

– Теперь – помёты... Пиши. Первый... лизихитоновый. Второй... рыбный, однородный, промытый дождями.

– Рыбный? – удивляется Игорь, – Сейчас, какая рыба?!

– Да, рыбный! – подтверждаю я, – Но, старый. Рыбы весной нет... Значит – это не весенняя лёжка! Это, вообще – поздне-осенняя лёжка! Запиши.

На стволе ели, под которой расположена медвежья лёжка, красуется задир.

– Запиши, задир! – диктую я, – Высота сорок четыре сантиметра.

– Так низко! – прикидывает Игорь, – Я думаю, он его – лёжа на лёжке и сделал.

– Ну! – соглашаюсь я, всматриваясь в задир, – Скорее всего.

– Смотри, – Игорь трогает пальцами грубые бляшки елового ствола, на которые налипли медвежьи волосы, – Они почти белые!

– Ну, – соглашаюсь я, – Значит, медведь был – такой светлый.

– А вот! Нормальный задир! С другой стороны ствола!

Я поднимаюсь, к Игорю...

– Ага! Пиши: высота задира сто девяносто семь сантиметров.

– Практически, два метра! Это – другое дело!

Сегодня нам, поодиночке, встретились четыре ствола с прошлогодними и даже, позапрошлогодними задирами. Каждый из них, мы тщательно замеряем и описываем...

– Саш! Ещё ствол с метками!

– Ага! – я вынимаю из кармана рулетку.

– Пиши. Ствол номер... какой, там, номер?

– Семьдесят четыре.

– Так. Пиши! Ель. Номер семьдесят четыре. Диаметр сорок четыре. Прошлогодний задир. Ободрана с высоты двести тридцати четырёх сантиметров и до корней.

По глухим закоулкам Борта – массовые покопки!

– Хм! – хмыкает Игорь, – Медвежий угол! Здесь медведи постоянно кормятся!

– Угу.

Мы приступаем к подсчёту покопок в одном из закоулков...

– Последняя... тоже симплокарпус! – я поднимаюсь на ноги, – Сколько там?

– Сто девяносто две покопки!

– Круто! – киваю я...

– Помёт! Саш! – вскоре говорит Игорь.

Все, находимые нами, помёты я вкладываю в полиэтиленовые пакетики и снабжаю бумажной биркой с номером. И складываю их в ведро. В простое, оцинкованное ведро. В

дневничке записываем номер помёта и оставляем “окошко” для последующей записи состава помёта...

– Пиши! Помёт номер тридцать. Давность – один день. Иссине-чёрный снаружи, тёмно-зелёный внутри. Для состава окошко оставь.

– Ага...

– О! Лёжка!

– Ага. Пиши! Размеры... сто на сто пятнадцать. Сделана на взгорке, на месте разбитого, трухлявого пня. Без подстилки.

Тёмный хвойник протянулся справа и чуть выше нас по склону сопки. На ходу, я поворачиваю голову вправо, к Игорю и дальше, через него, на светлом фоне прошлогодней травы, между пихтами, мне в глаза бросается продолговатое, тёмное пятно. Метрах в тридцати – сорока.

– Медведь!

Игорь тоже поворачивает голову к лесу.

– Нет. Не похоже...

Мы возвращаемся на пару шагов назад.

– Ну! Точно, медведь!

– Ага! Лежит.

Зверь лежит на склоне, к нам левым боком, головой от нас. Я смотрю на горб его холки...

– Спит!.. О! Голову поднимает!

Медведь слышит наши голоса. Он сонно поднимает голову и поворачивает её на нас. Спокойно поднимается на ноги и шагает от нас, под кроны пихт. Четыре шага – и его нет...

– Ну, конечно, спит! – Игорь смотрит на свои часы, – Тринадцать часов, времени! У них – полуденная дремота...

Вскоре, я нахожу очередную медвежью лёжку. Она сделана на бугре, между стволами растущих вместе, трёх молодых елей.

– Помёты! – прищуривается Игорь, – Значит, лёжка – ночная.

– Ну! – соглашаюсь я, – Пиши! Помёт номер тридцать шесть. Давность – свежий, сегодняшней.

– Значит и лёжка – сегодняшняя, ночная! – вычисляет Игорь.

– Да, – киваю я.

Моё ведро – полное! Мы чуть спускаемся по склону Борта, к ближайшей воде. Здесь, я разворачиваю “полевую лабораторию”.

– Игорь, дописывай составы! – прошу я, заглядывая на клочок бумаги, из пакетика с помётом, – Посмотри, там, помёт номер тридцать.

– Нашёл.

– Пиши. Состав: симплокарпус девяносто восемь процентов; гомогенат травы, скорее всего, крапива – два процента...

– Так... Бирка номер тридцать семь. Найди помёт.

– Нашёл.

– Так. Его состав: Симплокарпус – семьдесят процентов объёма, гомогенат травы, крапива семь процентов. Шерсть и косточки полёвок – три процента...

– Хм! Этот медведь мышкует?! – уточняет Игорь.

– Ну, да! – отзываюсь я, – Вот! Конкретное подтверждение!..

– Помёт номер сорок пять. Симплокарпус сорок процентов, соссурия – тридцать, крапива пять... Игорь, глянь! Что это такое?

Брат встаёт и сделав шаг, заглядывает мне через плечо: “Аааа... Это лягушачья икра”.

– Что?! – я удивлённо поднимаю на него глаза.

– Саш, я ж тебе говорю: “Икра дальневосточной лягушки”! – объясняет мне Игорь, – В экскрементах лисиц, она – обычное дело. Ты не смотри, что сейчас это – комочек чёрных ядрышек! Брось его в воду – и через пару часов, оболочка каждой яйцеклетки набухнет, и ты увидишь самую обыкновенную кладку лягушки.

Я, с сомнением, рассматриваю комочек чёрной крупы...

– Нууу! Это – ещё что! – смеётся Игорь, – Ты бы – моё лицо, видел! В лаборатории... Под вечер, уходя с работы, я на ночь, как обычно, закладываю в стеклянные, лабораторные стаканы очередную порцию экскрементов и заливаю их водой, чтобы размачивались. Утром, гляжу, а один из моих стаканов – полный лягушачьей икры! Зима за окном, сугробы белые... Я, грешным делом, подумал, что надо мной подшутили Басарукин с Вороновым! Выложил кладку на лист фильтровальной бумаги... На утро, на бумаге – комочек чёрной крупы! Вечером, бросаю этот комочек в стакан с водой. Утром прихожу – стакан опять полный лягушачьей икры! Удивительная вещь!

– Даааа, – тяну я, – Век живи – век учись...

– А, хочешь более глобальную мысль? – задумывается брат, – Ты представь, как эта штука, живуча! В моём случае – лисица могла съесть кладку лягушки только весной. Правильно?

– Ну, – киваю я, – Лягушки квакчат только весной.

– Я же, приступил к анализу этого лисьего экскремента – в марте. Посчитай!

– Через... одиннадцать месяцев!

– Вот! Одиннадцать месяцев этот экскремент пролежал в сухом состоянии, в экспедиционных сборах! Вывод?

– Икра лягушки функционирует через год абсолютного высыхания, как свежая! – прищуриваюсь я.

– Вот!

– Удивительно...

Раздумывая о лягушачьей икре в медвежьем помёте, я пару минут верчу в руках свою авторучку...

На сегодня – всё! За сегодняшний день, мы обработали двадцать медвежьих помётов. Двадцать штук за один день! Это круто! Довольные, мы поворачиваем вдоль подножия Борта, обратно...

Вскоре, далеко впереди, мы замечаем чёрную точку. Игорь поднимает к глазам бинокль: “Медведь, Саш! Будем подкрадываться?”

Оптика моего фоторужья увеличивает не хуже, чем восьмикратный бинокль. В моём кадре, посреди мари, заполненной жёлто-белой стеной соломы прошлогоднего тростника, пасётся крупный медведь. Чёрная фигура зверя контрастно выделяется на окружающем фоне.

– Конечно, давай!.. Опять, через лесок?

– Ага! Хорошо! – прикидывает Игорь, – Справа зайти попробуем.

– Стук-щёлк! – я делаю первый кадр, издаюлка и мы трогаемся вперёд...

Вот и колок пихтарника. Он, подковой выгнут в сторону Борта. Игорь остаётся на ближайшем конце “подковы”. Я оставляю ему своё ружьё и с фоторужьём наперевес, крадусь к дальнему окончанию этой подковы...

Прикрываясь густыми пихточками подростка, я всё ближе подбираюсь к зверю...

– А, что делается вокруг, на просторах проплевшины?

Я оборачиваюсь и гляжу через пустырь влево, на противоположный конец колка. Там, Игорь, утвердительно кивает мне, головой. Значит, всё хорошо. Я зыркаю глазами вокруг – почти в направлении медведя, от моей оконечности подковы колка, уходит ряд одиночных, молоденьких ёлочек, чуть выше человеческого роста. Прижимаясь к пышному ковроу зелёного мха на земле, я ползу вдоль этого ряда молоденьких ёлочек, закрываясь еловыми лапами...

Всё! Последняя ёлочка! Я осторожно выглядываю из-под её мохнатой ветки: крупный медведь спокойно пасётся шагах в тридцати, прямо передо мной! Однако, полтораметровая стена прошлогоднего тростника частой сеткой закрывает медвежью тушу! Изредка переступив с ноги на ногу, медведь пасётся на траве. Он всё щиплет, щиплет и щиплет...

Наша семья, на Сахалине, всегда держала коров. Вы обращали внимание на то, как корова щиплет траву? Круговыми движениями языка, она набирает полный рот травы, сжимает губы и делает резкий и короткий рывок мордой, под себя. Глокает. И снова, орудуя языком, набирает полный рот травы.

– Хм! – думаю я, глядя на пасущегося медведя, – Он – как корова! Так же резко и коротко дёргает рылом под себя, когда набирает полный рот травы.

Я делаю пару кадров пасущегося медведя, сквозь жёлтый тростник. А, дальше? Дальше – делать нечего! Я просто лежу за крайней ёлочкой и жду, долго наблюдаю за медведем через объектив своего фоторужья. А медведь – всё щиплет траву! Высокая, жёлто-белая стена соломин тростника полностью закрывает то переднюю часть его туловища, то заднюю...

– Вот, блин! – матерюсь я про себя, лёжа на зелёном ковре мха, – Как трудно фотографировать!.. Вот бы, сейчас, высунул ствол! Бах! И убил! А, чтобы сфотографировать – ждешь-ждешь! Полдня! То – солнце не оттуда светит, то – ветка половину морды закрывает! То тучка освещение закрыла... Не понос – так золотуха!

Широкий и приземистый как копёшка сена, медведь снова переступает с ноги на ногу, разворачиваясь ко мне левым боком. У него бурая, с жёлтыми подпалинами по бокам, шерсть. “Неряшливость оперения” говорит о том, что медведь вовсю линяет.

– Что же делать? – мучаюсь я, за ёлочкой.

Я озираюсь по сторонам: у моих ног начинается канавка полуметровой глубины, с водичкой по дну. Канавка протянулась поперёк всей мари.

– Можно выдвинуться по ней! – просчитываю я.

Я сползаю в канаву. Согнувшись в три погибели, я осторожно, стараясь не булькнуть водой, полуползу по канаве, параллельно медведю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.